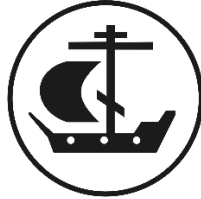

Санкт-Петербургская
православная духовная академия

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

№ 4, 2014

Научно-богословский журнал

История Русской Православной Церкви

ISSN 1814-5574

Издательство СПбДА

Редакционная коллегия

Главный редактор: *архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков)*, кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской православной духовной академии

Редактор тематического выпуска: *Дмитрий Андреевич Карпук*, кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии

Ответственный редактор: *протоиерей Димитрий Юревич*, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по научно-богословской работе

Редакторы отделов

- богословия: *священник Игорь Иванов*, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии
- библистики: *протоиерей Димитрий Юревич*, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по научно-богословской работе
- церковной истории: *Дмитрий Андреевич Карпук*, кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии
- литургики: *протоиерей Владимир Хулан*, доктор теологии, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по учебной работе
- философии: *Игорь Борисович Гаврилов*, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии

CHRISTIAN READING

*Scientific and Theological Journal of
Saint Petersburg Orthodox Theological Academy*

4, 2014

History of the Russian Orthodox Church

Editorial Board

Chief Editor: *Archbishop of Peterhof Amvrosy (Ermakov)*, Candidate of Theology, Rector of Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Editor of the Thematic Issue: *Dmitry Andreevich Karpuk*, Candidate of Theology, Lecturer, Secretary of the Church History Department and Archives Manager at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Responsible Editor: *Archpriest Dimitry Yurevich*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Theological Researches at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Editors of Sections

- Theology: *Priest Igor Ivanov*, Candidate of Philosophy, Associate Professor at Saint Petersburg State University of Engineering and Economics and at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Biblical Studies: *Archpriest Dimitry Yurevich*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Scientific and Theological Research at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Church History: *Dmitry Andreevich Karpuk*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Theological Researches at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Liturgical Studies: *Archpriest Vladimir Khulap*, Doctor of Theology, Vice-rector for Educational Affairs at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Philosophy: *Igor Borisovich Gavrilov*, Candidate of Philosophy, Associate Professor at Saint Petersburg State University of Engineering and Economics and at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

СОДЕРЖАНИЕ

История Русской Церкви в домонгольский период

П.И. Гайденко. Образование древнерусских епископов (конец X – первая треть XIII вв.) 6

История миссионерского служения

Архимандрит Августин (Никитин). Форт Росс — «русская крепость» в Калифорнии 33

История монашества в синодальный период

Иеромонах Агафангел (Суслов). Возмущение братии Валаамского монастыря в середине XIX века 62

История Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры

Н.Д. Голубятникова. Из истории формирования братской библиотеки Александро-Невской Лавры 79

История Санкт-Петербургской духовной академии

Н.Т. Карамышев. Василий Иванович Долоцкий — первый профессор литургики Санкт-Петербургской духовной академии 105

Священник Иоанн Тарасов. Жизненный путь профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Алексеевича Карабинова (1878–1937) 125

Д.А. Карпук. К вопросу об учреждении в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии кафедры «Церковное живое слово и чтение» 156

Русская Церковь в годы Первой мировой войны

К.А. Соловьев. Библейские аллюзии в Высочайшем манифесте от 26 июля 1914 г. 171

Русская Церковь в эмиграции

М.В. Шкаровский. Русская Православная Церковь Заграницей и ее общины в Югославии в годы Второй мировой войны 182

Рецензии

Священник Константин Костромин. Рецидив синодального обличения раскола 223

CONTENTS

History of the Russian Church During the pre-Mongolian Period

P.I. Gaidenko. Education of the Old Russian Bishops (the Close of the 10th Century – the 1st Third Part of the 13th Century) 6

History of the Missionary Work

Archimandrite Avgustin (Nikitin). Fort Ross — «Russian Fortress» in California . 33

History of Monkhood During the Synodal Period

Hieromonk Agafangel (Suslov). Monks' Disturbance at the Valaam Monastery in the Middle of the 19th Century 62

History of the Holy Trinity Alexander Nevsky Lavra

N.D. Golubyatnikova. From the History of Fraternal Library Formation in Alexander Nevsky Lavra 79

History of the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

N.T. Karamyshev. Vasiliy Ivanovich Dolotskiy — the First Professor of Liturgical Studies of the Saint Petersburg Theological Academy 105

Priest Ioann Tarasov. Life Journey of the Professor of the Saint Petersburg Theological Academy Ivan Alekseevich Karabinov (1878–1937) 125

D.A. Karpuk. On the Establishment in the Imperial St. Petersburg Theological Academy the Department of “Church Living Word and Reading” 156

Russian Church During the First World War

K.A. Soloviyov. Biblical Allusions in the Imperial Proclamation of the 26th of July, 1914 171

The Russian Orthodox Church in Emigration

M.V. Shkarovsky. The Russian Orthodox Church Abroad and Its Communities in Yugoslavia During the Second World War 182

Reviews

Priest Konstantin Kostromin. Relapse of the Synodal Split Denouncement 223

Annotations 231

П.И. Гайденко

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЕПИСКОПОВ (КОНЕЦ X – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII ВВ.)

Воспитание и образование русского епископата ещё ни разу не представало в качестве самостоятельной научной проблемы. Между тем знание степени интеллектуальной подготовки архиереев способно приблизить исследователей Русской Православной Церкви к лучшему пониманию как самих религиозных процессов, так и принципов организации и деятельности церковных институтов. В представленной статье предпринята попытка описать и проанализировать общий уровень грамотности первых древнерусских иерархов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Киевская Русь, древнерусский епископат, образование в Древней Руси.

Вопрос об образовании и воспитании русского епископата, в том числе его древнейших представителей, кажется, ни разу не представал в качестве отдельной, самостоятельной научной проблемы. Немногочисленные и нередко оправданно эмоциональные замечания по этому поводу в какой-то мере закрывали существующую в данном отношении лауну, представляя возможность любознательному исследователю или читателю получить некое общее представление о «типичном» древнерусском архипастыре¹. Но насколько верно говорить о «типичном русском архиерее» в условиях, когда епископии существовали фактически автономно друг от друга, принципы и процедуры формирования подбора кадров на святительские вакансии и порядок поставления на кафедры ещё не вполне изучены², а между епископами почти не существовало плотных и регулярных отношений, если только иерархи не были выходцами из Печерского мо-

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технического университета, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета (paul08kaz@gambler.ru).

¹Большинство этих замечаний не столько решали обозначенную проблему, сколько пробовали воссоздать некий образ архиерея (см. замечания и наблюдения: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. С. 557–560; *Добротворский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2001. С. 41; *Никольский М.Н.* История русской церкви / М. Н. Никольский. М.: Политиздат, 1985. С. 31–32).

²*Гайденко П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013.

настыря³, или этого не требовали вопросы банального выживания во время возникновения и разрастания внутрицерковных конфликтов?⁴ Поэтому проблемы образования, воспитания и происхождения русского епископата по-прежнему нуждаются в детальном изучении.

Не вызывает сомнения, что архиерей как глава вверенного ему округа и лицо, возглавляющее религиозную жизнь своей паствы (не только нравственную, богослужбную, но административно-каноническую), должен был соответствовать самым высоким требованиям. Большая часть ожидаемых от него качеств была весьма подробно изложена апостолом Павлом⁵. Хочется заметить, что гра-

№1. С. 207–225.; *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // *Древняя Русь*. 2011. №2 (44). С. 118–119.

³Судя по всему, проблема отношений между епископами, воспитанными в Печерской обители не так проста и ясна, как это кажется в первый момент. Если опереться на сообщения источников, можно заключить, что близкие связи между архипастырями-печерянами существовали только на начальном этапе истории монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199, 200–202.; *Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко.* СПб., 2004. С. 314–315, 326–327; *Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исайи епископа Ростовьскаго чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси.* СПб., 2003. Т. 12. С. 258–259). Очевидно, по мере переподчинения обители прп. Феодосия митрополиту и греческим настоятелям тёплые отношения между бывшими насельниками в епископском сане и родными, если и не прекратились, на что указывает переписка Симона и Поликарпа, которых связывали какие-то очень близкие либо кровно, либо духовно родственные отношения, то, во всяком случае, стали угасать. Можно констатировать, что летописные и патериковые записи, относящиеся к событиям XII–XIII столетий, не зафиксировали между епископами, выходцами из прославленной обители, примеров тёплых отношений подобных тем, что являлись вокруг событий, связанных с прославлением прп. Феодосия или освящением Успенского собора.

⁴Примеры подобного общения немногочисленны, но весьма показательны. Во-первых, это переписка между Нифонтом новгородским (при посредстве прп. Кирика) и смоленским епископом (Вопрошание Кириково // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 417 (вопр. 43), 444–445 (коммент. 81, 82)), расчётливо искавшего благосклонного внимания влиятельного и властного русского архиепископа, во-вторых, поучение Кирилла Туровского в адрес Андрея Боголюбского и Феодора Ростовского (Кирилл монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди о воскресении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В.В.* Кирилл Туровский: Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М., 2009. С. 23–40) и, наконец, в-третьих, тёплые и взаимовыгодные отношения между митрополитом Константином и опытным интриганом черниговским епископом Антонием, который в итоге и похоронил своего первосвятителя (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349, 354–355).

⁵«Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чистен, страннлюбив, учителен, не пьяница, ни бийца, ни сварлив, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церк-

мотность и образованность не значились среди неперенных достоинств соискателя епископской кафедры. Скорее наоборот, образ рыбака-апостола оказывался сопряжённым с образом «некнижного человека», при котором религиозное сознание нередко предпочитало видеть пастыря или архипастыря человеком, не обременённым книжной мирской мудростью⁶.

Однако при том, что требования к моральным качествам иерархов в течение столетий в целом не претерпевали каких-либо существенных изменений, ожидания от «внешней» стороны жизни архипастырей в том числе в области образования изменялись. Со временем, во всяком случае, уже на исходе IV – в начале V столетий одним из качеств, которым должен был обладать архиерей, уже значилась грамотность, потребность в которой объяснялась возникновением развитой книжной культуры богослужения и нуждами формировавшегося богословия. Что касается требований к уровню образования епископата, то данная проблема была всецело обусловлена историко-культурными реалиями общества, из которого происходил пастырь, и в котором он совершал своё служение. Впрочем, даже в Византии, являвшей собой пример общества и государства высочайших культурных достижений Средневековья, проблема образованности

ви Божией? Не должен быть из новообращённых, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему так же иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1 Тим 3:2–7).

⁶Священное Писание христиан действительно как будто бы неодобрительно относилось к «книжности» и «философии» (Кол 2:8). Однако это неприятие было связано с талмудической книжной традицией и некоторыми философскими космологическими концепциями греко-римского мира. Не менее жуткими негодьями выглядели и евангельские «книжники», одни из виновников распятия Христа (Мф 20:18; 23:2, 13; 26:3; Лк 22:2 и т.д.). Поэтому неудивительно, что господствовавшее у части христиан вульгарное понимание евангельских слов фактически канонизировало, если и не отрицательное, то уж несомненно неодобрительное и настороженное отношение церковной среды к образцам высокого образования. Между тем, недоброжелатели «философии» не принимали во внимание ряд обстоятельств. Новозаветные «книжники» — не «иудейская интеллигенция», а иудейское течение по вопросам толкования ряда сторон книг Торы. Под «не книжными» людьми в еврейском обществе I века, реалии которого представлены в Евангелии, понимали не малограмотных или совершенно безграмотных людей, а лиц, не получивших своего рода «книжного», т.е. талмудического «богословского» образования, открывавшего дорогу к достижению положения рабби. К тому же, если верить церковному преданию, по крайней мере, три апостола — Павел, Матфей и Лука были достаточно образованными лицами, обладавшими как начатками элементарного философского знания и его методов, знания математического и финансового счёта и налоговых норм и, наконец, медицинскими знаниями соответственно (Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1964. С. 65–67; Тальберг Н. История христианской церкви. М.; Нью-Йорк, 1991. С. 20).

епископов оставалась открытой и далёкой от разрешения на протяжении всей истории империи⁷. Естественно, что в условиях Руси, находившейся на самой границе, а лучше сказать «на задворках» христианского мира и того, что можно было назвать в тот период «европейской цивилизацией», обозначенный вопрос должен был звучать особенно остро.

О состоянии интеллектуальной подготовки русских святителей можно судить по высказываниям современников, и таковые характеристики грамотности и интеллектуальных способностей архипастырей в итоге оказались неоднозначными. Только немногие из древнерусских иерархов отмечались похвалами за свою образованность или то, что принимали за таковую. Из числа митрополитов к ним относятся Иларион, Георгий, Иоанн II, Никифор и Климент Смолятич. Некоторые из них названы людьми «книжными»⁸, а при характеристике Иоанна и Климента были применены формулы «не быс(ть) преже в Руси. ни по немь не боудеть такий» и «такъ якоже в Роуской земли не бяшеть»⁹. Что касается Илариона, то созданное им «Слово», вполне может рассматриваться в качестве образцового произведения древнерусской литературы.

Несколько лучше обстояло дело в отношении митрополитов-греков. Например, митрополит Никифор оставил после себя самый большой корпус ли-

⁷ Несомненно, византийцы превосходили русских своей образованностью и культурой, но и в империи ситуация была непростой даже в эпоху её цветения. Свт. Григорий Богослов среди прочих обвинений в адрес епископата своего времени (IV в.) произносил и такие слова: «Невежественные епископы, вчерашние пахари и матросы, учащие других и одновременно запрещающие заниматься науками другим, гонители классического образования, дабы не обнажилось их собственное невежество, ссылающиеся на необразованность апостолов, но сами не имеющие и тысячной доли духовных дарований; молодые люди, поставленные на кафедру без должного испытания, у которых и бороды еще нет и на уме одни плотские дела; обжоры, львы перед бедными и псы-лизоблюды перед властью имущими; лицемеры, интриганы, карьеристы, занятые только собственной семьей и доходами, превратившие служение Богу в личный бизнес, интересующиеся только развлечениями и не читающие и не изучающие Священного Писания, беспринципные в делах веры» — вот лишь немногие зарисовки и характеристики епископата под пером святителя. Не была решена эта проблема и в последующие эпохи, в том числе в XI в. (См. текст и комментарии: *Григорий Богослов, свт. О себе самом и о епископах* / Предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. иер. Алексея Ястребова. Церковь и время, 2003. № 1 (22). С. 106–172; *Григорий Богослов, свт. О себе самом и о епископах* / Введение А.Г. Дунаева, предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. свящ. Алексея Ястребова // Сайт А.Г. Дунаева. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm (дата обращения: 08.07.2013).

⁸ Если быть точными, то при характеристике Иоанна II было сказано, что тот был «муж хитрь книшамь и ученью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199). Что касается Климента Смолятича, то его летописная характеристика не менее интересна: «и быс(ть) книжникъ. и философъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340).

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200, 340.

тературных сочинений¹⁰. Несколько сложнее обстоит дело с митр. Феопемптом. М.Д. Присёлков полагал, что по инициативе названного святителя возник древнейший летописный свод¹¹. Вместе с этим достаточных оснований для того, чтобы подтвердить высказанную им идею, источники не предоставляют. Высока вероятность того, что именно с Феопемптом связано появление на Руси Студийского устава. Высказанные по данному поводу суждения А. Поппэ, основывавшегося, во-первых, на интерпретации митрополичьих именных булл с изображением патрона студийского монастыря Иоанна Предтечи, во-вторых, на трактовке программы росписи Киевской Софии и, в-третьих, на практике поставления игуменов Печерской обители в период жизни Антония Печерского, видятся вполне обоснованными¹².

Очевидно, к книжной культуре тяготел русский митрополит Ефрем Переяславский. Его причастность к введению Студийского Устава¹³ и составлению цикла произведений, связанных с культом свт. Николая¹⁴ позволяют говорить

¹⁰См. источники и работу: Митрополит Никифор / Исслед. В.В. Милькова, С.В. Мильковой, С.М. Полянского; подг. текстов В.В. Милькова и С.В. Мильковой; пер. С.М. Полянского; коммент. А.И. Макарова, В.В. Милькова, С.М. Полянского. СПб., 2007.

¹¹*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 52.

¹²*Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011. С. 28–40.

¹³«По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопцю, да весь уставъ Студийскааго монастыря, испьсавъ, присълетъ ему. Онъ же преподобнааго отъца нашего повеленая ту абие створи, и весь уставъ монастырьскый испьсавъ, и посъла къ блаженному отъцу нашему Феодосию» (Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и комментарий О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачёва; под общ. ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева. М., 1978. С. 334, 335; *Пентковский А.М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001; *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря...).

¹⁴О латинском влиянии на формирование культа свт. Николая на Руси см.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Ч. 2. С. 398–400; *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. СПб., 2011. С. 146–151; (диссертация была издана в форме монографии) *Костромин К.А., свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2012. С. 147–152; *Симонова А.А.* Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения IX–XIV вв.: дисс. к.и.н. М., 2011. С. 127–147; *Она же.* Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения IX–XIV вв. (к вопросу о влиянии ирландской христианской традиции): автореф. дисс. к.и.н. М., 2011. С. 17.

о нём, как о человеке, хорошо знакомом с литургическими практиками и соответствующей литературой Византии и Западной Европы¹⁵.

Короткий список митрополитов-интеллектуалов несколько расширяется за счёт ещё двух имен — имени митрополита Льва (Леона, Леонтия), благодаря его безликому и практически не востребовавшему в древнерусской литературе полемическому произведению¹⁶, и митрополита Кирилла II¹⁷, которому принадлежит предельно краткое послание новгородцам¹⁸.

В итоге, в основу книжного наследия византийских по происхождению первосвятителей домонгольской Руси легло несколько антилатинских посланий, авторами которых оказались одни лишь греки: митрополиты Лев, Иоанн II, Георгий, Никифор и игумен Феодосий-грек, чьё произведение наверняка могло быть связано с интересами митрополии и империи¹⁹. Правда, с именем Георгия связано появление ещё двух произведений: 1) версии студийского устава²⁰, переписывание которого, впрочем, было заслугой не первосвятителя, а уже упоминавшегося инока Ефрема, будущего переяславского митрополита²¹, и 2) ка-

¹⁵О Ефреме Переяславском и его произведениях см.: *Хрусталёв Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.

¹⁶Послание Переяславль-русского митрополита Льва (Леона) об опресноках // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 321–335 (*далее* – ПОМДР); *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 40.

¹⁷Личность Кирилла загадочна. Не ясна его национальная принадлежность. Пространные упоминания о нём присутствуют только в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 512; Т. 3. С. 282; Т. 10. С. 88, 103). Митрополит Макарий (Булгаков) в суждениях о Кирилле не совсем корректно ссылается на Лаврентьевскую и Новгородскую Первую летописи, которые извещают только о смерти святителя, но ничего не знают о деятельности этого первоиерарха (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А.В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2. С. 294, 497 (примеч. 30, 32); *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 957–958).

¹⁸ПСРЛ. Т. 10. С. 149; Послание митрополита Кирилла к новгородцам // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 321, 640 (коммент. 691).

¹⁹*Галимов Т.Р.* Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 2. С. 39–42.

²⁰ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160; Киево-Печерский патерик... С. 322–323.

²¹Вопрос о том, насколько оправданно видеть в монахе Ефреме и митрополите Ефреме одно и то же лицо, должен быть отнесён к числу дискуссионных (о личности и деятельности Ефрема см. подробнее: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.): Т. 1. СПб., 1996. С. 54, 55, 85, 88, 211, 214, 280–281, 383, 452; *Хрусталёв Д.Г.*

нонического сборника, который, правда, дошёл да нашего времени с существенными изменениями²². Аналогично обстоит дело и с митрополитом Иоанном, чьи канонические ответы представляют второй после Георгия пример русского церковноправового свода-вопросания.

Не исключено, среди византийских иерархов присутствовала своего рода потребность в литературных упражнениях в жанре антилатинской полемики. Чем можно объяснить существование такого феномена? Возможных причин несколько. Во-первых, создание подобных произведений могло рассматриваться в качестве обязанности, порождённой статусом епископата. Скорее всего, такое сочинительство служило своеобразной декларацией своей благонадёжности перед властями империи. Во-вторых, в условиях Руси, с её теснейшими связями со знатью и правящими домами Западной Европы, с точки зрения византийцев и грекофилов, существовала реальная необходимость в обличении латинских «заблуждений». Вероятно, создававшиеся произведения писались с расчётом быть зачитанными перед князем и местными элитами. Как правило, подобные сочинения представляли собой попытку влияния на европейскую политику правящего рода²³. В-четвёртых, антилатинские послания наверняка адресовались и для духовенства. Церковные иерархи, в лице византийцев, едва ли были готовы легко согласиться с той мягкостью и снисходительностью, которая присутствовала в умонастроениях русского духовенства в отношении латинских обычаев. Достаточно отметить, что тот же Анастас Корсунянин, обласканный князем Владимиром, в период опасности предпочёл найти себе убежище не в Византии, а в Польше, и летописец сообщил об этом без какого-либо осуждения²⁴.

Не менее краток список епископов, так или иначе тяготевших к книжной культуре или хотя бы замеченных в интересе к чтению или созданию литературных произведений. Это новгородские архиереи Лука Жидята († 1060)²⁵,

Разыскания о Ефреме переяславском... С. 21–73). Однако в нашем исследовании этот вопрос не относится к числу принципиальных, поскольку уже своим существованием он лишний раз подтверждает запутанность исторических проблем, связанных с деятельностью древнерусского епископата.

²²Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопросание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211–262.

²³Галимов Т.Р. Место церковной иерархии в византийской политике в отношении Киевской Руси // Казанская наука. 2012. № 10. С. 33–38.

²⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 131.

²⁵Луке принадлежит первое из сохранившихся поучений (ПСРЛ. Т. 4. С. 119–120; о поучении Луки см.: Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 136–146).

Никита (†1108)²⁶, Даниил (†1121)²⁷, Нифонт (†1156) и Аркадий (†1163)²⁸, Илья (†1165)²⁹ и Антоний Ядрейкович (Андрейковичь) (†1232)³⁰, белгородский епископ Григорий († до сер. XIII в.)³¹, святители Кирилл Туровский († ок. 1182)³² и Симон Суздальский (†1226), названный «милостивым и учительным»³³. Правда,

²⁶Печерский Патерик сообщает об особой тяге Никиты к текстам библейских книг Ветхого Завета (Киево-Печерский патерик. С. 392–397).

²⁷Даниилу, епископу Юрьевскому, возведённому на кафедру в год вступления в Киев Мономаха, принадлежит послание Владимиру Всеволодовичу, представляющее собой, пожалуй, едва ли не первый пример архипастырского печалования перед князем за провинившихся (Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху (текст, перевод, комментарии) // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 29–58).

²⁸Аркадий был одним из собеседников Кирика, о чём сообщал сам составитель «Вопрошания» (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 6. Ч. 1. Стб. 34 (Кирик 45 и посл.); Вопрошание Кириково... С. 417–418; *Мильков В.В.* Вопрошание Кирикова (Вводная часть) // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 352).

²⁹Причастность архиепископа Ильи к составлению «Вопрошания» носит гипотетический характер, основанный на отождествлении одного из составителей канонического свода, священника Ильи, с будущим архиепископом Ильёй (Иоанном). Но, несомненно лишь то, что «Ильино вопрошание», формально включённое в состав «Вопрошания» Кирика, эклектичность, внешней структуры которого очевидна, представляет собой самостоятельное произведение (*Мильков В.В.* Вопрошание Кирикова (Вводная часть)... С. 352). Кроме этого Илье приписывается ещё дин памятник, «Постановление» (Постановление Ильи, архиепископа новгородского, и неизвестного белоозерского епископа по двум случаям при совершении литургии // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 75–78).

³⁰С его именем связано появление одного из «Хожений». Правда, само путешествие было совершено Антонием ещё задолго до того, как тот стал владыкой (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 140–143; О культуре паломничества и литературных переживаниях и рецепциях этого явления см. *Малетю Е.И.* Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков: дисс. д.и.н. Тамбов, 2011).

³¹Григорию приписывается «Слово святого Григория Богослова (о пьяницах)», «Поучение Философа» (Поучение философа, епископа белгородского // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР): Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 286–291; *Соболевский А.И.* Два русских поучения с именем Григория // Известия отделения русского языка и словесности. Т. 12. Кн. 1. 1907. С. 250–262; *Колесов В.В.* Григорий, епископ Белгородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988).

³²*Колесов В.В.* Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы: Исследования и тексты. М., 2009; Слова и поучения Кирилла Туровского // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 202–236.

³³Симон Суздальский или Владимирский является составителем Киево-Печерского патерика. Данное произведение, выросшее из письма, содержавшего иноческие наставления, до грандиозного свода житий киево-печерских святых, стало своего рода энциклопедией древнерусской *История Русской Церкви в домонгольский период*

что касается Нифонта, то рассматривать его в качестве автора самостоятельных произведений никак нельзя. Он был организатором владычного летописания и лицом, благословившим³⁴ каноническую реформу Кирика. В равной мере данное замечание относится и к Аркадию. Сами они ничего не написали (или ничего после себя не оставили или до нас не дошло). И тем не менее, ответы Нифонта и Аркадия ясно указывают на то, что они были знакомы с бытовавшими в тот период на Руси каноническими сборниками, правда, теми, которые можно было бы назвать святоотеческими.

Также неоднозначно может быть оценён труд новгородского владыки Антония. При анализе его книги-хождения О.А. Белоброва обратила внимание на обилие использованных в сочинении просторечных форм имён и названий³⁵. А это означает, что будущий архиепископ не получил систематического образования, позволившего бы ему более изыскано и точно выражать свои мысли. Вероятно, в своё время обучение Антония было ограничено усвоением элементарных знаний и основ письма, из чего можно заключить, что рассматриваемое творение было не только плодом благочестия, но и результатом деятельности пытливого ума, занимавшегося самообразованием. Очевидно, на Руси в церковном кругу уже бытовали подобные произведения, что и позволило будущему новгородскому владыке создать собственное сочинение, наполнив его своими чувствами и речевыми «ошибками», придавшими данному «Хожению» неповторимость и оригинальность.

Специфические оценки уровня грамотности и компетентности архиереев можно обнаружить не только у древнерусских авторов, но и в зарубежных

монашеской жизни XI–XIII вв. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448; Киево-Печерский патерик. С. 296–641; об истории Патерика см.: *Шахматов А.А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Ранние русские летописи X–XII вв. / Отв. ред. В.К. Зибров и В.В. Яковлев. СПб., 2003. Т.1. Кн. 2. С. 75–102).

³⁴Нифонта необходимо рассматривать как лицо, благословившее, но никак не инициировавшее создание «Вопрошания». Судя по тексту названного произведения, сформулированным в нём вопросам и его структуре, выявлявших интересы вопрошателей, идея написания канонического свода всё же принадлежала не Нифонту, а Кирику, круг обязанностей которого и поставил перед domestikом проблему систематизации церковного права применительно к реалиям Новгорода (*Гайдено П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // *Вестник Челябинского государственного университета: История.* Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83–92).

³⁵*Белоброва О.А.* О книге «Паломник» Антония Новгородского // *Византийские очерки.* М., 1977. С. 227.

источниках. Так, описывая пребывание в Лионе митрополита Петра Анкеревича, составитель анналов Бертонского монастыря оставил следующую характеристику древнерусского архиерея: «Среди прочих прелатов мира прибыл на собор в Лионе рутенский архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшиеся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и всё же через толмача блестяще перед лицом его святейшества папы изложил Евангелие»³⁶. Очевидно, что Петр был грамотен, смыслён в делах политических и религиозных, но всё же даже по западноевропейским меркам — недообразован.

Несомненно, архиереи не могли не пользоваться книгами. Вопрос заключается лишь в том, что именно они читали (служебники-лекционные или же нечто более «существенное»)? Как часто это происходило и какой имело результат, если имело вообще какой-либо результат, для жизни архипастыря и для судеб паствы? В этом отношении занят сюжет, связанный с ростовским епископом Кириллом. Отмеченный в политических делах и в склонности к стяжательству упомянутый архиерей ни разу не был замечен как человек, интересующийся литературой. Однако, как выяснилось позже, она повлияла и на его судьбу, правда, весьма странным образом. Оставив кафедру и удалившись «на покой», епископ забрал с собой огромное даже по меркам нашего времени имущество³⁷. Среди присвоенного им значились в том числе книги, которые, правда, рассматривались летописцами, обвинителями и свидетелями дела не как интеллектуальный багаж святителя, а как материальное богатство. Из летописного текста, как и из жизни архиерея ничего нельзя заключить о том, что это была за литература и насколько она была востребована престарелым архипастырем в качестве источника каких-либо знаний и кладезя духовного опыта. Собственно, и сами современники, отбирая имущество, очевидно, полагали, что старому архиерею, удалившемуся на отдых для молитв и покоя, эти книги ни к чему. Таким образом, вырисовывается весьма примечательная ситуация вокруг проблемы востребованности книг в церковной среде Руси.

Правда, нельзя не признать, что литературные способности некоторых, казалось бы заслуживающих внимания архипастырей, так и не были замечены летописцами. Причём это касалось самых плодovitых на литературном поприще

³⁶ *Анналы Бертонского монастыря (конец XIII в.) // Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 181.*

³⁷ *ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское Православие: от Крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 109.*

лиц. Скажем, если оценить вклад разных архиереев в создание фонда письменных памятников Древней Руси, то превознесённый летописцем за свою книжность Иоанн II оставил после себя лишь «Канонические ответы» и послание антипапе Клименту III³⁸, в то время как митрополит Никифор и епископ Кирилл Туровский, чьё существенное для своего времени литературное наследие даже суммарно значительно превосходит литературные усилия всего архиерейского корпуса домонгольского периода, вообще не удостоились каких-либо даже скромных похвал за свои, несомненно, высокие поэтические, интеллектуальные и иные дарования и успехи³⁹. Чем можно объяснить умолчание летописцев подобного положения дел?

Никифор был греком и его творения нуждались в переводах, что и могло привести к недооценке литературных заслуг святителя при его жизни. Но как быть с Кириллом? Его произведения в Древней Руси воспринимались как образцовые, но имя этого святителя даже не попало в южнорусское летописание. Гуляющая из статьи в статью ссылка на якобы имеющееся упоминание имени Кирилла в Ипатьевской летописи под 1169 г.⁴⁰ — ошибочна. Поэтому единственная причина подобных умолчаний — церковно-политическая конъюнктура, тем более, что святительство Кирилла выпало на период наибольшей политической автономии Тулова от Киева.

Указанная особенность труда летописцев, для которых была характерна подозрительная избирательность сюжетов и личностей, с точки зрения современного взгляда, едва ли может найти исчерпывающее вразумительное истолкование. Если сравнивать произведения русских авторов, даже если они были из греков, с византийскими сочинениями этого периода, то как с литературной, так и с канонической точек зрения достоинства работы Георгия, Иоанна II и Нифонта Новгородского безупречны. К тому же, как уже было отмечено, свод канонических рекомендаций Нифонта самому епископу не принадлежал и был

³⁸РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 1–20; Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы. СПб., 1992. С. 24–40.

³⁹Примечательно, что при всей деятельной активности митрополита Никифора известие о его смерти (†1121) прозвучало как-то сухо и буднично. Летописец лишь особо отметил, что Никифор скончался в апреле в Киеве. Драматизм этому сообщению придала запись о том, что в тот год случилось лунное и солнечное «знамения», а в январе преставилась супруга князя Мстислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286). Никаких посмертных слов, подобных тем, что были сказаны в адрес Иоанна II, в отношении Никифора так и не прозвучало.

⁴⁰*Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 230.

плодом многолетнего труда учёного монаха Кирика и его последователей священников Саввы и Ильи. Не менее показательны отношения современников к этому новгородскому владыке. Оценка усилий и трудов названного святителя со стороны горожан оказалась противоречивой. Очевидно, на берегах Волхова знали цену не только добродетелям своего архипастыря, но и его амбициям. Эти настроения нашли своё отражение в посмертном слове⁴¹. В это же время в Киеве, а особенно в Печерском монастыре, где Нифонта знали как самого успешного из своих питомцев, новгородского владыку искренне идеализировали. В нём видели едва ли не святого исповедника и страдальца⁴².

Не менее противоречива оценка письма Иоанна II папе. Присутствующая в послании полемичность и приводимые доводы традиционны, в некоторых случаях схоластичны и в целом ничего нового в догматических взглядах сторон не выявили, правда, сосредоточились на наиболее существенных разногласиях церковей, отбросив всё второстепенное. В этом отношении послание Иоанна превосходит горячий и мелочный абсурд наставлений Феодосия⁴³ к князю Изяславу⁴⁴. Что же касается формы письма Иоанна, то его достоинство заключается в

⁴¹Известие о смерти Нифонта (†1156) доносит до потомков не только сожаления о смерти архиепископа и сетование о том, что владыка был похоронен не в Новгороде, а в Киеве, но и явный ропот в адрес почившего: «инии же мнози глаголаху, яко, лупив святую Софью, и пошёл к Цесарюграду; много глаголаху на нь, нь собе на грех» (ПСРЛ. Т. 3. С. 216). Создаётся впечатление, что многие были недовольны Нифонтом. Наиболее вероятная причина этих недовольств — большие материальные траты, связанные с ремонтом храма и удалённой поездкой властного архиерея.

⁴²Киево-Печерский патерик... С. 352–355, 360, 361.

⁴³Вопрос о личности Феодосия, точнее о его отождествлении с прп. Феодосием Печерским или Феодосием-греком считается дискуссионным. Как нам видится, черту этим спорам подвело исследование К.А. Костромина (*Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы.* СПб., 1992. С. 6–13 сравн. *Костромин К.А., свящ. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. 1(36) С. 6–97).*

⁴⁴Послание о неделе // *Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.* С. 14–15; Послание о вере латыньской // Там же. С. 15–18; Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 295–297. О мелочных сторонах поучений Феодосия см.: *Гайденко П.И. Место письменных наставлений и назидательных посланий духовенства // Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси: Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / Науч. ред. И.Н. Данилевский, И.П. Ермолаев. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 168–169.*

том, что оно выдаёт личное отношение Иоанна к понтифику. Русскому перво-святителю, чья кафедра украшала границы христианского мира, пугавшие современников своей дикостью и удалённостью, явно льстило обращение к нему папы⁴⁵. Доброжелательность данного послания исключительна и с литературной точки зрения. В указанном плане письмо Иоанна необычно для дипломатической практики и представляет не совсем типичный образец эпистолярного жанра своей эпохи, когда дело касалось вопросов веры⁴⁶.

Также неоднозначна оценка канонических ответов митрополита Георгия, подвергшихся в XII в. существенному редактированию⁴⁷.

Нельзя исключать того, что истоки такой странной необъективности и, может быть, даже предвзятости летописцев следует искать в идейных взглядах названных архиереев, а также в политической конъюнктуре, которой наверняка были подвержены составители сводов. Иоанн II — любимец Всеволода, отца Владимира Мономаха. Оба князя были виновны в не вполне законном занятии киевского стола и нуждались, по крайней мере, в божественном оправдании. Усилиями Владимира, собственно, Повесть временных лет, эсхатологические цели составления которой вполне очевидны⁴⁸, и приобрела известные нам вид и смыслы, «заточенные» под интересы потомства Всеволода.

Несколько иная ситуация во взаимоотношениях митрополита Никифора и Владимира Мономаха, во многом обязанного своим великокняжеским престолом киевскому перво-святителю⁴⁹. Даже несмотря на то, что при Никифоре

⁴⁵Об этом можно судить даже по формам обращения, которые употреблял Иоанн в письме к понтифику: «Любезна мне любовь твоя о Господе, о, божий человек, апостольского достойный престола и звания, как, сидя далеко от нашей худости и смирения, любовными крылами достигаешь нас и приветствуешь, словно близких своих, с любовью, и вопрошаешь духовно, и нашей вере, истинной и православной, что держим мы, дишься, как о том вашего священства епископ возвестил нам» (Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III... С. 37). Во всяком случае, доброжелательность данного послания очевидна. См. замечания об этом: Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 61; *Костромин К.А., свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений... С. 153–155.

⁴⁶Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян... С. 61.

⁴⁷Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание». С. 211–262.

⁴⁸Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 243–247.

⁴⁹Петр (Гайденко П.И.), иером., Филиппов В.Г. Несколько замечаний о интересах Церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 173–184.

и Мономахе произошла переориентация интересов великокняжеского стола в сторону Византии, общение этих двух сильных, властных и выдающихся личностей оказалось не столь однозначным⁵⁰. Вероятно, мирные отношения между князем и митрополитом были испорчены русско-византийским военным противостоянием 1116 г.⁵¹ Летописцы не могли не ощущать подобных веяний при дворе князя. Поэтому достоинства Иоанна, прямо не вникавшего в дела князя, оказались чуть преувеличенными, а заслуги Нифонта, имевшего неосторожность навязывать Мономаху некоторые свои идеи, несколько преуменьшенными. Из всего этого можно заключить, что образованные, начитанные и по-настоящему «книжные» лица на древнерусских кафедрах были явлением исключительным.

Тем не менее, справедливо ли видеть главной виновницей ситуации исключительно одну лишь епископскую среду? Не менее острыми стали бы иные вопросы, связанные с интересами и подготовленностью самого древнерусского общества к принятию святительской власти. Действительно, нуждалась ли сама паства и местное русское духовенство в высокообразованных архиереях? Способна ли была церковная среда Руси принять грамотного и начитанного архипастыря? Скорее всего, ответ окажется отрицательным. Вероятно, и сами князья далеко не всегда приветствовали в своём окружении сильных и образованных архиереев. Сменивший Иоанна II Иоанн III был не только хил, слаб, болен и изувечен (скопец), но и «прост умом»⁵². Если учесть, что новый митрополит был привезён в Киев в обозе Янки, Анны Всеволодовны, дочери великого князя Всеволода Ярославича, то нельзя исключать того, что в при всех достоинствах предыдущего обладателя русской первосвятительской кафедры, при княжеском дворе неоднозначно оценивали деятельность покойного митрополита и более не стремились видеть около себя подобную же сильную личность. Возможно, именно поэтому выбор Янки пал на «простого умом», старого, больного и, наверное, глуповатого Иоанна III.

Пытаясь оправдать столь специфичную летописную характеристику митрополита, А.В. Поппэ вполне резонно заметил, что «простота ума» не обязательно означала глупость. Под ней могли понимать и «апостольскую простоту», и отсутствие систематического богословского образования «некнижного мужа»,

⁵⁰ Костромин К.А., *свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений... С. 171–173, 177–178.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283–284; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв... С. 182.

⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

и простодушие, и открытость, и бесхитрость⁵³. Но и в этом случае, нельзя не признать того, что Иоанн III значительно уступал своему предшественнику умом и талантами.

Не менее показательно отрицательное и насмешливое отношение некоего пресвитера Фомы к творчеству Климента Смолятича⁵⁴. Намёк на неодобрительное отношение к некоторым знаниям присутствует и в рассказе о печерском монахе преподобном Никите-затворнике, о будущем епископе Новорода⁵⁵. Правда, последнее не так однозначно. Братия осуждала не столько учёность Никиты, сколько его увлечённость ветхозаветными книгами, в которых видели «жидовские писания». Очевидно, затворник, по мнению насельников обители, недооценивал Новый Завет, что и вызывало недоверие к нему со стороны собратьев. К тому же неодобрительную оценку получила и молитвенная практика Никиты, приведшая подвижника к прелести. Однако было бы ошибкой не признать того, что у автора рассказа о Никите присутствовало восхищение способностями Никиты, его знания текстов и дар воспроизводить их по памяти⁵⁶.

Очевидно, среди священнослужителей отношение к образованию было настороженным, а порой и отрицательным⁵⁷. Собственно, уже то, что интеллектуальные достижения некоторых, безусловно, выдающихся церковных авторов не были отмечены в летописании, наводит на мысль, что составители записей о митрополите Никифоре и Кирилле Туровском не видели в литературных успехах этих святителей достоинств, заслуживающих внимания потомков. То есть часть духовенства не только не ожидала от своих иерархов образованности, но

⁵³Поптэ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря... С. 65.

⁵⁴Имя Фомы в этом отношении примечательно, потому что существует соблазн провести параллель между пресвитером Фомой и евангельским Фомой «неверующим». Тем не менее, оснований для утверждения о существовании таких параллелей пока недостаточно (Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афонасием, Господи, благослови, отче! // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 124).

⁵⁵Киево-Печерский патерик. С. 392–397.

⁵⁶Данное обстоятельство очень хорошо прокомментировано И.Н. Данилевским (*Данилевский И.Н.* Проблемы понимания памятников общественной мысли Древней Руси // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 2. Период Ордынского владычества / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 9–10).

⁵⁷Примечательно, что новгородские священники, при составлении «Вопрошания» наоборот доверяли своим архиереям и иным авторитетам, видя в них лиц, которые уже по одному своему положению обязаны быть сведущими едва ли не во всех вопросах церковной жизни.

и как в истории ростовского епископа Кирилла полагала, что не архиерейское это дело читать книги и писать сочинения.

Есть все основания полагать, что часть священства ожидала от епископата иного, но чего? Пока мы не готовы однозначно разрешить данную проблему. Но комплекс вопросов к митрополиту Иоанну и ответы Нифонта на вопросы священника о пирах и внесение этой записи в «Вопрошание» позволят заключить, что в архиереях нередко желали видеть, прежде всего, князей церкви, строителей, власть имущих, судей, администраторов и распорядителей, впечатляющих окружающих своей внешностью, правами и решениями. В лучшем случае, от них желали «учительства», т.е. своего рода наставничества, что отнюдь не может рассматриваться в качества синонима «интеллектуального образования»⁵⁸. В итоге, в религиозной жизни восточнославянского общества практически не встречаются богословские споры, а древнерусская библиотека не превышает непритязательную для ума библиотеку рядового византийского или болгарского монастыря. При этом основное внимание проповедей и внутрицерковных разбирательств связаны с вопросами нравственности, хозяйственной и административно-канонической жизни и подчинённости, а также постов, т.е. явлений сугубо внешних и не предполагающих какой-то глубокой мыслительной деятельности, способной к настоящей ереси. В этом угадывается крайне неприглядное отношение какой-то части древнерусского общества к книжности епископа: похоже, чаще в тяге архиерея к чтению видели не насущную потребность, а развлечение, как это было в случае обличений в адрес Климента Смолятича со стороны пресвитера Фомы. Возникновению сложившейся ситуации способствовало и отношение к образованию и литературным упражнениям большинства самих архиереев.

Достаточно обратить внимание на то, что переводческая, литературная и проповедническая деятельность в Киеве была инициирована не митрополитами, а Ярославом Мудрым, вынужденным даже поучать священников⁵⁹. Подобная ситуация существует и вокруг проблемы действия епископских канцелярий и скрипториев. Создание самого крупного новгородского скриптория, деятельность которого подтверждается источниками, было завершено только при Ни-

⁵⁸Именно так был оценён Симон Суздальский (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448).

⁵⁹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139–141.

фонте (середина XII в.). Что касается остальных канцелярий, то об их деятельности и существовании можно только догадываться⁶⁰.

Сохранившийся корпус источников позволяет заключить, что основные интересы духовенства и епископата концентрировались вокруг вопросов богослужбной и духовнической практики, а также регламентации повседневного быта⁶¹. Правда, нельзя отрицать того, что при всей почти полной неостребованности в среде архиереев литературы познавательного и художественного свойства⁶², исключения всё же присутствовали. Они представлены немногочисленными «Хожениями», возможно, единичными историческими произведениями и какими-то познавательными текстами. Так, в «жидовских книгах», к которым тяготел прп. Никита, можно усмотреть не только книги Ветхого Завета, но и

⁶⁰Косвенными указаниями на существование органов, которые мы можем условно называть «канцеляриями», служат указания на существование архиерейских дворов, института клирошан, существование булл, для создания которых был необходим какой-то штат и инструмент. Что касается вопроса о принципах организации института епископской власти, то данный вопрос так или иначе получал освещение в исследовательской литературе (*Кантрев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 2–8; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 372–393; *Греков Б.Д.* Новгородский Дом святой Софии. СПб., 1914; *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом: В кон. X–XVII в. // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 532–534; *Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю.* Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9).

⁶¹Судя по сохранившемуся корпусу источников, большая часть текстов, имевших хождение в кругу клириков, была представлена каноническими сборниками и богослужбной литературой. Что же касается агиографической литературы, которая также могла быть в употреблении у церковных лиц, то в таком случае нельзя не принимать во внимание, что цели её создания и применения также сосредоточены на вопросах воспитания и насаждения христианской нравственности, т.е. имели «прикладной» характер. Как убедительно констатировал В.М. Лурье, «агиография существует только там, где есть культ, и только в целях этого культа» (*Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxiома, 2009. С. 43). В этом ряду на особицу смотрятся «Хожения». Традиционно их относят к жанру *литературного путешествия* (см.: *Михайлов В.А.* Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. к. филол. н. Волгоград, 1999), что, как нам видится, не вполне верно, когда дело касается хожений XII–XIII вв. Но и в таком случае расширения интеллектуальных и литературных опытов и интересов любознательность архиереев не преодолевала рамок религиозной практики, каковой является само паломничество, и получаемые в нём знания. В обозначенном плане «Хожения» рассматривались епископами в качестве познавательной литературы (*Жочелева Н.А.* Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия: Дисс. к.и.н. М., 2004; *Малето Е.И.* Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков...).

⁶²В данном случае понимается не незнание этих текстов, а отсутствие к ним интереса.

«Историю иудейских войн» Иосифа Флавия, которая в древнерусском сознании была неотделима от книг Священного Писания⁶³. О знакомстве Климента Смолятича с какой-то «палейной» литературой и «шестодневами» можно судить по насмешкам пресвитера Фомы и по тем, рассуждениям, которые изложил святитель в последней части своего послания к своему оппоненту в священническом сане⁶⁴. Правда, судя по всему, знакомство названных архиереев с этой литературой произошло ещё до возведения на кафедру и, похоже, что с принятием на себя обязанностей по управлению церковным округом угасало. Во всяком случае, об увлечении Никиты «жидовскими книгами» во время его пребывания в Новгороде ничего не известно. Спорным остаётся и вопрос даты создания «Послания» к пресвитеру Фоме.

Приходится признать, что тягу к литературному творчеству, хотя и обусловленному исключительно церковными вопросами, сохраняли, главным образом, греческие митрополиты. Что же касается русского епископата, то книжные увлечения митрополитов Илариона и Климента, а также туровского епископа Кирилла и печерского воспитанника епископа Симона, связанных с иноческой традицией, смотрятся на фоне большей части древнерусского архиерейского корпуса явлением исключительным и нетипичным.

Как уже отмечалось, наибольшую тягу к книжному знанию проявляли представители монашества, что, возможно было обусловлено как социальными корнями насельников и их прежним воспитанием, так и особенностями организации быта и жизни монастыря, в котором монах, не обременённый излишними заботами, мог найти время для чтения. Насмешник Фома, очевидно, не был иноком. В послании он именуется лишь «пресвитером», что позволяет видеть в нём мирского священника. Скучность жизни значительной части мирского духовенства и материальная неустроенность едва ли могла способствовать его интеллектуальному росту⁶⁵. Далекое не всегда благоприятствовало литературным упражнениям городских и сельских пастырей и экономическое преуспевание.

⁶³Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 283.

⁶⁴Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 140–148.

⁶⁵*Гайдено П.И.* Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 2 / Новг. гос. ун-т; ИФ РАН; отв. ред. В.В. Мильков. Великий Новгород, 2012. С. 139–157.

Социальное и материальное положение городских мирских священников было несколько лучшим и сближало их со «средними» городскими слоями, представленными купечеством, какими-то «административными» лицами и т.д.⁶⁶ Во всяком случае необходимо согласиться с мнением Я.Н. Шапова, полагавшего, что в домонгольской Руси клиросы городских храмов могли обладать «некоторыми городскими функциями широкого значения»⁶⁷. В данном отношении увлечение новгородского духовенства ростовщицеством позволяет сделать несколько предварительных выводов о социальных корнях этих пастырей. Подобная жизненная практичность позволяет говорить о наличии у пастырей начального капитала, известной жизненной хватки, грамотности, знаний счёта и, как бы сейчас сказали, «профессиональной» подготовки. Случайный человек не мог проникнуть в сферу денежных обращений. Кроме этого нельзя не принять во внимание то, что в средневековом городе распределение профессиональных функций между городскими группами подвергалось жесткой регламентации, а значит, ростовщическая деятельность новгородского духовенства была одобрена городскими верхами и воспринималась как неотъемлемое право священников. Поэтому среди причин, объяснявших снисходительное отношение епископа Нифонта к пастырям-ростовщикам⁶⁸ можно увидеть и нежелание архиерея осложнять отношения с духовенством, за которым стояли интересы городской знати, поддержка которой была необходима и властному Нифонту. Такая глубоко практическая направленность жизни мирских пастырей едва ли могла способствовать интеллектуальной жизни, основания которой обретаются в иррациональных и абстрактных процессах.

В данном отношении монашество выгодно отличалось от мирских «попов». Анализ созданных в иноческой среде летописных и иных, в том числе кано-

⁶⁶ Именно к таким выводам пришёл А.Е. Мусин при оценке материального и социального положения мирского духовенства в Новгороде и в Пскове. Подобная ситуация присутствовала и в Киеве. Участие софийских клириков в закреплении договора о покупке у города земли для Кириллова монастыря также наглядно служит подтверждением довольно высокого общественного статуса части мирских клириков в иерархической структуре города (*Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.: Вып. 1. Киев, 1966. С. 61–70 (25 граффити); *Котышев М.Д.* О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из Киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: Сб. стат. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. М., 2006. С. 164–174; *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 92–110).

⁶⁷ *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 126.

⁶⁸ *Вопрошание Кириллово...* С. 414 (вопр. 4), С. 432–433 (коммент. 18–20).

нических произведений, позволяют говорить о знакомстве иноков Печерского, Выдубицкого и Антония Римлянина монастырей⁶⁹ с русскими летописными сводами, некоторыми «зарубежными» историческими текстами («Иудейской войной» Иосифа Флавия и «Хроникой» Георгия Амортала), библейскими книгами, космологическими теоретическими математическими расчетами, епитимийниками, разнообразными каноническими и правовыми сводами Византии и Европы, «Пелеями», «Шестодневами» и «Изборниками», агиографической литературой восточной и западной (скандинавской, ирландской и чешской) церковных традиций, большим корпусом назидательных святоотеческих текстов, из которых наибольшей популярностью пользовались творения Иоанна Златоустого. Понятно, что данная черта была характерна не для всякого монаха, а только для единиц, причём единиц небольшого круга монастырей. Однако и в таком случае отблеск этих знаний оставлял свой след на иноческой среде. Уже по одной этой причине епископат, выходявший из монашеской среды порой оказывался если и не способным к литературным опытам, то по крайней мере не чужд пониманию важности такового, как это хорошо видно на примере Нифонта Новгородского.

Архиереи, оставшиеся в памяти как книжники-мыслители, оказались менее всего замеченными современниками, и едва ли оправданно видеть даже в самых образованных из епископов и митрополитов мыслителей. Лучшие из них с позиций достижений византийской словесности проявили себя лишь в малом: отчасти владели приёмами эпистолярного жанра, знали основные положения канонического права, были способны к составлению назидательных поучений. Некоторые из архиереев были знакомы с эклектичным содержанием Палей и Шестодневов, блестяще использовали приёмы придворной проповеди и дипломатической полемики. На фоне этого достижения митрополита Илариона и епископа Кирилла Туровского выглядят яркими исключениями, а грамотность даже самых образованных из новгородских святителей уступает глубине трудов иеромонаха Кирика. Плоды его творчества действительно позволяют говорить

⁶⁹Помимо названных обителей признаки интеллектуальной деятельности прослеживаются в Смоленске, наиболее вероятно, в обители Авраамия Смоленского, с именем которого связано не только его житие, но и приписываемые ему послания «Слово о небесных силах, чего ради создан был человек», «Слово о мытарствах и страшном суде», «Сказание о замогильной жизни» (Чумакова Т.В. Авраамий Смоленский: книжник и религиозный деятель // Ученые записки. Межнациональный гуманитарно-технический институт Поволжья. Т. 6. Материалы научно-практической конференции «Религиозный фактор в Восточной Европе: история и современный контекст». Чебоксары, 2004. С. 15–17), в Зарубской обители, из которой был «выведен» из затвора митрополит Климент Смолятич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340) и в некоторых иных монастырских центрах.

об этом иноке именно как о «мыслителе». Впрочем, всё высказанное выше представляет лишь предварительный очерк к работе, посвящённой образу древнерусского епископата, а поэтому со временем наверняка будет переосмыслено и уточнено.

Источники

1. Вопрошание Кириково // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М.: Круг, 2011. С. 351–428.
2. *Григорий Богослов, свт.* О себе самом и о епископах / Предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. иер. Алексея Ястребова // *Церковь и время*, 2003. № 1 (22) С. 106–172.
3. *Григорий Богослов, свт.* О себе самом и о епископах / Введение А.Г. Дунаева, предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. свящ. Алексея Ястребова // Сайт А.Г. Дунаева. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm (дата обращения: 08.07.2013).
4. Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исаяя епископа Ростовьскаго чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: «Наука», 2003. Т. 12. С. 254–261, 575–576.
5. Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и комментарий О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва; под общ. ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева. М.: Худ. лит., 1978. С. 305–392; 456–458.
6. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понько. СПб.: «Наука», 2004. С. 296–641.
7. Полное собрание русских летописей: Т. 1.: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
8. Полное собрание русских летописей: Т. 2.: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
9. Полное собрание русских летописей: Т. 3.: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. XII, 720 с.
10. Полное собрание русских летописей: Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвёртая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XXXVIII, 690 с.

11. Полное собрание русских летописей: Т. 10.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
12. Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху (текст, перевод, комментарии) // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 29–58.
13. Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афонасием, Господи, благослови, отче! // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. С. 124–137, 140–149.
14. Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. С. 24–40.
15. Послание митрополита Кирилла к новгородцам // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 321, 640.
16. Послание о неделе // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. С. 14–15.
17. Послание Переяславль-русского митрополита Льва (Леона) об опресноках // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 321–335, 640–641.
18. Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 295–297.
19. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 140–143.

20. Слова и поучения Кирилла Туровского // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 202–236.

Литература

1. Белоброва О.А. О книге «Паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки: Труды советских учёных к XV Международному конгрессу византистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: «Наука», 1977. С. 225–235.
2. Белякова Е.В. Замечания к полемике о Чине поставления епископов // Древняя Русь. 2011. № 2 (44). С. 118–119.
3. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI-XIV вв.: Вып. 1. / Отв. ред. П. Н. Попов. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
4. Гайденко П.И. Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 207–225.
5. Гайденко П.И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 2 / Новг. гос. ун-т; ИФ РАН; отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2012. С. 139–157.
6. Гайденко П.И., Филиппов В.Г. К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) // Финно-угры – славяне – тюрки: Опыт взаимодействия(традиции и новации): Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, УдГУ; сост. и ред. А. Е. Загребин, В. В. Пузанов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 624–631.
7. Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.
8. Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83–92.

9. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / Под ред. И. Н. Данилевского и И. П. Ермолаева; рец. Н. К. Гаврюшин, А.И. Мухамадеев, Я.В. Бухараев, Л.С. Астахова, свящ. Е.С. Харин. Казань; Набережные Челны: Тоис, 2008. 228 с.
10. *Галимов Т.Р.* Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 2. С. 39–42.
11. *Галимов Т.Р.* Место церковной иерархии в византийской политике в отношении Киевской Руси // Казанская наука, 2012. № 10. С. 33–38.
12. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. 968 с.; Ч. 2. М., 1904. 926, (XVII) с.
13. *Греков Б.Д.* Новгородский Дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. XIV, 544, 129 с.
14. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004. 383 с.
15. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское Православие: от Крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
16. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2001. 936 с.
17. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
18. *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. 237 с.
19. *Колесов В.В.* Григорий, епископ Белгородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: «Наука», 1988.

20. Колесов В.В. Кирилл Туровский: Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы: Исследования и тексты. М.: «Палея», 2009. 208 с.
21. Котышев М.Д. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из Киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: Сб. стат. к 70-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. Ю. Г. Алексеев. М.: «Парад», 2006. С. 164–174.
22. Костромин К.А., священник. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. 1(36). С. 6–97.
23. Кочеляева Н.А. Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия: Дисс. к.и.н. М., 2004. 313 с.
24. Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю. Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9.
25. Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с.
26. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. 704 с.
27. Малето Е.И. Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков: дисс. д.и.н. Тамбов, 2011.
28. Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 116–157.
29. Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М.: «Круг», 2011. 544 с.
30. Митрополит Никифор / Исслед. В. В. Милькова, С.В. Милькова, С.М. Полянского; подг. текстов В. В. Милькова и С.В. Мильковой; пер. С.М. Полянского; коммент. А. И. Макарова, В. В. Милькова, С.М. Полянского. СПб.: ИД «Миръ», 2007. 560 с.
31. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. к. филол. н. Волгоград, 1999. 199 с.

32. *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с.
33. *Никольский М.Н.* История русской Церкви. М.: «Политиздат», 1985. 448 с.
34. *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878. 210 с.
35. *Пентковский А.М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. 432 с.
36. *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. 216 с.
37. *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ: ПУ НАНУ, 2011. 152 с.
38. *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель: «Жизнь с Богом», 1964. 614 с.
39. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: «Наука», 2003. 245 с.
40. *Соболевский А.И.* Два русских поучения с именем Григория // Известия отделения русского языка и словесности. Т. 12. Кн. 1. 1907. С. 250–262.
41. *Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 228–239.
42. *Тальберг Н.Д.* История христианской Церкви. М.: «Интербук»; Нью-Йорк: «Астра», 1991. 845 с.
43. *Толочко П.П.* Страсти по митрополитам киевским // АНТІДОРОН: Сб. статей в честь 75 летия Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя. С. 110–118.
44. *Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. С. 211–262.
45. *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 532–534.

46. Хрусталёв Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.: «Евразия», 2002. 448 с.
47. Цыпин В., прот. Архиепископ // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 530–531.
48. Чумакова Т.В. Авраамий Смоленский: книжник и религиозный деятель // Ученые записки. Межнациональный гуманитарно-технический институт Поволжья. Т. 6. Материалы научно-практической конференции «Религиозный фактор в Восточной Европе: история и современный контекст». Чебоксары, 2004. С. 15–17.
49. Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А.А. История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Ранние русские летописи X–XII вв. / Отв. ред. В. К. Зибров и В. В. Яковлев. СПб.: «Наука», 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 75–102.
50. Щапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси XI–XIII вв. М.: «Наука», 1989. 232 с.

Архимандрит Августин (Никитин)

ФОРТ РОСС — «РУССКАЯ КРЕПОСТЬ» В КАЛИФОРНИИ

В статье описывается одна из наиболее интересных страниц в истории православных российских миссионеров в Калифорнии, а также излагается история межцерковных связей с католическими миссиями, действовавшими в данном регионе в период испанского, а затем мексиканского правления. Особое внимание уделяется истории форта Росс с 1848 г., когда Калифорния была включена в состав Северо-Американских Соединенных Штатов. Отдельно рассматривается современное состояние форта Росс.

Ключевые слова: Монтерей, Сан-Диего, Шелехов Г.И., Резанов Н.П., Концепсия (Кончита), Кусков И.А., Матюшкин Ф.Ф., форт Росс, Калифорния, Коцебу Отто фон, Хлебников Кирилл, Завалишин Д.И., Врангель Ф.П., священник Иоанн Вениаминов (митрополит Московский и Коломенский Иннокентий), Баранов А.А., Ротчев А.Г., Суттер Дж., еп. Николай (Зиоров), еп. Тихон (Белавин), Петров В.П., Седых М.Д., Херрис Джей, Российско-Американская компания, Православие в Америке, Алеутские острова, Аляска, Монтерей, Сан-Диего, алеуты, индейцы, Мексика, иезуиты, доминиканцы, францисканцы, Сан-Франциско, Православная миссия, католические миссии, Ситка (Ситха), Новоархангельск, о. Уналашка.

В 1760-х гг. Герард-Фридрих Миллер издал в Амстердаме труд под названием: «Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке». Весть об успехах русских землепроходцев ускорила отправку испанских кораблей к северо-западному побережью Америки и постройку католических миссий в Калифорнии¹. Как отмечалось в русской печати, «первыми основателями миссий в Новой Калифорнии были иезуиты; по уничтожении их ордена они были изгнаны, и управление миссиями перешло к доминиканцам (в 1767 г.). Они учредили при Монтерее и Сан-Диего новые миссии. В 1772 г. Новую Калифорнию приняли во владение францисканцы, между тем как доминиканцы переселились в Старую (Калифорнию)»².

Русские промышленники, активно осваивавшие Алеутские острова и Аляску во второй половине XVIII века, также стремились обосноваться на калифорнийском побережье. Идея основать поселение в Калифорнии принадлежала известному русскому землепроходцу Григорию Ивановичу Шелехову

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии (arch.avgustin@gmail.com).

¹Марков С.Н. Летопись Аляски. М., 1948. С. 40.

²Блок Т. Краткое географическое и статистическое описание Калифорнии. СПб., 1850. С. 22. (Историю этих миссий см. там же. С. 23–31, 47–66).

(1747–1795), который в мае 1786 г., покидая остров Кадьяк, в подробном наставлении своему поверенному К.А. Самойлову писал: «Поступать расселением российских артелей для примирения американских [жителей — *a. A.*] и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40-го градуса»³.

В эти годы наблюдалось активное переплетение торговых, политических интересов России и Испании в тихоокеанском регионе; это, в свою очередь, способствовало взаимному ознакомлению с религиозными обычаями соседей: испанские мореходы бывали в русских поселениях на острове Кадьяк и на о. Уналашка. Летом 1788 г. на Уналашку заходили два испанских судна: фрегат «Санта Мария принцесса» и пакетбот «Сан-Филипп» (или «Сан-Карлос»). Судна стояли в Капитанской гавани с 3 по 8 августа; переводчиком при общении членов экипажа с русской администрацией острова был рагузинец (уроженец г. Рагузы (ныне — Дубровник, Хорватия) Стефан Мондозия (Мондофья), которого, однако же, «очень худо понимали». Но русским было приятно, что «он, будучи славянином, молитву «Отче наш» и другие читал одинаково с ними»⁴.

Члены экипажа сумели познакомиться с деятельностью русских миссионеров; дневники Э.Х. Мартинеса и де Аро, хранящиеся ныне в Генеральном архиве Индий (Севиля) и в Национальной библиотеке (Мехико), содержат разнообразные сведения, в том числе, и о религиозных традициях русских поселенцев⁵.

Судьба Калифорнии в первой половине XIX века тесно переплелась с историей нескольких стран: Испании, Мексики, Соединенных Штатов и России. До начала XIX в. Калифорния — одна из окраинных провинций испанской колонии в Америке — вице-королевства Новая Испания. После окончания войны за независимость (1810–1824) Калифорния вошла в состав Мексиканской республики. Но уже в середине 30-х гг. XIX в. калифорнийские сепаратисты (главным образом, переселившиеся туда североамериканцы) выдвигают план создания «независимой республики» Калифорнии. После американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Калифорния вошла в состав США.

В 1799 г. была основана Российско-Американская компания, в задачу которой входило всемерное развитие пушного промысла на американском конти-

³Цит. по: Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.). М., 1971. С. 125.

⁴См. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л., 1979. С. 94.

⁵Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии... С. 20.

ненте. Первым был заселен о. Кадьяк, однако штабом компании и главным торговым центром вскоре стала Ситка. Северная часть Тихоокеанского побережья Америки изобиловала пушным зверем, и русские охотники в течение многих лет поставляли на доходный китайский рынок меха, которые они привозили со своих аванпостов на Аляске. Однако пушной промысел на Аляске постепенно сокращался, и единственным новым богатым источником сырья могло послужить (тогда еще почти девственное) побережье Калифорнии.

В то время в Петербурге еще не думали о создании постоянной колонии в Калифорнии. Император и его министры, всецело поглощенные важными европейскими делами, уделяли мало внимания многообещающей, но неизведанной стране, лежавшей, к тому же, на расстоянии 14 500 километров от русской столицы. Однако нашелся молодой человек, дворянин по происхождению, Николай Петрович Резанов (1764–1807), сумевший оценить огромные потенциальные возможности западного побережья Америки. Когда император Александр I в 1805 г. предложил ему отправиться с инспекционной поездкой в Ситку и Кадьяк, Резанов немедленно принял предложение, дававшее ему возможность лично ознакомиться с Новым Светом.

К великому своему огорчению, Резанов застал аляскинских колонистов на грани голодной смерти. Многие погибали от цинги. Резанов очень скоро убедился, что единственным источником снабжения провиантом могло быть испанское поселение, находившееся в 3000 километрах на юг, у залива святого Франциска. Он надеялся, что тамошние испанцы захотят вступить в торговые сношения с русскими.

В сущности, тогда-то у Резанова и возник отважный план основать новую колонию на Тихоокеанском побережье к югу от Аляски, ибо иначе Русская Америка существовать не сможет. Резанов купил в Ситке американское четырехмачтовое судно «Джуно» («Юнона»), нагрузил его товарами и провиантом. И в феврале 1806 г. из Новоархангельска (ныне — Ситха/Ситка) вышел корабль «Юнона», отправлявшийся в Калифорнию под командованием командора и кавалера мальтийского большого креста св. Иоанна Иерусалимского Николая Резанова.

Корабль прибыл в порт близ католической миссии Сан-Франциско. Здесь русский экипаж был принят местными священниками. Н.П. Резанов установил добрые отношения с главой миссии — иезуитом о. Жозе; он также завоевал расположение губернатора обеих Калифорний — дон-а Жозе де ля Гарро. В своем донесении в Петербург Резанов писал: «Ежели б ранее мыслило правительство

о сей части света, ежели б уважало его как должно, ежели б непрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда б не была Гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 г. только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей путчей кряж земли навсегда себе упрочили. Теперь остается еще не занятой интервал столько же выгодной и весьма нужной нам и так ежели и его пропустим, то что скажет потомство?»⁶

Испанцы оказались любезными хозяевами, но явно не желали завязывать торговых связей. Резанов подробно описал отчаянное положение аляскинских колонистов, но ему не удалось склонить их к уступкам.

Будучи вдовцом, Н.П. Резанов сделал предложение дочери коменданта Сан-Франциско — Концепсии (Кончита). Ее отец — комендант Аргуэйо выразил согласие и даже впоследствии обратился с письмом к папе римскому с просьбой дать разрешение на брак дочери с русским путешественником, но желанию русского мореплавателя не удалось сбыться. Экспедиция должна была вернуться в Россию. Резанов намеревался вернуться в Калифорнию, но он погиб на пути в Петербург, по дороге, в степях Восточной Сибири, его сбросила лошадь. Казаки довели тяжелораненого Резанова до Красноярска, где он скончался 1 марта 1807 г., спустя девять месяцев после того, как покинул Сан-Франциско. В Красноярске Резанов и был похоронен. Только через несколько лет донна Концепсион узнала о его смерти. Она не пожелала выйти замуж ни за кого другого и ушла в монастырь. Кончита пережила своего жениха на пятьдесят лет. Эта трогательная история — одна из самых популярных глав калифорнийских летописей.

Примерно через год после смерти Резанова его план колонизации Калифорнии стал известен императору Александру I, обсуждавшему его со своими министрами, но Александр был слишком озабочен наполеоновскими войнами, чтобы думать об экспедиции. Поэтому тогдашний губернатор Русской Америки Александр Баранов решил действовать на свой риск и страх с помощью тех скромных средств, которые имелись в его распоряжении.

В феврале 1808 г., с целью подыскания подходящего места для нового поселения, в Калифорнию была послана экспедиция. Из двух кораблей, участвовавших в ней, до места назначения добрался лишь один — второй затонул против устья реки Колумбии. Возглавлял экспедицию бывший купец и тогдашний

⁶Цит. по: *Петров В.П.* Русские в истории Америки. М., 1991. С. 28.

сотрудник Российско-Американской компании Иван Александрович Кусков (1765–1823), известный исследователь Русской Америки, служащий Российско-Американской компании, ближайший помощник правителя русских владений в Америке А.А. Баранова (управлял до 1818 г.).

Восьмого января 1809 г. Кусков со своим экипажем бросил якорь в заливе Румянцева (названном так в честь известного государственного деятеля), в 80 километрах севернее Сан-Франциско. Тут они пробыли восемь месяцев, успев за это время завязать дружбу с индейцами, построить несколько зданий временного типа и добыть около 2000 шкур ценной выдры. Путешественники нашли здесь удобную гавань, обилие рыбы и пушного зверя, мягкий климат, плодородную почву, а самое главное — территорию, не занятую ни одной из европейских держав. Кусков вернулся в Ситку, довольный тем, что ему удалось отыскать подходящее место.

В феврале 1811 г. он опять был послан на юг. На этот раз отважный мореплаватель нашел уединенную бухточку в 50 километрах к северу от устья реки Славянки (ныне — Русская река). Над бухтой, примерно на высоте 30 метров, расстилось зеленое плато. Вокруг него, насколько хватал глаз, сверкал океан. На востоке плато замыкалось горами, поросшими огромными секвойями.

У местных жителей — индейцев племени помо Кусков купил около 400 гектаров земли, за которую уплатил, по дошедшим до нас сведениям, всего три одеяла, три пары брюк, два топора, три мотыги и несколько ниток бус. (Как ни мизерна была эта цена, все же это был единственный случай, когда калифорнийским индейцам хоть что-то уплатили за землю; испанцы не платили ничего).

Кусков возвратился в Ситку, чтобы запастись продовольствием и получить людей для строительства нового селения. Набор колонистов не представлял особых трудностей, потому что многие были рады покинуть север с его лишениями и нуждой. Кусков нанял 95 русских и 80 алеутов. В марте 1812 г. тяжело нагруженная шхуна «Чириков» прибыла в Калифорнию, имея на борту 175 человек и флотилию из 40 охотничьих лодок-каное.

Алеуты начали охоту на выдру, а русские энергично взялись за первое неотложное дело — заготовку леса для строительства. Они валили гигантские секвойи высотой до 60 метров и диаметром до 6 метров, из бревен тесали столбы и доски. Началось строительство первых зданий. Через несколько месяцев на холме вырос укрепленный поселок.

Тридцатого августа 1812 г., в день тезоименитства императора Александра I, состоялось официальное открытие колонии. Оно было ознаменовано большим празднеством и пиром. Русская крепость, «по вынуду жребия, положенному пред иконой Спасителя», была названа фортом Росс⁷.

«Место, выбранное Кусковым, с согласия А. Баранова, для колонии находится при небольшой бухте, в 15 милях от залива Румянцева (Бodega), — писал в конце XIX в. епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров). — В 1812 г., 30 августа, в день тезоименитства императора Александра I, укрепление со всеми службами было со всевозможной торжественностью освящено с наименованием его Россом (т. е. Русским). Укрепление было расположено на пригорке и вооружено 10-ю орудиями. <...> На склоне его находились жилища алеутов, привезенных сюда с Аляски, и уже освоившихся с русским языком и с русскими обычаями»⁸.

В то время эти земли не были в чем-то исключительном владении. Но, тем не менее, «американские испанцы изумились, увидя народ, известный им более по слухам, в столь близком соседстве»⁹, — пишет биограф А.А. Баранова К.Т. Хлебников. Испанцы в сан-францисском форте («пресидио») смотрели на новых соседей с подозрением. Хотя русские не проявляли никакой враждебности, испанцы все же опасались их дальнейшего проникновения на юг — в испанские колонии. Перед открытием Росса комендант Аргуэйо послал для обследования нового селения офицера в сопровождении семи человек. Вернувшись через несколько недель, они сообщили, что их приняли радушно и разрешили осмотреть все, что они хотели.

Испанцы узнали, что русские намерены оставаться в Россе, укрепляют свой поселок и обносят его палисадом. В северном и южном углах крепости находились блокгаузы с амбраурами для пушек. Эти бастионы предназначались для охраны всех подступов к форту. Позднее, когда были установлены орудия (общим числом 41), форт стал фактически неприступным.

Палисад имел вид прямоугольника размером примерно 75 на 100 метров. За ним располагались дом правителя колонии, офицерское помещение, казармы для русских работников, церковь и различные склады и службы. Некоторые зда-

⁷ Потехин В. Селение Росс // Журнал мануфактур и торговли. Т. 8. 1859. Отд. 5. С. 10.

⁸ Николай (Зиоров), еп. Поездки в форт Росс // Американский православный вестник (далее — АПВ). 1897, № 17, май 1–13. С. 345. Из письма Преосвященного (2–14 марта 1897 г., Сан-Франциско).

⁹ Хлебников К.Т. Жизнеописание А.А. Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1883. С. 148.

ния были двухэтажными; дом правителя имел застекленные окна и был хорошо обставлен. В церкви было много икон.

Первая зима в Калифорнии оказалась для колонистов суровой. Испанцы не желали продавать продовольствие в обмен на ткани и металл. Землю нельзя было пахать и засеивать до весны, и запасы продовольствия почти иссякли. Хотя климат был не холодный, с океана ежедневно стлался густой туман, и люди страдали от постоянной сырости. Эта зима 1812 г. была тяжелой и во многих других отношениях. На родине происходили грустные события: в сентябре Наполеон занял Москву. В Америке разразилась война Соединенных Штатов с Англией, и американские суда, перевозившие русские грузы, отстаивались в своих портах.

«Пока начальство калифорнийское сносилось с Кусковым о сделанном им заселении и доносило мексиканскому вице-королю, Кусков между тем познакомился и снискал благорасположение миссионеров и владельцев соседственных мест, — сообщает К.Т. Хлебников. — Он достал от них скота, семян и дворовых птиц, и с ними пособиями завелся хозяйством вполне»¹⁰.

Таким образом, католические миссионеры благосклонно отнеслись к русским православным поселенцам в Калифорнии. В 1813 г. испанцы сняли запрет торговли и обменяли значительное количество скота, лошадей, пшеницы, бобов, вяленой говядины и сала на общую сумму в 14 000 долларов. Между тем, Кусков со своими людьми успел выстроить еще несколько зданий и расширить гавань в заливе Румянцева, который находился в 45 километрах к югу. Французский купец Бернар Дю-Силли, посетивший в том году форт Росс, не нашел там ни «беспорядка», ни «грубости», которые он наблюдал в испанских «пресидио». Вместо этого он увидел «хорошо сделанные кровли, красивые дома, аккуратно засеянные и обнесенные частоколами поля» и «совершенно европейскую атмосферу»¹¹.

Вокруг крепости теснились деревянные хижины с плоскими крышами — жилища алеутов, приехавших с экспедицией. В непосредственной близости от форта располагались пекарня, сарай, амбары, скотные дворы, дубильня и различные мастерские. На берегу у подножья скалы была выстроена небольшая верфь, два эллинга — один для каноэ, другой для строительства новых судов и хранения теса, — кузница и баня, в которой колонисты могли париться, как у себя на родине.

¹⁰Там же. С. 148.

¹¹Цит. по: *Гаркисон Д.А.* Форт Росс — русское поселение в Америке // *Америка.* 1967. Май. № 132. С. 14.

Испанцы продолжали засылать соглядатаев в Росс. Их прежняя озабоченность в связи с русским поселением, обосновавшимся в непосредственной близости от их колонии, перешла в открытую враждебность. В 1815 г. Кусков получил от испанского коменданта ноту, настаивавшую на эвакуации Росса. Так началась длительная дипломатическая переписка между Мадридом, Петербургом, Сан-Франциско и Форт-Россом.

В отношениях с испанскими официальными лицами русские продолжали соблюдать прежнюю учтивость. В 1817 г. русский корабль «Рюрик», совершавший кругосветное плавание, зашел в сан-францисское «пресидио». Туда же из Росса был вызван Кусков, видимо, для обсуждения вопроса об эвакуации форта. Однако оказалось, что ни та, ни другая сторона не могут предпринять дальнейших шагов, не получив точных инструкций от своих правительств, на что в то время требовались месяцы, если не годы. Мешали, по всей вероятности, и затруднения с языком, особенно, когда дело касалось тонких юридических вопросов. В результате никакого соглашения достигнуто не было, и спор с испанцами так и остался нерешенным.

Большинство иностранцев, побывавших в форте Росс, удивлялись его стройной, хорошо организованной жизни. «Во всем видны большой порядок и дисциплина, — писал Дю-Силли, — и всюду чувствуется заботливая рука. Колонисты — рабочие и солдаты одновременно — весь день заняты на различных работах, а ночью несут охрану форта. Праздники они проводят в смотрах и в учебной стрельбе»¹².

Питались колонисты преимущественно мясом тюленей и чаек, рыбой и дичью. Зерно, овощи и говядина обычно сберегались для поселенцев Аляски.

Росс отправлял корабль за кораблем с калифорнийской пшеницей, ячменем, горохом, бобами, с говяжьим и свиным салом и вяленым мясом в северные поселения и при этом извлекал порядочные доходы из меновой торговли.

И.А. Кусков отдал своему служению в Русской Америке лучшие годы жизни. Его имя и сегодня почитается в США. 21 год он провел на Аляске, 10 лет в Калифорнии. Кусков управлял селением Росс до 1821 г. Вскоре после возвращения в Россию он скончался и был похоронен в своем родном городе Тотье за монастырскими стенами¹³.

¹²Там же. С. 14.

¹³Личный архив И.А. Кускова, в т. ч. и его дневники, привезенные им в свое время из Калифорнии в Тотью, утрачены в 1927–28 гг.

В 1818 г. в селении Росс уже жило 27 русских и 78 кадьякских переселенцев¹⁴. Селение Росс считалось самым южным из русских поселений в Америке; тем не менее, промышленники форта Росс добывали зверя на «Ферлонских камнях», недалеко от миссии Сан-Франциско. Там, где сейчас расположен парк Золотых ворот в современном Сан-Франциско, существовало постоянное поселение людей Кускова¹⁵.

Католические миссионеры часто бывали в форте Росс. Они делали разные покупки в русской крепости. Даже колокола для католических миссий Калифорнии были отлиты русскими мастерами из Новоархангельска по заказу испанских монахов. В своих записках об Америке К.Т. Хлебников сообщает, что в мастерских Новоархангельска отливались колокола весом до 5 пудов «для торгу в Калифорнии»¹⁶. Визиты носили взаимный характер: калифорнийские монахи встречали гостей из Русской Америки колокольным звоном или пушечными салютами со стен крепостей. В те времена в Северной Калифорнии насчитывалось до 20-ти францисканских миссий.

На начальных стадиях существования Росса отношения между русскими и индейцами складывались более благоприятно, чем у индейцев с испанцами. Вожди индейских независимых племен искали покровительства русских моряков. Один из них, Валенилла, просил русского морехода В.М. Головина дать ему русский флаг. Другой участник кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка», Ф.Ф. Матюшкин, записал: «В самый день снятия с якоря нам желал сделать посещение начальник индейцев. <...> Посмотрев судно наше, величине коего он удивился, и будучи одарен капитаном топорами, ножами и прочим, получил еще сверх всего русский военный флаг, который ему было велено поднимать, коль скоро он увидит судно с подобным, обещая ему при таком случае богатые подарки от наших соотечественников»¹⁷.

В 1822 г., когда Калифорния перешла от Испании к Мексике, калифорнийские товары были обложены новой пошлиной. В 1817 г. на товарах, отправленных с кораблем «Кутузов», колонисты получили более 250 % прибыли, тогда

¹⁴ Головин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965. С. 316.

¹⁵ Черницын Н.А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков // Летопись севера. 1962. № 3. С. 116.

¹⁶ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 3. СПб., 1861. С. 98.

¹⁷ Матюшкин Ф.Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» // Шур Л.А. К берегам Нового Света. М., 1971. С. 69.

как позднее прибыль в 35–70 % стала считаться приличной. Как раз в то время, когда начал уменьшаться приток провианта на Аляску, сократилась и добыча выдры и мехов. Упадок торговли и пушного промысла побудил искать новые источники дохода.

Хотя земледелие и играло важную роль, но его продукция шла по преимуществу на нужды самих колонистов. Каждый плодородный клочок земли близ форта засевался пшеницей или ячменем, а на теплых и влажных участках выращивались тыква, арбузы, свекла, капуста и другие овощи. Почва была богата и плодородна, но среди колонистов почти не было опытных крестьян, способных поднять земледелие на должную высоту. Индейцы отказывались идти на тяжелую сельскохозяйственную работу, за которую их вознаграждали дешевыми подарками. Между тем ряды колонистов редели: одни умирали, другие старели и теряли трудоспособность. Так или иначе, сельское хозяйство не удовлетворяло руководителей форта, но они продолжали поддерживать его с переменным успехом.

Судостроение также оказалось малоприбыльным делом, несмотря на богатые источники строительного сырья. Колонисты построили несколько судов, но все они плавали недолго, потому что строительный материал недостаточно выдерживался и рабочие не имели необходимого опыта. Сотрудник Российско-Американской компании Кирилл Хлебников жаловался, что единственной «прибылью», которую колонисты извлекли из судостроения, был рост их престижа в глазах индейцев, немало удивлявшихся искусству своих соседей.

Но в чем русские действительно преуспели — это в производстве кустарных изделий. Ни один кусок дерева, железа или кожи не оставался неиспользованным: все превращалось в товары, на которые колонисты часто получали заказы от испанцев.

Русский мореплаватель Отто фон Коцебу, посетивший Росс в 1824 г., писал, что «испанцам следовало бы поучиться искусству хозяйствования у правителя (форта) фон Шмидта, который достиг в этом поразительных успехов. Под его руководством здесь изготавливаются орудия и инструменты, не уступающие лучшему, что есть в Европе»¹⁸. В 1823 г. испанцы закончили создание длинной цепи миссий вдоль побережья, построив две последних из них севернее Сан-Франциско: в Сан-Рафаэле и в Сономе. По мнению Отто фон Коцебу, этим испанцы хотели помешать распространению русских интересов на район Сан-Францисского залива. «Жаль, что мы не опередили их, — писал мореплава-

¹⁸ *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1959. С. 210.

тель. — Преимущества, которые дает владение этим прекрасным заливом, неисчислимы»¹⁹.

Англичанин Фредерик Бичи, побывавший в форте Росс, говорил о русских колонистах: «Их новое поселение в Россе... так близко к границе, что не может не вызывать у испанцев чувства зависти и, по-видимому, не без оснований, ибо, насколько я знаю, поселение хорошо укреплено и служит для всей Калифорнии примером того, какие плоды могут принести здесь прилежание и труд»²⁰.

Испанская миссия в Сономе находилась всего в 65 километрах от Росса. Когда она открылась, русские послали в подарок новому храму несколько украшений, и монахи часто обращались к колонистам за помощью, когда нуждались в каких-нибудь починках или в инструменте. Между испанскими и русскими колонистами не было открытого антагонизма. Однако испанская администрация, хотя и заинтересованная во взаимных выгодах торговли, оказывала постоянное дипломатическое давление на своих соседей, оспаривая в принципе их право на колонизацию края.

В те годы шло активное освоение калифорнийского побережья. Помимо Испании на эти земли претендовали американцы, а также и англичане, которые называли часть Северной Калифорнии «Новым Альбионом». В ходе этого процесса были неизбежны столкновения интересов, и Россия, не желавшая обострения конфликтов, стремилась решать проблемы мирным путем. Один из историков Российско-Американской компании, Н. Политовский, по этому поводу пишет: «Споры, возникавшие о правах владения России на северо-западном берегу Америки, и происходившие от того самовольные действия иностранцев в черте колониальных местностей, прекращены конвенциями, заключенными между Россией и Соединенными Штатами 5/17 апреля 1824 г., и между Россией и Великобританией 16/28 февраля 1825 г. Этими конвенциями определены в точности границы России и постановлено, чтобы она не имела никаких селений вне условленной черты. Означенные конвенции остановили (Российско-Американскую) Компанию в дальнейшем распространении владений России в тех краях»²¹.

Упоминая про форт Росс, лежавший гораздо южнее оговоренной границы, Н. Политовский замечает: «Впрочем до 1841 года селение Росс в Верхней

¹⁹ Там же. С. 210.

²⁰ Гаркисон Д.А. Форт Росс — русское поселение в Америке. С. 15.

²¹ Политовский Н. Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской компании. СПб., 1861. С. 33–34.

Калифорнии, вне определенных конвенциями границ, оставалось неприкосновенным, несмотря на неоднократные протесты мексиканского правительства на занятие русскими небольшого пространства, удобного для хлебопашества земли, в соседстве с селением Росс, с той целью, чтобы основать там земледельческую колонию, которая произведениями своими могла бы со временем продовольствовать лежащие к северу колонии наши, и самую Камчатку»²².

В Калифорнии неоднократно бывал Кирилл Хлебников, правитель Новоархангельской конторы (1818–1832) Американно-Российской компании. С 1822 по 1832 гг. он совершил более 10 вояжей в Калифорнию с торговыми и промышленными целями. Изучив испанский язык, он получил много ценных сведений из бесед и переписки с испанскими монахами, управлявшими миссиями в Калифорнии. Вернувшись из Америки, где он провел многие годы, Кирилл Хлебников обобщил свои впечатления о деятельности, проводившейся бок о бок русскими и испанскими миссионерами. В своем письме А.С. Пушкину, отправленном 7 января 1837 г., т.е. за три с небольшим недели до гибели великого русского поэта, К.Т. Хлебников писал: «Храбрые, но жестокие испанцы с крестом в руках именем Бога искореняли жителей-идолопоклонников. Грубые и сильные русские с крестом на груди поставляли за грех напрасно губить диких»²³.

Примечательно, что этот вывод русского промышленника и исследователя совпадает с мнением, сложившимся в те же годы у мореплавателя О.Е. Коцебу, который также мог сравнить положение местных индейцев в католических миссиях Калифорнии с жизнью их сородичей в селении Росс. Отметив, что русские обитатели селения Росс живут в мире и согласии с местным населением, он писал далее: «Православная Церковь не распространяет свое учение силой. Она свободна от фанатизма и проповедует любовь и терпимость. Эта Церковь не стремится во что бы то ни стало привлечь людей иной веры, а позволяет им принимать Православие лишь по искреннему внутреннему убеждению. Для тех же, кого она допускает в свое лоно, она навсегда остается любящей матерью»²⁴.

Другой русский мореплаватель, Д.И. Завалишин, также побывавший в Калифорнии, писал по этому же поводу следующее: «Индейцы очень любили добродушных русских матросов, а особенно щедрых и ласковых офицеров. Я знаю,

²² Там же. С. 34–35.

²³ Цит. по: *Лукин Б.В.* Неопубликованная статья «летописца Русской Америки» К.Т. Хлебникова (По поводу одного письма А.С. Пушкину) // *От Аляски до Огненной Земли*. М., 1967. С. 134.

²⁴ *Коцебу О.Е.* Путешествие к Южному океану и в Берингов пролив, предпринятое в 1815–1818 гг. на корабле «Рюрике». СПб., 1821. Ч. II. С. 211–212.

что всякий мой приезд в миссию был для них праздником. Как ни ворчат бывало и ни торгуются со мною миссионеры, а все-таки выпрошу кому-нибудь прощение или смягчение наказания за дисциплинарные проступки»²⁵.

Д.И. Завалишин (1804–1892) находился вместе с О.Е. Коцебу в составе экипажа, совершавшего кругосветное путешествие на фрегате «Крейсер» под начальством М.П. Лазарева. В те годы он был преподавателем Морского корпуса, а впоследствии он — декабрист, член «Северного тайного общества». После возвращения с каторги в 1856 г. он опубликовал свои воспоминания о Калифорнии в журнале «Русский вестник» (т. 60, 1865 г.). Во время своего пребывания в Калифорнии Завалишин ежедневно приезжал в миссию Сан-Франциско как по хозяйственным делам, так и для того, чтобы заниматься с начальником миссии падре Томасом изучением испанского языка.

При своих встречах с о. Томасом (Фомой) Д.И. Завалишин вел богословские диспуты на такие темы, как о чистилище и др.²⁶ Отец Фома был ревностным миссионером; как вспоминал Завалишин, «в наших религиозных прениях он сказал мне однажды, что если бы он был убежден, что для спасения моей души нужно бросить меня сейчас же в огонь, то он ни минуты не задумался бы сделать это»²⁷.

Д.И. Завалишин заботился об укреплении связей между жителями селения Росс и обитателями католических миссий. Он считал, что в Россе должно быть заведено училище, где дети калифорнийских испанцев и дети индейцев, живших при католических миссиях, могли бы бесплатно обучаться ремеслам, музыке и оспопрививанию²⁸. И хотя этот проект не был осуществлен, все же связи между православными и католическими жителями Калифорнии продолжали развиваться на практическом уровне. Так, в начале 1830-х гг. в селении Росс, по словам Завалишина, были «построены два ялика для миссионера падре Нарциза (начальник миссии Сан-Хосе)»²⁹.

В письме представителей русской администрации к губернатору Калифорнии сообщалось, что в те же годы «через наши работы и пособия, миссии по заливу Св. Франциска обзавелись гребными судами. Те же миссии и другие

²⁵Завалишин Д.И. Калифорния в 1824 г // Русский вестник. 1865. № 60. С. 338.

²⁶Там же. С. 325.

²⁷Там же. С. 335.

²⁸Там же. С. 365.

²⁹Завалишин Д.И. Дело о колонии Росс // Русский вестник. 1866. № 62. С. 61.

жители всегда приезжали к нам в селение [Росс — а. А.] с требованиями исправлять ружья, замки, инструменты и пр.»³⁰

После Кускова фортом Росс управляли Карл Шмидт (1821–1825), П. Шелихов (1825–1829) (потомок знаменитого мореплавателя — «Колумба российского») и П.С. Костромитинов (1829–1836). В 1830-х гг. в форте Росс жило 200 человек, из них русских и креолов — 50, остальные — индейцы и алеуты. В эти годы главным правителем российских североамериканских колоний был Ф.П. Врангель (1796—1870), который уже посетил Калифорнию в 1818 г. в составе экипажа «Камчатки». Став во главе русских колоний, он заботился о духовном окормлении форта Росс и о христианизации местных жителей. Это явствует, например, из «сметы товаров, вещей и съестных припасов и материалов, потребных в годичное потребление по колониям», представленной Ф.П. Врангелю в марте 1832 г. Согласно этому документу, среди прочих предметов было отгружено для Калифорнии «свеч восковых церковных пудов 30; крестов медных 1000 штук; крестов серебряных 100 штук; образов мелких на досках 200 шт.; образов бумажных 1000 шт.»³¹

В октябре 1832 г. форт Росс посетил священник Александр Соколов; он сделал записи в «Ведомости метрической» о совершенных им церковных обрядах в селении Росс, главным образом о крещении и бракосочетаниях. Им были даны сведения о крещеных и получивших святое миропомазание в «Новороссийском селении Росс» по группам. В первой группе дети русских разночинцев: 10 мальчиков и 16 девочек. Затем следует группа креолов и алеутов: 7 мальчиков и 3 девочки. Следующая категория — дети кадьякских алеутов, прижитые от индианок (незаконнорожденные): 11 мальчиков и 5 девочек. Последняя категория крещенных о. Александром Соколовым жителей Росса — местные жители, индейцы и индианки с северных калифорнийских берегов, взрослые и дети: мужского пола 4, женского пола 34. В том же октябре 1832 г. священник Александр Соколов совершил 13 бракосочетаний³².

Прошло еще несколько лет, и в 1836 г. форт Росс посетил знаменитый миссионер — священник Иоанн Вениаминов (будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий; 1868–1879). В его дневнике есть строки, посвященные этому российскому аванпосту в Калифорнии: «Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение или село, состоящее из 24 домов

³⁰ Там же. С. 62.

³¹ Русская Америка в «Записках» К. Хлебникова. М., 1985. С. 195.

³² Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 65.

и нескольких юрт для алеут, со всех сторон окруженное пашнями и лесами, в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая две оборонительные будки с небольшими пушками и вмещающая в себя часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей»³³.

Вернувшись в Ситху, о. Иоанн Вениаминов внес сведения о жителях форта Росс в метрическую книгу ситхинской Михайло-Архангельской церкви. «Росписи» указывают, что число жителей Росса в 1836 г. было 260 человек и что население состояло из 56 россиян, 115 креолов, 50 алеутов и 39 крещеных индейцев. «Россияне разделялись на чиновников, которых было два, и разночинцев 54».

Русское население форта Росс, принадлежавшее к разряду разночинцев, состояло из лиц мещанского и крестьянского происхождения. Жены их были главным образом креолки, якутки и индианки. Судя по метрической книге, в селении Росс было 11 человек мещанского происхождения и 33 «работных» из крестьян. Двое были Санкт-Петербургские мещане, а почти все остальные — томские. Петербургскими мещанами были Николай Андреевич Голицын и Михаил Иванович Каменский³⁴.

Еще в 1817 г. главный правитель российско-американских владений А.А. Баранов в донесении своем от 13 ноября писал: «Российско-Американская компания, или кто-нибудь из патриотов, соучаствующих в оной и во всеобщем добре, могут, кажется, купить по крайней мере до 25-ти семейств крестьянских, которым за переселение в Америку, куда их доставят при транспортах из С.-Петербурга, дать свободу и обязать заниматься земледелием около крепости Росс»³⁵. А в 1836 г. в форте Росс жили крестьяне из самых различных губерний Российской империи, преимущественно из северных: Енисейской, Олонецкой, Гжатской, Тобольской, Нарымской, Иркутской, Архангельской, а также из Вологодской, Ярославской, Тверской и Витебской³⁶.

«Совершенно неожиданным было обнаружение в списке «англицкого подданного» Николая Бетре и пекинского крестьянина Ильи Андреева, — пишет современный исследователь. — Каким образом попал «англицкий подданный» в состав работных форта Росс — неизвестно. По всей вероятности, это был бег-

³³Там же. С. 44.

³⁴Там же. С. 64.

³⁵Завалишин Д.И. Дело о колонии Росс. М., 1866. С. 22.

³⁶Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 64.

лый матрос с английского корабля или наемный рабочий, нанявшийся по контракту в Российско-Американскую компанию. Что касается пекинского крестьянина Ильи Андреева, то он остается полной загадкой. Был ли это крещеный китаец или русский, некоторое время живший в Пекине? Интересно, что рукой о. Иоанна помечено в специальной графе, что и «англицкий» подданный, и пекинский крестьянин были у исповеди и Св. Причастия»³⁷.

В том же 1836 г. правителем форта Росс стал Александр Гаврилович Ротчев (1836–1841), доставивший яркий след в истории этого селения. А.Г. Ротчев и его супруга Елена были людьми образованными. Они собрали приличную библиотеку на русском, французском и немецком языках, в доме было пианино. Иногда они устраивали приемы, на которые приезжали гости из испанских миссий. Dufplot de Mofras, посетивший форт Росс в 1841 г., писал, что дом Ротчевых был обставлен с большим комфортом, чем даже дом губернатора Калифорнии в Монтеррее. В доме звучала музыка Моцарта.

Судя по одному документу, можно предположить, что Елена Ротчева привезла с собой по крайней мере одну крепостную девушку, горничную. В выписке из «Метрических книг Свято-Троицкой церкви селения Росс» говорится о крещении новорожденного, «сына крестьянина Орлова из Архангельска и его законной жены креолки». Восприемниками на этом крещении были записаны креол Я.С. Осколков и «крепостная девка дворянина Ротчева Александра Гавриловича Агафья Иванова»³⁸.

К 1837 г. расходы по содержанию колонии составляли 72000 рублей в год, тогда как доход едва достигал 8000. На спасение форта оставалось все меньше надежд. Суда Российско-Американской компании продолжали раз или два в год приходить из Ситки и заходили в Сан-Франциско за зерном. И, тем не менее, экономические перспективы ухудшались, и убытки достигали 30000 рублей в год.

В 1830-х гг. в Калифорнии усилилось американское влияние, а в 1848 г. эта территория перешла во владение США. Но еще почти за 10 лет до этого события, в 1839 г. Российско-Американская компания обратилась в министерство финансов с ходатайством о разрешении упразднить колонию Росс. О причинах, побудивших РАК пойти на этот шаг, пишет Н. Политовский: «К сему правление побуждалось тем, что первоначальная цель занятия селения Росс — бобровые и китовые промыслы, уже не существовала по совершенному почти истреблению сих животных на берегах Калифорнии, а самое селение в настоящем его поло-

³⁷Там же. С. 64.

³⁸Там же. С. 47.

жении, не только впоследствии не доставляло Компании особых выгод, даже в продовольственном отношении, но и вовлекало ее в значительные напрасные расходы»³⁹.

Новый губернатор Русской Америки барон Фердинанд Врангель считал, что сохранение колонии будет иметь смысл только в том случае, если Мексика позволит увеличить ее земельные владения. Врангель сделал попытку обратиться с ходатайством к мексиканскому правительству, но получил отказ, потому что его просьба не была поддержана царским двором. Тогда-то и было решено приступить к ликвидации бесполезной и дорогостоящей колонии. В апреле 1839 г. это решение было утверждено императором Николаем I.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что Россия в своих действиях была связана договором 1825 г., не позволявшим ей расширять свое влияние в Северной Калифорнии. Так что экономические проблемы, возникшие у РАК, усугублялись политическим фактором, и это нашло свое отражение в записке Н. Политовского. «Переговоры с мексиканским правительством, произведенные в самой Мексике, потому только не имели успеха, что были ведены от лица Компании, а не самого правительства России, — пишет русский автор. — И впоследствии правительство наше не приняло участия в сем деле, а потому Компания, лишенная всякой надежды на необходимое расширение земель под селение Росс, была вынуждена для сокращения излишних расходов, не обещавших никаких выгодных последствий в будущем, упразднить упомянутое селение вовсе, что с Высочайшего разрешения и было приведено в исполнение»⁴⁰.

Форт Росс был назначен в продажу. Сначала Ротчев предложил его мексиканскому губернатору Вайехо. Огромное количество разнообразного инструмента, инвентарь, 1700 голов рогатого скота, 940 лошадей и 900 овец были оценены всего лишь в 30 000 долларов. Вайехо соглашался купить только скот, предлагая за него 9000 долларов. Мексиканцы заявили, что иностранная компания не вправе продавать строения, воздвигнутые на мексиканской земле из местных материалов, и требовали, чтобы русские уступили все постройки бесплатно. Они были уверены, что другого покупателя не найдется.

К их удивлению, покупатель нашелся. Им оказался американец немецко-швейцарского происхождения Иоганн Август Зуттер (Суттер), прославившийся позднее во время калифорнийской золотой лихорадки. В 1841 г. Зуттер приобрел здания, обстановку, инвентарь и весь скот за 30000 долларов в рассрочку.

³⁹ Политовский Н. Краткое историческое обозрение... С. 35

⁴⁰ Там же. С. 35–36.

Земля не была пущена в продажу, и позже на ней стали пасти скот американские фермеры.

К этому времени относятся известия о Калифорнии, содержащиеся в трудах русских исследователей, которые по-прежнему проявляли большой интерес к изучению этих земель. Одним из них был И.Г. Вознесенский, который провел в Русской Америке и на Камчатке 10 лет (1839–1849). В рукописях И.Г. Вознесенского имеются интересные сведения по истории Калифорнии конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. И.Г. Вознесенский провел в Северной Калифорнии больше года — с июля 1840 по сентябрь 1841 гг. Он прибыл из Ситхи в залив Бodega (Румянцева) на корабле «Елена», а затем переехал в Росс. В феврале-марте 1841 г. И.Г. Вознесенский побывал в «Новой Гельвеции» — имении капитана Дж. Суттера на реке Сакраменто. В апреле Вознесенский вернулся в Росс и в сентябре 1841 г. покинул Калифорнию вместе со всеми жителями Росса. Таким образом, И.Г. Вознесенский был свидетелем последних дней Русской Калифорнии, проданной Суттеру⁴¹.

Сведения об упразднении форта Росс содержатся в записках епископа Алеутского и Аляскинского Николая (Зиорова) (1897 г.). «К сожалению, вследствие столкновения испанцев и американцев с русскими колонистами и неподдержки последних дипломатическим путем со стороны Министерства иностранных дел, Российско-Американская компания должна была оставить свои поселения в Калифорнии», — пишет владыка, переходя затем к последним дням русского форпоста на Тихом океане. «Вследствие этого, с высочайшего разрешения, форт со всем инвентарем был продан владельцу поселения при реке Сакраменто, швейцарцу Суттеру за 30000 долларов, — продолжает епископ Николай. — Все население Росса, русские и алеуты, были вывезены на Аляску, остались только туземцы индейцы, из коих многие были уже крещены в православную веру. <...> Последним управляющим в форте был Костромитинов: он и подписывал в Сан-Франциско контракт об уступке Суттеру русских владений»⁴².

13 декабря контракт был подписан обеими сторонами. 31 декабря 1841 г., в канун новолетия, русское население навсегда покинуло форт Росс и выехало на бригантине «Константин» в русские владения на острове Ситха. Ко времени ликвидации форта, согласно архивам Российско-Американской компании, хранящимся в Библиотеке конгресса и Национальном архиве в Вашингтоне, там жи-

⁴¹ Шур Л.А. К берегам Нового света. М., 1971. С. 316 и далее.

⁴² Николай (Зиоров), еп. Поездки в форт Росс. С. 346.

ли 218 человек, из них 134 мужчины и 84 женщины, в т. ч. россиян — 45 мужчин, женщин не было; креолов — 31 мужчина и 51 женщина. алеутов — 38 мужчин и 13 женщин; крещеных индейцев — 17 мужчин и 17 женщин, а также дворян и чиновников — 3 мужчин и 3 женщины⁴³.

Из форта Росс в Новоархангельск (ныне г. Ситха, Аляска) была вывезена церковная утварь, в т.ч. Евангелие в драгоценной оправе и евхаристическая чаша. (Евангелие было даром церкви форта Росс от государственного канцлера графа Румянцева, который он сделал в мае 1815 г.)⁴⁴. Обе реликвии и донныне хранятся в Свято-Михайловском соборе Ситхи.

Канадская Компания Гудзонова залива взяла на себя задачу обеспечения Ситки провиантом, после чего все формальности, связанные с эвакуацией Росса, были закончены. В 1842 г., после тридцати лет жизни на американском континенте, последняя небольшая группа поселенцев отплыла на север. Зуттер перевез большинство строений в Сакраменто, и от всего первоначального поселка сегодня в Форт-Россе остаются лишь два здания. На протяжении многих лет его населяли фермеры, скотоводы, лесорубы. В одном из строений крепости устроили гостиницу.

Могли ли русские остаться в Калифорнии на законных основаниях, если бы пожелали? Много лет тому назад видный калифорнийский историк Хьюберт Хау Банкрофт подверг этот вопрос основательному изучению.

«Русские, — пишет он, — никогда не претендовали на суверенитет над занимаемым ими районом или какой-нибудь другой частью калифорнийской территории... Их целью было создание аванпоста для охоты на пушного зверя и торговли. Они стремились расположить к себе калифорнийцев и завязать торговые отношения. Они избегали обсуждения своих прав и подчеркивали общность интересов компании и Калифорнии, стараясь мирно улаживать все разногласия.

«Сильнейшее возможное правовое притязание компании на уже занимаемый ею участок (которое, однако, не имело силы ни по испанским, ни по мексиканским законам) могло бы базироваться на том факте, что земля находилась в частном владении, основанном на покупке ее у местных жителей и ее принадлежности компании в течение 30 лет без перерыва, но в 1841 г. эта претензия не могла считаться обоснованной, поскольку земля сама по себе не имела никакой или почти никакой ценности, и калифорнийское правительство, по всей вероятности, могло бы воспрепятствовать продаже.

⁴³Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 50.

⁴⁴Там же. С. 117.

«Компания намеренно исключила стоимость земли при заключении сделки с Зуттером, и сам Зуттер никогда не считал, что приобрел какой-либо участок. Учитывая все эти обстоятельства, можно утверждать, что у русских был правовой титул на землю, но не было купчей крепости, потому что таковой вообще не существовало»⁴⁵.

Дальнейшая судьба форта и селения Росс была связана с упадком и запустением, поскольку «золотая лихорадка», охватившая Калифорнию в 1848 г., повлекла за собой отток жителей, устремившихся на поиски призрачного счастья. Здания внутри и снаружи стен форта стали приходить в ветхость, гнили, падали. В 1873 г. как форт, так и несколько ранчо вокруг него были приобретены семейством Джорджа Колла. К концу XIX столетия большинство зданий снаружи форта исчезло — развалились или были разобраны, — но внутри форта еще оставалось несколько зданий, как видно, крепче построенных. В углу форта по-прежнему, как во времена владения форта русскими, стояла часовня⁴⁶.

В 1897 г. форт Росс посетил епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров). «Давно уже хотелось мне побывать там, — посмотреть на место культурного подвига наших соотечественников в этой стране, да кстати помянуть их молитвенно на месте их упокоения»⁴⁷, — записал владыка в своем дневнике. Путь святителя к бывшему русскому селению начинался из Сан-Франциско. «Проехав лесом довольно долго, мы стали спускаться вниз и пред нами внезапно открылся вид на форт Росс. Он стоит на холме — точно на ладони — над океаном. Издали это чисто русское село с церковью и полуразвалившимися строениями, выкрашенными когда-то в белую краску, но выцветшими от времени и влияния стихий»⁴⁸, — сообщает епископ Николай своим читателям.

К концу XIX в. строения форта обветшали, и это бросилось в глаза русскому архиерею и его спутникам. «В форт мы въехали чрез ворота, которые устроены обыкновенно в деревнях из жердей и досок, — пишет владыка. — Форт имеет вид продолговатого 4-х угольника, с двумя полуразвалившимися деревянными башнями на углах, поставленными на противоположных концах диагонали. В центре форта — дом бывших управляющих фортom»⁴⁹.

⁴⁵ Гаркисон Д.А. Форт Росс — русское поселение в Америке. С. 15.

⁴⁶ Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 53.

⁴⁷ Николай (Зиоров), еп. Поездки в форт Росс. С. 342.

⁴⁸ Там же. С. 342.

⁴⁹ Там же. С. 342–343.

Внимание русских гостей, в первую очередь, было уделено деревянной церкви, стоявшей «левее, к самому выходу из форта». Вот каким предстал перед ними этот храм, возведенный еще в 1820-е годы: «Церковь — небольшое, деревянное, 4-х угольное здание с высокой крышей и двумя башнями, в форме грузинских, продолговатых и остроконечных, — выцветшая, облезлая, темная, полуразвалившаяся, с выбитыми стеклами, а инде и с выломанными рамами, — пишет владыка Николай. — На колокольне сохраняется еще нечто напоминающее крест, а на самом куполе стоит только стержень от креста; поперечной перекладины уже нет. Дверь запирается, как у нас в Малороссии, «на клямку» и куском щепки»⁵⁰.

Вместе с русскими паломниками можно войти под своды церкви, однако не следует пока настраиваться на молитвенный лад: в те годы в храме царило запустение. «Отворяете двери, и вашим глазам представляется самое возмутительное зрелище: во всю длину храма идут стойла для животных, — со скорбью пишет владыка. — Купол церковный, в виде остроконечного шатра, приходится как раз над ними; он ободран и облуплен донельзя. <...> Признаков живописи, о которой писал один путешественник начала нынешнего (XIX) столетия, бывший в форте, нет и признаков. <...> Все стены испещрены надписями тех, кто посещал эту церковь. <...> При виде этой «мерзости запустения на месте святе» у меня больно сжалось сердце и слезы невольно напращивались на глаза. <...> С глубокой грустью вышли мы отсюда»⁵¹.

Вполне понятно, что церковной утвари в храме к тому времени не было. Однако кое-что было перенесено в бывший дом управляющего, где русские посланцы также смогли побывать. «Сохранились клавикорды, привезенные еще в 1820 г. из Парижа, и теперь издающие в pendant всей обстановке какие-то заморгильные звуки, налой из церкви на одной ножке, выкрашенный в синий цвет, да еще несколько скамеек»⁵², — отмечал владыка.

Многое из украшений форта было утрачено «благодаря» похитителям, которых епископ Николай мягко называет «любители древностей». «Входим в крытую паперть, в которой налево лестница, ведущая на колокольню, но без колоколов. Эти колокола расхитили американцы, любители древностей, — пишет владыка. — За фортом в обе стороны есть домики и русской и нынешней американской постройки. Их арендуют теперь некоторые американцы. Говорят, что

⁵⁰Там же. С. 343.

⁵¹Там же. С. 343–344.

⁵²Там же. С. 343.

их было больше, но что один американец, любитель древностей, забрал эти домики к себе, в г. Сакраменто»⁵³.

Осмотрев форт, паломники посетили также и русское кладбище; оно было расположено «на другом холме, отделяющемся от того, на котором форт, глубоким ущельем, поросшим лесом». «На кладбище мы нашли только жалкие остатки от бывших, вероятно, здесь памятников: один сруб из дубовых пластин с крестом и виноградной лозой, уже полуусохшей возле него, деревянную колонну, но без признаков какой-либо надписи, несколько надгробных камней и деревянных пластин, — но более всего маленьких холмов в виде довольно правильных 4-х угольников с одичавшими на них цветами, — вспоминал владыка Николай. — Здесь, перед деревянным крестом, мы и отслужили панихиду по почившим братьям нашим. Служил о. Севастиан, а я с псаломщиком Гречаевским пел. <...> О. Севастиан от волнения с трудом выговаривал некоторые прошения ектений. <...> Мы вторили ему своим пением. «Житейское море» в виду шумящего океана вышло у нас особенно умилительно»⁵⁴.

Вот еще несколько строк, посвященных тем жителям форта, которые нашли близ него свое упокоение. «Сколько здесь почивших, одному Богу ведомо, — продолжает владыка Николай, — но я думаю — немало, ибо и холмиков надгробных заметно немало, да и людей здесь жило в течение 29 лет (с 1812 по 1841 г.) тоже не одна тысяча; значит, было кого и хоронить. <...> Могилы об этом молчат, храня в тайне не только лежащих в них, но и их былое...»⁵⁵.

В наше время удалось установить имена четырех жителей форта Росс, умерших там и похороненных на местном кладбище. Они были обнаружены в «Ведомости метрической» (1832 г.) — в записях имен детей, получивших святое Миропомазание, так как в ведомости указывали также имена родителей. В трех случаях было сказано, например: «Евдокия, дочь покойного архангельского крестьянина Ивана Антипина». Таким образом, были выяснены имена трех человек, умерших в форте Росс. Имя четвертого было найдено в ведомости крещения детей алеутов и индейцев. В списке восприемников была указана жена умершего енисейского мещанина Алексея Коренева. Итак, четыре жителя форта Росс, похороненные на его кладбище: тобольский крестьянин Василий Ва-

⁵³Там же.

⁵⁴Там же. С. 344.

⁵⁵Там же.

сильев, архангельский крестьянин Иван Антипин, алеут Михаил Расторгуев и енисейский мещанин Алексей Коренев⁵⁶.

В записках епископа Николая упоминается о «русских древностях», хранившихся в местной бакалейной лавке. Это и две казацких шашки, и старый большой замок от церкви с огромным ключом, и «сибирская монета» 1777 г., и лампочка-ночник и т. п.⁵⁷

«Сибирская монета» была редкостью в форте Росс и в годы его деятельности (1812–1841). В «Докладе Комитета об устройстве русских американских колоний» (1863 г.) отмечалось: «Главное Правление компании, по невозможности доставления в Американские колонии русской ходячей монеты, ввело в них с 1816 г. в обращение изготовляемые ею — из пергамента — марки в 25, 10, 5 и 1 рубль и 50, 25 и 10 коп. ассигнациями. Хотя на первоначальное введение этой монеты в колониях и не последовало особого со стороны правительства разрешения, но впоследствии право выпускать означенные марки признано за компанией высочайше утвержденным 20 февраля 1826 г. положением Комитета министров»⁵⁸.

Но самое интересное в сообщении русского епископа относится к миссионерской деятельности, которую в форте Росс вели некогда православные священники. Разговорившись с одним американцем, жившим здесь уже несколько лет, владыка Николай узнал о том, что в 6 милях от форта живет престарелая индеанка по имени Лукерья, которая говорит по-русски, и что в округе есть еще несколько индейцев, которые говорят по-русски. «Это известие точно ущемило меня за сердце, — пишет епископ, — и я стал просить его дать знать этой «Лукерье» о нашем здесь пребывании, дабы она могла придти к нам и побеседовать с нами; но, к сожалению, он отказался исполнить эту просьбу, сказав, что ему некого туда послать, а сам он не может отлучиться». «Очень, очень было при-

⁵⁶ Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 65.

⁵⁷ Николай (Зиоров), еп. Поездки в форт Росс. С. 344–345.

⁵⁸ Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Т. I. СПб., 1863. С. 23. (В связи со сказанным вдвойне загадочным кажется сообщение, относящееся к нашей теме. В 1989 г. один болгарский нумизмат упоминал о том, что в его коллекции более 20 лет хранится сибирская монета достоинством 5 копеек выпуска 1779 г. На ее оборотной стороне четко выделяется надпись латинскими буквами: «Fort Ross». «Несмотря на все усилия, я до сих пор не смог выяснить, где и как появилась эта монета, — пишет болгарин Емил Ешая. — Говорил со многими советскими нумизматами, но никто ничего определенного сказать не мог...». См.: Правда. 15 мая 1989 г. № 134. С. 4).

скорбно нам не видеть этих еще живых памятников русского владычества!»⁵⁹ — так заканчивает владыка Николай свое повествование.

Шли годы; к началу XX в. здания форта пришли в упадок, стены во многих местах подгнили и упали, развалились угловые башни. К этому времени фортом заинтересовался Калифорнийский комитет по охране исторических памятников, который в 1903 г. приобрел участок форта и передал права на него штату Калифорния⁶⁰.

В 1905 г. форт Росс посетил епископ Тихон (Белавин), глава Алеутской и Северо-Американской епархии (впоследствии патриарх Московский и всея Руси). Ко времени его посещения в форте Росс произошли кое-какие изменения. А главное, на что он обратил внимание, было то обстоятельство, что с переходом форта Росс во владение штата Калифорния часовня форта приняла более благопристойный вид. Сопровождавший епископа Тихона священник Федор Пашковский (впоследствии — владыка Феофил, митрополит Америки и Канады) подробно описал состояние зданий форта. «Мерзости запустения», как писал раньше епископ Николай, уже не было. По словам священника Федора, «сравнительная чистота и порядок нас приятно поразили». Он также отметил, что «на куполе часовни уже не сохранилось поперечной перекладины креста, но на колокольне такой еще стоит»⁶¹.

Как епископ Николай в 1897 г., так и епископ Тихон в 1905 г. совершил на кладбище форта Росс молитвенное поминовение людей, способствовавших его основанию. Владыка Тихон помянул раба Божия Александра (Баранова) и всех «зде лежащих православных христиан». Епископ Николай за 8 лет до него также отслужил панихиду на кладбище «по почившим братьям нашим»⁶².

В 1906 г., во время сильного землетрясения в Сан-Франциско, от сильных подземных толчков повалились и стены часовни форта Росс; крыша ее с куполом осела на землю. Прошло еще несколько лет. Форт оставался в полном запустении, и только в 1916 г. было решено приступить к реставрации часовни форта. Реставрация была закончена в 1917 г., и часовня снова приобрела тот вид, какой имела во времена, когда форт принадлежал русским.

В 1929 г. один из русских исследователей побывал там, где некогда стоял форт Росс. Он пишет: «Добрался до Русской реки. Вниз по течению до Великого

⁵⁹ *Николай (Зиоров), еп.* Поездки в форт Росс. С. 345.

⁶⁰ *Петров В.П.* Русские в истории Америки. С. 53–54.

⁶¹ Там же. С. 54.

⁶² Там же.

океана <...> 12 миль от реки <...> на крутой скале вырисовывался крест. <...> Помимо хорошо сохранившейся церковки, пара развалившихся избушек. <...> Двери церковки на висячем замке; прибитая дощечка говорит о приобретении форта от фермера в 1927 г. Историческим обществом»⁶³.

В 1950-е годы были проведены очередные реставрационные работы, как в часовне, так и в доме управителя. Были полностью восстановлены стены и башни форта. В 1945 г. был найден один из трех церковных колоколов, находившихся в часовне во времена правления русских. Заслуга в отыскании колокола принадлежит В.П. Петрову, автору книги «Русские в истории Америки» (М., 1991), а также целому ряду сочинений на эту тему.

По словам Виктора Петрова, с начала XX столетия ходили слухи, что один из колоколов из часовни форта Росс, увезенный оттуда после продажи форта, появился где-то на барахолке в Сан-Франциско. Потом стали распространяться слухи, что колокол в 1866 г. был приобретен пожарной командой соседнего городка Петалума, где он долгое время прозаически провозглашал жителям города пожарную тревогу. К тому времени, когда руководители Русско-Американского исторического Общества в 1945 г. напали на след колокола, он уже был «уволен в отставку» и помещен в какое-то складское помещение. Тогдашний председатель Общества М.Д. Седых вместе с В.П. Петровым обнаружили, наконец, пыльный колокол в темном складе среди прочих ненужных вещей, накопленных там за многие десятки лет городком Петалума. С разрешения местного общества «Сыновей золотого Запада» колокол был перевезен в Сан-Франциско и затем передан администрации штатной организации «Сыновей золотого Запада» с условием, что он будет возвращен в часовню форта Росс.

Осенью 1945 г. в торжественной обстановке, в присутствии властей штата Калифорния и русского православного духовенства, а также председателя Русско-Американского исторического общества М.Д. Седых колокол был официально передан администрации форта Росс⁶⁴. На колоколе были изображения Иисуса Христа и Богородицы. Богородица держала свиток, на котором отчетливо читалась надпись на старославянском: «Царю Небесный, приими всякого человека славящего». В нижней части колокола по ободу было написано: «Отлито в С.-Петербурге на заводе мастера первой гильдии купца Михаила Макарова Стуколкина»⁶⁵.

⁶³Цит. по: *Марков С.Н.* Летопись Аляски. М., 1948. С. 149.

⁶⁴*Петров В.П.* Русские в истории Америки. С. 30–31. См. также с. 54–55.

⁶⁵Там же. С. 55.

В ночь с 4 на 5 октября 1970 г. пожар уничтожил уникальное сооружение — часовню Св. Троицы, построенную русскими поселенцами в крепости Росс около 1825 г. Пожар нанес Россу огромный ущерб — погибла не только часовня, но и старый русский колокол. Он не остался только небольшие куски расплавленного металла — печальная судьба реликвии, чудом сохранившейся, чтобы в наше время погибнуть от рук поджигателей.

Это бедствие сплотило американцев, интересующихся историей культуры, в частности, — американцев русского происхождения, в стремлении восстановить часовню в ее первоначальном виде, а также отлить новый колокол, в точности повторяющий погибший. Был объявлен широкий сбор средств на восстановление часовни форта Росс. К счастью, архитектор Ч. Купер незадолго до пожара изготовил модель часовни, что сыграло важную роль в процессе реконструкции памятника. Часовня была восстановлена по имевшемуся макету⁶⁶.

Что касается колокола, то куски расплавленного металла были собраны, и группа русских калифорнийцев, объединенных в Общество мирян в Америке, вынесла решение: отлить новый колокол, точную копию погибшего, влив в нее остатки металла, найденные на пепелище. После долгих поисков фирмы, которая могла бы отлить колокол, общество мирян остановило свой выбор на бельгийской компании в Лувене, которая и изготовила новый колокол. Он прибыл из Антверпена 20 октября 1973 г.; его отливка обошлась в 4250 долларов⁶⁷.

8 июня 1974 г. состоялось торжественное открытие обновленного форта Росс. Этот день превратился в настоящий русский праздник; сюда прибыли по меньшей мере три тысячи человек, в большинстве своем — русские жители Калифорнии⁶⁸.

Тысячи русских паломников теперь посещают форт — памятник русской миссионерской деятельности и русской культуры. Это паломничество началось в 1925 г., когда 4 июля в форт Росс прибыло духовенство Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско с хором и несколькими десятками богомольцев для первого богослужения в небольшой старинной часовне форта, после перерыва почти в 85 лет. С тех пор паломники обычно приезжают в форт Росс в день 4 июля.

⁶⁶ Федорова С.Г. Русская Америка и Тотыма в судьбе Ивана Кускова // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 249.

⁶⁷ Петров В.П. Русские в истории Америки. С. 57.

⁶⁸ Там же. С. 57–58.

Несколько позже установилась также традиция посещать форт Росс с духовенством Скорбященского собора в День поминовения, 30 мая⁶⁹.

В ходе исследования были обнаружены такие важные документы, как детальная карта форта Росс, составленная в 1817 г. и найденная в ленинградском архиве в 1976 г., и рапорт о посещении поселения в 1833 г. мексиканским генералом, хранившийся в библиотеке Калифорнийского университета в Беркли.

В середине 1980-х гг. было начато восстановление в первоначальном виде всех строений, находящихся в стенах крепости. К тому времени шесть строений, в том числе помещения, где жили служащие форта, и дом коменданта Кускова, были открыты для публики. Дом коменданта (правителя) — прямоугольное здание под остроконечной крышей — служил одно время гостиницей. Теперь в нем музей. Бревенчатые стены, подпорки, потолок, большая часть пола и внутренних стен сохранили свой первоначальный вид. В середине здания находится камин с топкой, выходящей в две смежные комнаты. Все говорит о том, что прежде дом был хорошо меблирован. В шести комнатах нижнего этажа выставлен весь инвентарь и все те немногие предметы обстановки, которые были оставлены колонистами при отъезде, а также обнаружены позднее.

Поскольку администрация штата предусматривала по возможности наиболее полную реставрацию поселения, все работы заняли около 25 лет.

В конце 1980-х гг. форт Росс стали посещать и посланцы из России. Один из них, корреспондент центральной газеты, побывал здесь в 1989 г. Вот отрывок из его заметки под названием: «Там русский дух...»: «За потемневшими от времени воротами поселка форт Росс посетителей встречает уже немолодой светловолосый, голубоглазый человек в большом картузе, черных сапогах и одежде, чем-то похожей на старинный кафтан. Неужели потомок тех самых первых поселенцев? Увы, Джей Херрис с улыбкой разрушает журналистскую надежду на маленькую сенсацию: он ирландец, родившийся в Калифорнии. А одежду, похожую на русскую, носит, чтобы привлечь посетителей. Джей по профессии историк, член группы добровольцев, которые не только поддерживают в порядке форт Росс, но и занимаются археологическими раскопками. Почти все постройки восстановлены ими после пожара по чертежам и рисункам. Джей Херрис искренне рад нечастым посетителям из Советского Союза, с гордостью показывает дом правителя, склады, мастерские, в которых сохранены обстановка и предметы прошлого века»⁷⁰.

⁶⁹Там же. С. 56.

⁷⁰Лопухин А. Там русский дух... // Правда. № 16. 16 января 1989 г. С. 4.

Сегодня форт Росс — национальный парк и памятник штата Калифорния, свидетельствующий о тесных русско-американских связях. Десятки тысяч туристов и историков стекаются сюда в летнее время, ибо Форт Росс — это одна из интереснейших страниц истории Калифорнии. Не только экспонаты, выставленные в уцелевших зданиях, но и самую атмосферу старой крепости едва ли можно сравнивать с чем-либо подобным в Соединенных Штатах.

О значении этого исторического памятника хорошо сказал профессор В.П. Петров, автор книги «Форт Росс и его культурное наследие»: «Смотришь на колокол, висящий на перекладине, на которую положен громадный букет полевых васильков, смотришь на возрожденную из пепелища часовню, на дом правителя, и вдруг чувствуешь свое кровное родство с людьми, поставившими этот памятник русской культуры и русской славы на американской земле»⁷¹.

Источники и литература

1. Блок Т. Краткое географическое и статистическое описание Калифорнии. СПб., 1850.
2. Гаркисон Д.А. Форт Росс — русское поселение в Америке // Америка. 1967. Май. № 132.
3. Головин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965.
4. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Т. I. СПб., 1863.
5. Завалишин Д.И. Калифорния в 1824 г // Русский вестник. 1865. № 60.
6. Завалишин Д.И. Дело о колонии Росс // Русский вестник. 1866. № 62.
7. Завалишин Д.И. Дело о колонии Росс. М., 1866.
8. Коцебу О.Е. Путешествие к Южному океану и в Берингов пролив, предпринятое в 1815–1818 гг. на корабле «Рюрике». СПб., 1821. Ч. II.
9. Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1959.
10. Лопухин А. Там русский дух... // Правда. 16 января 1989. № 16.
11. Лукин Б.В. Неопубликованная статья «летописца Русской Америки» К.Т. Хлебникова (По поводу одного письма А.С. Пушкину) // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.

⁷¹Петров В.П. Форт Росс и его культурное наследие. Лос-Анджелес, 1977. С. 37–38.

12. Марков С. Н. *Летопись Аляски*. М., 1948.
13. Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана. Вып. 3. СПб., 1861.
14. Матюшкин Ф. Ф. *Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» // Шур Л. А. К берегам Нового Света*. М., 1971.
15. Николай (Зиоров), еп. *Поездки в форт Росс // Американский православный вестник*. 1897. № 17.
16. Петров В. П. *Форт Росс и его культурное наследие*. Лос-Анджелес, 1977.
17. Петров В. П. *Русские в истории Америки*. М., 1991.
18. Политовский Н. *Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской компании*. СПб., 1861.
19. Потехин В. *Селение Росс // Журнал мануфактур и торговли*. Т. 8. 1859. Отд. 5.
20. Федорова С. Г. *Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. — 1867 г.)*. М., 1971.
21. Федорова С. Г. *Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова // Проблемы истории и этнографии Америки*. М., 1979.
22. Хлебников К. Т. *Жизнеописание А. А. Баранова, главного правителя российских колоний в Америке*. СПб., 1883.
23. Хлебников К. Т. *Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова*. Л., 1979.
24. Хлебников К. Т. *Русская Америка в «Записках» К. Хлебникова*. М., 1985.
25. Черницын Н. А. *Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков // Летопись севера*. 1962. № 3.
26. Шур Л. А. *К берегам Нового света*. М., 1971.

Иеромонах Агафангел (Суслов)

ВОЗМУЩЕНИЕ БРАТИИ ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье автор анализирует внутримонастырские дисциплинарные отношения на Валааме. Рассматриваются причины и особенности возмущения братии данной обители в сороковые годы XIX в., последовательно раскрываются этапы смуты и результат расследования священноначалием этого дела. Выявляются канонические, догматические и нравственные причины смещения игумена Валаамского монастыря Вениамина (Мануилова) с должности настоятеля. Статья написана на основании материалов из архивных фондов Санкт-Петербурга и Ново-Валаамского монастыря в Финляндии.

Ключевые слова: Валаамский монастырь, игумен Вениамин (Мануилов), возмущение монастырской братии, смещение настоятеля, дисциплинарные проблемы в монастыре, синодальный период, святитель Игнатий (Брянчанинов), игумен Дамаскин (Кононов).

Валаамский монастырь, знаменитый русский Северный Афон, имеющий свою богатую историю¹ и особое значение² для Русской Православной Церкви, содержит в себе некоторую затемненную и печальную страницу — дисциплинарные конфликты и возмущение монастырской братии в сороковые годы XIX в. Пик этого процесса приходится на время правления игумена Вениамина (Мануилова)³. Именно с возмущением монашествующей братии связано отстранение этого игумена от должности настоятеля. В существующей церковно-исторической литературе эти события рассмотрены только косвенно и неполно.

Иеромонах Агафангел (Суслов) — соискатель степени кандидата богословия при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете на кафедре истории Русской Православной Церкви (agafangel01@ya.ru).

¹История Валаамского монастыря богата не только историческими фактами и событиями, но также различными мистификациями, вроде подделок Сулакадзева, а потому и колебаниями историков в отношении даты основания обители. См.: *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 3–6; *Онуфрий (Маханов), иеродиак.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 5–6.

²Валаам значим для Русской Православной Церкви как по особо уединенному, островному своему положению, так и по сугубо аскетической жизни Валаамских монахов. Валаамское слово о Валаамском монастыре. Исторический очерк. СПб., 1991. С. 3–11.

³Игумен Вениамин (Мануилов Владимир) на Валааме занимал должность настоятеля с 1833 по 1838 гг. ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина. Л. 1–3об.

Причиной малой освещенности данного вопроса в императорской России являлось, видимо, нежелание церковных историков обличать и озвучивать недавние негативные факты монастырской жизни, происходившие вблизи от северной столицы империи. В советские годы историки по известным, идеологическим причинам практически совсем не исследовали церковные вопросы. В настоящее время имеются в наличии необходимые источники для беспристрастного освещения данной проблемы⁴. Разумеется, изучаемые события имеют положительный интерес: уточнение фактов, что позволит выявить истинные причины нестроений в монастыре, снять обвинения с некоторых лиц, и оценить роль этого прецедента (смуты) для последующего развития Валаамского монастыря. Кроме того, работа позволяет обозначить малоисследованную деятельность архимандрита Игнатия (Брянчанинова), как благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии, а также понять его последующие распоряжения и действия, касающиеся Валаамского монастыря.

Одной из причин возмущения братии, произошедшего в сороковых годах XIX в., было желание восстановить на Валааме древние иноческие уставы Саровской пустыни. Попытка, на первый взгляд, похвальная и положительная, однако на практике, как оказалось, неудачная и даже предосудительная. Древний, строгий устав обители возвращен не был, а братия нарушила иноческие обеты послушания и на долгое время лишила монастырь мирного устройства и молитвенного, спокойного состояния. При дальнейшем рассмотрении, однако, становится еще более очевидно, что факты и события, сопутствующие возмущению, в той или иной степени, обусловили последующее развитие и процветание обители, наступившее во второй половине XIX в.⁵

Таким образом, как смута, так и умиротворение братии имеют большое значение для оценки духовного состояния Валаамского монастыря в первой половине XIX в., а также для понимания его последующего возрастания. Особое влияние эта смута и проблемы, связанные с ней, оказали на развитие духовной близости между архимандритом Игнатием (Брянчаниновым) и будущим

⁴Доступны монастырские архивные материалы, находящиеся в Финляндии на Новом Валааме.

⁵В результате смуты на Валааме был назначен новый игумен Дамаскин (Кононов), а период правления этого настоятеля, стоявшего во главе обители с 1839 по 1881 гг., как правило, называют временем особого процветания Валаама. *Немирович-Данченко В.И.* Крестьянское царство. Наши монастыри. Валаам. СПб., 2009. С. 427–436; *Лесков Н.С.* Монашеские острова на Ладожском озере. СПб., 1874; *Духоносный пастырь Валаама. Жизнеописание и поучения игумена Дамаскина Валаамского.* М.: 2001; *Валаамский избранник.* М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2007.

настоятелем Валаамского монастыря игуменом Дамаскиным (Кононовым) в последующий период. Источниковой базой для исследования смуты и причин ее возникновения являются документы синодальных дел из фондов 796 и 797 в РГИА⁶, описания Валаамского монастыря, составленные архимандритом Игнатием (Брянчаниновым)⁷, а также сведения, изложенные во взаимной переписке благочинного архимандрита Игнатия и игумена Дамаскина⁸.

Следует несколько слов сказать об историческом контексте, т.е. о ситуации в Валаамском монастыре в конце XVIII и начале XIX вв. Для Валаама это был период возрождения обители после бедствий, связанных с нападением шведов на северные российские границы⁹. Возобновление монастыря на острове связано, прежде всего, с именами митрополита Гавриила (Петрова)¹⁰ и игумена Назария (Кондратьева)¹¹. Последний, с благословения священноначалия, принес на Валаам в 1782 г. строгий общежительный устав Саровской пустыни¹².

⁶ В статье использовалась информация из следующих дел: «Протокол от Санкт-Петербургской Духовной консистории по делу, начавшемуся в ней по изветам заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии, о появившейся якобы в Валаамском монастыре масонской ереси». РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г.; «По рапорту С. Петербургского митрополита Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря Вениамином». РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г.; О противозаконных поступках игумена Вениамина. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г.; По доношению игумена Варлаама о беспорядках в Валаамском монастыре и о подсудимых: монахе Порфирии, иеромонахе Аполлосе, архимандрите Платоне, игумене Платоне. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18170. 1837–1841 г.

⁷ *Игнатий Брянчанинов, свт.* Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. III. М., 2002. С. 394–413.

⁸ Письма игумена Дамаскина к разным лицам. Приложение // Валаамский избранник. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2007.

⁹ *Коняев Н.* Апостольский колокол. Повествование о Валаамском монастыре, его древностях и святынях. СПб., 2003. С. 14.

¹⁰ Гавриил (Петров) на Санкт-Петербургской кафедре с 1770 по 1799 гг. (1770–1775 гг. архиепископ С. Петербургский, 1775–1783 гг. архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1783 г. митрополит). Именно он направил духовно опытного Саровского подвижника возрождать духовную жизнь на Валааме со испытанному уставу Саровской пустыни. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004. С. 116–119.

¹¹ Назарий (Николай Кондратьев) род. в 1733 г. в селе Аносова, Кадомского уезда, Воронежской губернии в семье причетника. В 1752 г. поступил в Саровскую пустынь. 20 декабря 1761 г. пострижен в монашество. 22 октября 1762 г. рукоположен во иеродиакона. 4 декабря 1776 г. рукоположен во иеромонаха. 7 марта 1782 г. назначен настоятелем Валаамского монастыря. В 1801 г. освобожден от должности настоятеля и уволен на покой. 14 апреля 1804 г. возвращен в Саровскую пустынь. Скончался 23 февраля 1809 г. *Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский подвижник Саровской пустыни. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегородской епархии, 2009.

¹² *Чистович И.А.* История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии. СПб., 1856. С. 96.

В последующие годы игумены монастыря сменялись¹³, и отношение к данному уставу становилось неоднозначным. Новые поправки и изменения в монастырском уставе, которые составлялись с благой целью «исправить замеченные недостатки», критиковала и отвергала Валаамская братия. Недовольство монахов выражалось во взаимных подозрениях, жалобах и доносах, что вызывало соответствующую реакцию священноначалия: «с 1817 года ездит на Валаам синодство»¹⁴ со следствиями и проверками монастыря. Сложные отношения между братией и новыми настоятелями подчас только усугублялись данной ранее императорской властью привилегией — избирать игумена из среды своей монастырской братии¹⁵. Очевидно, что бывший рядовой инок не всегда охотно и адекватно воспринимался всем братством в качестве абсолютного начальника над остальными.

Определенные сведения об истоках смуты в среде валаамских иноков дают розыск священноначалием и светской властью в обители сомнительных, без должных документов, лиц. Это расследование проводилось за 10 лет до возникновения смуты и отчасти характеризует людей, находившихся в монастыре. В числе «сомнительных личностей» оказались не только наемные рабочие, трудники и послушники, но также монахи и иеродиакон Валаамского монастыря¹⁶, часть из которых оказалась несостоятельными должниками (укрывались от платежа долга), остальные скрывались в монастыре от череды рекрутской повинности. Большинство выявленных сомнительных лиц было тогда же удалено из обители или предано суду светской власти¹⁷. Особо тщательное расследование проводилось о лицах, принявших постриг и рукоположенных в священный сан¹⁸.

¹³В период с 1801 по 1839 гг. на Валааме сменились игумены: Иннокентий (1801–1823), Ионафан (1823–1830), Варлаам (1830–1833), Вениамин (1833–1839). См.: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2011. С. 65–74.

¹⁴*Игнатий Брянчанинов, свт. Описание... С. 409.*

¹⁵Указ Святейшего Синода «О назначении настоятеля Валаамского монастыря из числа братии обители». ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 343. 1813 г. Л. 1–16об. На это Высочайшее дарование ссылается в своем письме заштатный игумен Варлаам (датированном 9 февраля 1835 г.) РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. О противозаконных поступках игумена Вениамина. Л. 1–8об.

¹⁶Расследование «По высочайшему повелению о проживающих в Валаамском монастыре сомнительных людях». РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 11639. 1828–1833 г. Л. 6, 10об., 29, 35, 56.

¹⁷В числе беспаспортных лиц (среди рабочих) проживающих в Валаамском монастыре оказались 32 крестьянина Кегскольмского уезда, которые были возвращены в свои деревни. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 11639. 1828–1833 г. Л. 35.

¹⁸Среди них оказались иеродиакон Павел, Афанасий, Израиль, монахи Сергей и Палладий, которые были вытребованы комиссаром в Выборг, а после получения у них показаний возвращены

Люди, оказавшиеся в монастыре по *лукавым* причинам, без искренних монашеских стремлений, были инородными иноческому братству. Зачастую, они способствовали возникновению напряженных отношений между игуменом и братией обители, которые, таким образом, составляли удобную почву для возникающих конфликтов.

Еще одной опасной группой на Валааме были иноки–ревнители сугубого благочестия. Большинство из них не имели ни духовного, ни светского образования¹⁹. Обрядам и букве монастырского устава ревнители традиций придавали значение догмата. Любые изменения в уставе обители, в богослужении, в назначении послушаний, в распорядке келейной жизни они воспринимали как отступление от основ православного монашества, как апостасию. Считая себя обязанными защищать истины веры, они сообщали священноначалию и светским руководящим лицам (правлящему архиерею, Духовной консистории, обер-прокурору) о происходящих изменениях в обители. Различные проступки братии они представляли как повод сомневаться в православии настоятеля, кричали о порочной жизни игумена, наместника и другого монастырского начальства²⁰. Эта группа «защитников древнего благочестия» была опасна своей чрезвычайной активностью, безапелляционностью и несомненным сознанием своей правоты. Естественно заметить, что возмущение и сомнения, рассеиваемые этими лицами, быстро распространялись в среде остальной братии, а также достигали ушей трудников и паломников обители, заставляя и их колебаться в доверии к монастырскому начальству.

Третьей, не менее агрессивной и опасной группой лиц на Валааме были ссыльные арестанты, т.е. лица, находившиеся под епитимьей (подначальные). Валаамский монастырь в XIX веке стал использоваться не только как место уединенной, созерцательной молитвы и сугубой аскезы, но в качестве места

в монастырь. По ходатайству митр. Санкт-Петербургского и Новгородского Серафима Высочайшим повелением дела этих лиц изъяты из ведения Выборгского суда, причем иеродиаконам Израиллю и Афанасию не запрещено рукоположение в сан священства. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 11639. 1828–1833 г.

¹⁹ «Из 115 человек братии лишь 16 грамотны, но и то могут только почитать и подписывать» (8 из них из духовного звания без семинарии, 4 из дворян, 4 из купцов). *Игнатий Брянчанинов, свт.* Описание... С. 402.

²⁰ Соответственно возникающим подозрениям к игумену в «порче Православия» и «порочной жизни» наместника монастыря возросло число возмущений и доносов в среде братства в это время. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г. По рапорту Санкт-Петербургского митрополита Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря игуменом Вениамином. Л. 1–10б.

ссылки и вынужденного здесь заключения. Сюда для принудительного исправления направляли лиц, лишенных сана, совершивших канонические или другие (не уголовные) преступления против Церкви или общества. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов), будучи благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии, описывал опасное влияние этих ссыльных лиц на Валаамскую братию²¹. Спустя некоторое время он однозначно потребует вывода подначальных с Валаама как необходимую меру для нормализации духовных и административных отношений в монастыре²². Игумен Дамаскин (Кононов) впоследствии также большую часть времени своего настоятельства проведет в борьбе с практикой использования Валаамского монастыря как места заключения и ссылки епитимийцев²³.

При такой обстановке в монастыре назначение нового настоятеля, игумена Вениамина (Мануилова)²⁴, было по-разному воспринято валаамскими иноками. Одни увидели в этом явное нарушение Высочайше данного им Саровского устава, который предписывал избрание игумена из среды своего братства. Другие отнеслись к назначению с пониманием. Возникшие несогласия в среде монашествующей братии остальных иноков подвигли на размышления — какой стороны должно держаться.

²¹ «Они [подначальные] сами приходят в отчаяние, подают резкий пример безнравственности братиям, соблазняют их беседами злыми, послабляют их в благочестивых подвигах». *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание... С. 400.

²² Там же. С. 395–419.

²³ Еще в 1864 г. игумен Дамаскин пишет к митр. Исидору (Никольскому): «Наболелась душа с епитимийцами. <...> Одно может ее [обитель] успокоить, это — дражайший указ Святейшего Синода, освобождающий ее от помещения в ней всякого рода штрафных лиц. <...> Исходатайствуйте нам этот указ, умоляем, незабвенный Владыко!» АФВМ: Еа: 35. Д. 47. 1859–1864 г. О подначальных. Л. 32об.

²⁴ Вениамин (Мануилов Владимир) из купцов, в 1802 г. поступил Кирилло-Новоозерский монастырь. 7 марта 1807 г. определен в послушники. 22 марта 1813 г. пострижен в монашество. 14 декабря 1813 г. рукоположен во иеродиакона, 3 февраля 1818 г. посвящен во иеромонаха. 9 марта 1830 г. назначен игуменом Отенского монастыря. 1 октября 1832 г. перемещен настоятелем Коневского монастыря, а также определен благочинным над Валаамским монастырем. 9 августа 1833 г. определен в первоклассный Валаамский монастырь настоятелем с оставлением в должности благочинного над Коневским и Валаамским монастырями. В феврале 1839 г. уволен от настоятельской должности и определен в костромской Ипатьевский монастырь для дальнейшего рассмотрения его дела. 4 марта 1841 г. определен настоятелем Железоборовского монастыря. 3 июня 1841 г. назначен наместником Ипатьевского монастыря. Скончался 13 мая 1845 г. на 63-м году жизни. См.: Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина. ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. Л. 1–3об.

Непосредственным поводом к постановке вопроса в Синоде о несоответствии игумена Вениамина и должности строителя Валаамского монастыря послужил донос в Духовную консисторию заштатного игумена Варлаама (Давыдова)²⁵, содержащий в себе множество обвинений. В письме о. Варлаам на восьми листах излагает все проступки и преступления правящего игумена Вениамина, а также, какие он, Варлаам, предпринимал действия и обличения к вразумлению настоятеля. Далее доноситель сообщает, что обличения его не оказали нужного воздействия на игумена Вениамина, и он по-прежнему пребывает без исправления²⁶. К факту возбуждения следственного дела также причастны доносы монаха Иосии²⁷ и иеромонаха Иезекииля²⁸. Обобщая множество свидетельств и фактов нарушения монастырской жизни священноначалием обители из этих доносов, обвинения можно сформулировать в трех параграфах:

— отклонение от содержания истин Православной веры монастырским начальством, возникновение масонской ереси в Валаамском монастыре (*игумен покрывает еретиков из братии, значит и сам еретик*)²⁹;

— различные и множественные обвинения в безнравственной и порочной жизни (блуд, воровство, гордость, оскорбления и уничижение братии и т.д.);

²⁵Варлаам (Давыдов Василий) родился в 1767 г. в Москве. Поступил в Валаамский монастырь в 1795 г. В 1796 г. определен в послушники. 22 апреля 1798 г. пострижен в монашество игуменом Назарием. 18 августа 1801 г. посвящен во иеродиакона. 8 сентября 1805 г. рукоположен во иеромонаха. 30 марта 1830 г. возведен в сан игумена митр. Серафимом с награждением набедренником и палицей. 1833 г. уволен от настоятельской должности. Скончался 26 декабря 1849 г. АФВМ: Ва: 3, № 1 за 1838 г.; Памятная кладбищенская книга, № 215; Никон (Беляев), иеромонах, Иосиф (Полевой), иеромонах. Жизнеописание почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998 г. С. 326–336. Цит. по: *Онуфрий (Маханов), иеродиак.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 654.

²⁶РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. О противозаконных поступках игумена Вениамина. Л. 1–8об.

²⁷*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание... С. 410.

²⁸Донос иеромонаха Иезекииля в 23 пунктах содержит свидетельства и показания о нарушении на Валааме монастырским начальством правил монашеской жизни. Среди различных местных обвинений присутствуют также тяжкие обвинения в преступлениях, несовместимых с равноангельской монашеской жизнью. Отдельное расследование по этому доносу было прекращено за бездоказательностью многих обвинений и смертью самого доносителя. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 24. Д. 29. 1832–1840 г. По прошению Коневского монастыря, иеромонаха Иезекииля о разных предосудительных поступках братии Валаамского монастыря. Л. 1–14об.

²⁹РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Л. 2–2об.

— канонические обвинения (игумен презирает и меняет устав Валаамского монастыря, осуществляет кардинальные изменения в богослужении, сам игумен не избран из числа братии монастыря)³⁰.

Перед лицом таких неоднократных и постоянных свидетельств священноначалие в столице необходимо должно было организовать очередное расследование и назначить комиссию для выявления изложенных в доносах нарушений в Валаамском монастыре. В следственную комиссию вошли: архимандрит Игнатий (Брянчанинов) и игумен Серафим (Козлов)³¹, которые по предложению обер-прокурора Синода Н.А. Протасова были командированы Святейшим Синодом в Валаамский монастырь 31 января 1838 г.³²

Рассмотрение обвинений вероучительного характера. В ходе следствия комиссией было установлено, что первую информацию о возникшей ереси игумен Вениамин получил 4 декабря 1836 г.³³, когда монах-пустынный Амфилохий (Брелихов)³⁴, придя к нему, объявил, что, по сообщению рясофорного монаха Иакова, монах Порфирий развивает учение противное Православной Апостольской Церкви. На другой день сам монах Иаков подтвердил игумену все, что прежде было сказано монахом Амфилохием настоятелю. Игумен Вениамин, придя к указанному монаху Порфирию, при обыске изъял у него книгу госпожи Гийон³⁵, содержащую различные мистические опыты этой женщины, а также

³⁰РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. Л. 1–8об.

³¹Серафим (Козлов Семен Федорович) родился в 1796 г. в Санкт-Петербурге. 15 апреля 1820 г. определен в послушники. 29 ноября 1824 г. пострижен в монашество игуменом Ионафаном. 11 мая 1825 г. рукоположен во иеродиакона. 2 июня 1834 г. перемещен по желанию в Сергиевскую пустынь. 28 июня 1834 г. посвящен в иеромонаха. 22 марта 1837 г. назначен строителем Черемнецкого монастыря, 28 февраля 1838 г. возведен в сан игумена. АФВМ: Ва: 3, № 25. 1833 г. (Цит. по: *Онуфрий (Маханов), иеродиак.* Указ. соч. С. 653.)

³²Там же. С. 148.

³³РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Протокол от С.-Петербургской Духовной консистории по делу, начавшемуся в ней по извещениям заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии, о появившейся якобы в Валаамском монастыре масонской ереси. Л. 1–1об.

³⁴Амфилохий (Брелихов Антон Иванович) родился в 1784 г., в 1818 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1824 г. пострижен в монашество, в 1839 г. рукоположен в иеродиакона, затем в иеромонаха. В 1847 г. утверждён в должности братского духовника, в 1851 г. во время болезни (паралич) пострижен в схиму с именем Антоний. Скончался 19 июня 1862 г. *Онуфрий (Маханов), иеродиак.* Указ. соч. С. 657.

³⁵Мадам Гийон де Шеснуа (Жанна-Мари Бувье де ла Мотт) (1648–1717 гг.), причисляется к французским мистикам. Овдовев в 1676 г., мадам Гийон погрузилась в жизнь молитвы, богопочитания и стремления к Богу. Она не вписывалась в рамки бытовавшего тогда во Франции католицизма, ее арестовали и посадили в крепость Бастилию, где она пробыла с 1698 по 1703 гг.

тетради его собственного, т.е. монаха Порфирия, сочинения, для рассмотрения их содержимого³⁶.

При последующем расследовании никто из монахов, утверждавших возникновение ереси в монастыре, не смог внятно сформулировать, в чем состояла ересь, а в тетрадях монаха Порфирия не содержалось ничего еретического, кроме обидных нападок на формально исполняющих христианские обряды и таинства, потому комиссия пришла к соответствующим выводам. Следствие не установило на Валааме фактов возникновения ереси и отступления от догматов Православной Церкви, а также искажения ее вероучительных истин. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) в своем отчете священноначалию объясняет возникшие подозрения у иноков в *неправославии* некоторых монахов на Валааме исключительно малограмотностью и общей необразованностью братии³⁷. По итогам расследования: монах Порфирий, иеромонах Аполлос и архимандрит Платон³⁸, обвиняемые в содержании неправославного учения, смогли доказать перед комиссией свое православное исповедание, а донос о возникновении «ереси» в Валаамском монастыре основывался лишь на неподтвержденных слухах и личной неприязни иноков³⁹. Другие свидетельства и подозрения в ереси также не подтвердились. В итоге следствие для прекращения и предотвращения подобных фактов «ереси» рекомендовало впредь *«не принимать на Валаам людей ученых, сомнительных относительно Православия, иеромонаха Аполлоса вывести, <...> монаха Порфирия за его упрство и безвременное учительство, ко-*

Записала свои размышления в книгах: «Метод молитвы», «Познания глубин Иисуса Христа», «Достигая совершенства», «Пояснения и размышления на книгу откровения Иоанна Богослова». URL: <http://rb.bogopoznanie.com/catalog/metod-molityvy> (дата обращения: 01.01.2014).

³⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Л. 2–2об.

³⁷«...из перечисленного можно заключить о простоте и невежестве стольких натуральных Валаамских старцев. Они ревнуют по Православию, требуют для еретиков тюрьмы, цепей. Сами возмущаются и возмущают образованных людей, к ним присылаемых, которые, видя их ревность, переходящую в жестокость и неистовство, соблазняются их православием, <...> иеромонах Аполлос соблазняется небратолюбием Валаамских старцев, их интригами, и по справедливости. Валаамские старцы тоже справедливо соблазняются его ученостью, некоторыми выражениями... Сомнение о ереси до того распространилось в ревнителях, что они почитают еретиком всякого брата, занимающегося в келии какими бы то ни было выписками...» *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание... С. 402–404.

³⁸Иеромонах Аполлос и архимандрит Платон присланы на Валаам для испытания. Братии Валаамского монастыря, не знавшей за что, это дало повод подозревать их в ереси. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18170. 1837–1841 г. Л. 4–4об.

³⁹РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Л. 178об.

им он многих соблазнил, переместить в Старо-Ладожский монастырь»⁴⁰. Также было предложено вытребовать из библиотеки Валаамского монастыря все книги иностранной печати, даже пропущенные цензурой. Братии было запрещено составлять записки собственного сочинения, выдавать Библию новоначальным, разрешая к чтению только Новый Завет и Псалтирь. Архимандрит Платон был оставлен в монастыре без изменения⁴¹.

Далее, проводя детализацию обвинений из доноса бывшего игумена Варлаама (Давыдова), обозначенных во втором пункте, т.е. **подозрениях в безнравственной жизни** игумена и наместника, следует отметить факт, что записка обер-прокурора графа Протасова под №192 от 5 января 1839 г. сообщает в Синод о недостойном поведении руководства Валаамского монастыря⁴². Из материалов дела становится видно, что первые доносы с Валаама к обер-прокурору на игумена Вениамина поступили гораздо раньше⁴³, но активное расследование по данным свидетельствам не возбуждалось ввиду их местнического характера и неупоминания в них о тяжких преступлениях последнего. Негативная с нравственной стороны характеристика происходящего на Валааме прозвучала также в рапорте митрополита Серафима (Глаголевского) от 20 сентября 1838 г. В документе, ссылаясь на подобный источник (донос монаха Иосии), сообщается, что рассматриваемое событие имело место в 1835 г. и что «общая любовница две недели жила в монастыре, которую наместник Иринарх провожал до Сердоболя, и там прожил три дня, а поступки сии наместника игумен Вениамин прикрывает»⁴⁴. В ходе разбирательств комиссии наместнику монастыря иеромонаху

⁴⁰ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. III. М., 2002. С. 404–405.

⁴¹ Там же. С. 412.

⁴² «...монах Иосия доносил епархиальному начальству о зорном поведении наместника иеромонаха Иринарха, преданного содомскому греху, и самого игумена [Вениамина], который вместе с ним имеет любовницу, приезжавшую к ним в монастырь...» РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18170. 1837–1841 г. По доношению игумена Варлаама о беспорядках в Валаамском монастыре и о подсудимых: монахе Порфирии, иеромонахе Аполлосе, архимандрите Платоне, игумене Платоне. Л. 4.

⁴³ Первый донос игумена Варлаама (Давыдова) датирован 20 февраля 1835 г. и обращен к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову, содержит в себе обвинения монастырского начальства в нарушениях Устава и традиций Валаамского монастыря. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. Л. 1–1об.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г. По рапорту Санкт-Петербургского митрополита Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря Вениамином. Л. 1–1об.

Иринарху (Савинову)⁴⁵ и казначею иеромонаху Иринарху удалось оправдаться⁴⁶ и доказать свою невиновность перед следствием, а к игумену Вениамину подобные обвинения относились еще меньше. Среди подозрений в безнравственной жизни, обращенных к игумену Вениамину в доносе Варлаама существовало также косвенное обвинение в воровстве последнего, т.е. злоупотребление им казенными монастырскими средствами и стяжание личного имущества⁴⁷. Однако, несмотря на многочисленные обвинения и подозрения в растрате (краже) монастырских денег игуменом Вениамином, а также использования им бриллиантового креста не по назначению, данные преступления следствием не подтвердились. Наоборот, в ходе расследования выявились положительные хозяйственные качества данного руководителя⁴⁸. Тем не менее, несмотря на ложность практически всех обвинений, церковная комиссия предлагала вывести из монастыря лиц, подозреваемых в вышеуказанных проступках и нарушениях⁴⁹. Эта мера, по мнению архимандрита Игнатия (Брянчанинова), была крайне необходима для водворения спокойствия в обители.

⁴⁵Иринарх (Савинов Иван), родился в 1796 г. в Ярославле, в 1825 г. поступил в Новоезерский монастырь, в 1827 г. пострижен в монашество, в 1830 г. посвящен в иеродиакона, затем в иеромонаха. В 1832 г. перемещен в Коневский мон. благочинным, в 1833 г. переведен на Валаам-наместником. В 1838 г. возвращен в Новоезерский мон. РГИА. Ф.796. Оп. 119. Д. 1082а. Л. 167–168.

⁴⁶Помимо указанных обвинений в прелюбодеянии, иером. Иринарха (наместника) и иером. Иринарха (казначей) обвиняли в содомии с мальчиками финнами, принимавшимися в монастырь на работы. Эти обвинения в ходе следствия также оказались недоказанными. *Игнатий Брянчанинов, свт.* Указ. соч. С. 410.

⁴⁷«Монастырская сума при прежних начальниках и при мне хранилась в казначейском месте неопасном, особенном чулане, <...> за железной решеткой, в маленьком сундучке, который заперт и запечатан <...> а ныне при новом начальнике, из сего чулана перенес в ризницу, для чего неизвестно... У нас на Валааме не бывало, чтобы начальники таковые соблазны позволяли по кельям свои деньги имели. Могут помаленьку в свой карман прибавлять, от сего видно присланы не созидать, а свои карманы набивать». РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. Л. 1–1 об, 3.

⁴⁸При управлении игумена Вениамина на Валааме построена великолепная каменная лестница от пристани к монастырю, устроена церковь, заготовлено 300 пудов железа для работ, монастырский капитал увеличился на 40 тыс. рублей билетами и деньгами. *Игнатий Брянчанинов, свт.* Описание... С. 409.

⁴⁹«Хотя наместник и.м. Иринарх по следствию и оправдался, но по причине нареkania в столь гнусном пороке он не может более оставаться в своей должности и в обители; казначей Иринарх обвиненный в подобных пороках, <...> должен быть лишен своей должности и выведен из монастыря». Также строго запрещается принимать мальчиков финнов в работники Валаамского монастыря. *Игнатий Брянчанинов, свт.* Описание. С. 410.

Канонические обвинения. Не менее болезненным фактом для Валаамской братии после назначения игумена Вениамина явилось его отношение к существующему Валаамскому уставу, который принесен игуменом Назарием из Саровской пустыни и был благословлен тремя митрополитами, по свидетельству игумена Варлаама⁵⁰: Гавриилом (Петровым), Амвросием (Подобедовым)⁵¹ и Серафимом (Глаголевским)⁵². Нарушение существовавшего Валаамского устава состояло уже в самом избрании Вениамина игуменом. Он был назначен священноначалием на место настоятеля Валаамского монастыря не из числа его братства, как это предписывал устав обители, утвержденный императором⁵³. Новоназначенный игумен презрительно относился к действующему уставу, позволяя себе уничижительно и оскорбительно называть своих предместников (игуменов Валаамского монастыря)⁵⁴. Братия обители не менее возмущалась от изменений в соборном богослужении, когда были отменены воскресные всенощные бдения, которые заменены вечерней, полунощницей и воскресной утреней⁵⁵. Чтение библейских песней на канонах на утрени заменено припевами. Пение канонов на повечерии: Иисусу Сладчайшему, Богородице с икосами и Ангелу Хранителю — было заменено вычиткой. На литургии пение тропарей и кондаков заменено чтением. Валаамское, знаменное пение было также изменено, как пишет игумен Варлаам, *на свой вкус*⁵⁶.

Однако, по свидетельству благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии, архимандрита Игнатия (Брянчанинова), возглавлявшего расследование, все вышеизложенные изменения в вечернем и утреннем богослужении являются допустимыми и разрешаются общепринятым церковным уставом, по усмотрению настоятеля⁵⁷. Благочинный, наоборот, как одну из причин возникшей смуты и возмущения Валаамской братии называет сам

⁵⁰РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. О противозаконных поступках игумена Вениамина. Л. 1–8об.

⁵¹Амвросий (Подобедов) на Санкт-Петербургской кафедре с 1799 по 1818 гг. (1799–1800 гг. архиепископ С. Петербургский, 1800–1801 гг. архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1801 г. — митрополит.). Православная энциклопедия. Т. 2. С. 149–150.

⁵²Серафим (Глаголевский) на Санкт-Петербургской кафедре с 1821 по 1843 гг. *Цытин В., прот.* История... С. 816.

⁵³РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. О противозаконных поступках игумена Вениамина. Л. 1–8.

⁵⁴Там же. Л. 1.

⁵⁵Там же. Л. 2.

⁵⁶Там же. Л. 2об.

⁵⁷*Игнатий Брянчанинов, свт.* Описание... С. 408.

устав, который, по его мнению, необходимо отменить или изменить, о чем свт. Игнатий пишет в своем отчете⁵⁸: «Для успокоения обители необходимо вышеупомянутый устав, сей кодекс аристократии и источник смут в Валаамском монастыре, отобрать в архив Консистории, представив руководствоваться уставом великого во святых Саввы, принятым всей Церковью...»⁵⁹.

Итак, подводя итоги назначенного священноначалием расследования по факту возникновения в Валаамском монастыре «ереси», обвинений в предосудительных поступках игумена Вениамина, наместника Иринарха и других иноков, а также в канонических нарушениях устава и искажении монастырских богослужений, расследовавшая дело комиссия установила ложность и необоснованность большинства обвинений. Данные недоразумения возникли, по мнению следствия, из-за неграмотности и необразованности валаамских монахов, а также по их личной неприязни и вражде. Тем не менее, хотя игумену Вениамину, иеромонаху Иринарху (наместнику) удалось оправдаться от возводимых обвинений, для восстановления мира в обители комиссия рекомендовала священноначалию перевести (удалить) указанных ею лиц из монастыря⁶⁰. Данная рекомендация Следствия была удовлетворена Святейшим Синодом и 17 декабря 1838 г. утверждена императором Николаем I. Донос о ереси признан недоразумением и подозрением, возбужденным несогласием в братстве⁶¹.

Таким образом, как видно из рассмотренных документов и обозначенных фактов, Валаамская смута 40-х гг. XIX в. является одним из наиболее острых, конфликтных периодов для внешней и внутренней духовной жизни в истории этой обители. Возмущение братии, несмотря на установленную ложность большинства обвинений (в т.ч. вероучительных) и невиновность игумена Вениамина,

⁵⁸ «Остается мне заключить,.. что корень всех смут на Валааме есть их устав, коим воспитывается в братстве Валаамском дух своеволия, самочиния, грубой гордости, раскола. Их настоятель есть вместе и их подчиненный, каждый ему кланяется и каждый ему указывает, будучи к сему допущен уставом... Если оный (устав) будет сохраняться в Валаамской обители, то никогда нельзя ожидать ни спокойствия, ни устройства нравственного, ни успехов в монашеском жительстве». *Игнатий (Брянчанинов), свт. Описание...* С. 418–419.

⁵⁹ Там же. С. 413.

⁶⁰ К переводению в другие монастыри были определены: игумен Вениамин, два иеромонаха Иринарха (наместник и казначей), иеромонахи Аполлос, Арсений (за подозрение в искательстве игуменского места), игумен Варлаам, монах Иосия, послушник Филипп, а также подначальные иеродиаконы Иосиф и Матфей. *Игнатий (Брянчанинов), свт. Описание...* С. 400; *Онуфрий (Маханов), иеродиак. Причал молитв уединенных.* С. 150.

⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18170. 1837–1841 г. Л. 4.

привело в итоге к кардинальным изменениям в руководстве Валаамского монастыря. Действия следственной комиссии, а особенно ее главы, архимандрита Игнатия (Брянчанинова), позволяют выявить его новые малоизвестные качества как опытного администратора и церковного руководителя, как благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии. Далее следует отметить, что именно в результате расследования смуты, возникшей из-за так называемой «масонской ереси», архимандрит Игнатий как глава следственной комиссии рекомендовал священноначалию, после перемещения игумена Вениамина⁶², поставить настоятелем Валаамского монастыря монаха Дамаскина (Кононова)⁶³, а его назначение ознаменовало новый, один из наиболее значимых периодов в истории Валаама. В качестве одного из положительных последствий разрешения смуты также следует отметить те образовательные занятия по церковной истории, катехизису, церковному чтению и пению, которые стали проводиться среди валаамских иноков с этого периода⁶⁴. Данные занятия начались по благословению архипастыря⁶⁵, но как бы в ответ на упрек архимандрита Игнатия в безграмотности и неучености валаамских монахов⁶⁶.

Не следует забывать также и тот факт, что благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрит Игнатий был назначен в период смуты братии Валаамского монастыря⁶⁷, для урегулирования которой он

⁶²Определение Синода признало, что игумен Вениамин направленный на Валаам для благоустройства на деле привел худшее состояние, потому решено отстранить его от должности и перевести в Костромскую епархию. ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. «Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина». Л. 1–3об.

⁶³Жизнеописания валаамских старцев: игумен Дамаскин. СПб., 1996. С. 2.

⁶⁴В архиве монастыря сохранились полугодовые отчеты по преуспеянию валаамских монахов в этих предметах. См.: АФВМ. Еа: 7. Д. 47. 1844 г. О порядке и сроке представления ведомостей о степени знания братством сея обители предметов православного катехизиса и священной истории. Л. 1–15об.

⁶⁵«...о учении катехизиса и священной истории. Озабочивайтесь, отец игумен, о приведении в исполнение воли архипастыря...» См.: Письмо архим. Игнатия к игумену Дамаскину от 5 марта 1845 г. // Валаамский избранник. М., 2007. С. 189.

⁶⁶Здесь следует отметить всеобщность церковных образовательных занятий, которые начались также в Коневецком и др. монастырях. В архиве сохранились отчеты об успеваемости насельников этой обители. См.: АФВМ. Еа: 9. Д.3. 1846 г.; Еа: 14. Д. 44. 1851 г. Сохранились также предписания об увеличении числа училищ при монастырях и церквях. См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 38. Д. 16. 1847 г. О назначении священников для чтения Катехизиса и проверке текстов катехизических бесед. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 42. Д. 37. 1850 г.

⁶⁷АФВМ. Еа: 1. Д. 29. 1838 г. Об определении благочинным над сим монастырем и прочими здешней епархии, Сергиевой пустыни настоятеля архимандрита Игнатия. Л. 1–7об.

был определен начальником следственной комиссии, отправленной на Валаам. Успешность действий главы следственной комиссии в урегулировании данного дисциплинарного конфликта очевидным образом подтверждает правильность этого назначения.

Источники и литература

1. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Протокол от С.-Петербургской Духовной консистории по делу, начавшемуся в ней по изветам заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии, о появившейся якобы в Валаамском монастыре масонской ереси.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г. По рапорту С.-Петербургского митрополита Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря Вениамином.
3. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18153. 1835 г. О противозаконных поступках игумена Вениамина.
4. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18170. 1837–1841 г. По доношению игумена Варлаама о беспорядках в Валаамском монастыре и о подсудимых: монахе Порфирии, иеромонахе Аполлосе, архимандрите Платоне, иеромонахе Иринархе, игумене Вениамине, бывшем настоятеле монастыря Варлааме, монахе Иосии, бывшем казначее Иринархе, иеромонахе Арсении и послушнике Филиппе.
5. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 11639. 1828–1833 г. По высочайшему повелению о проживающих в Валаамском монастыре сомнительных людях.
6. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 15. Д. 343. 1813 г. Указ Святейшего Синода «О назначении настоятеля Валаамского монастыря из числа братии обители».
7. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 24. Д. 29. 1832–1840 г. По прошению Коневского монастыря, иеромонаха Иезекииля о разных предосудительных поступках братии Валаамского монастыря.
8. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 38. Д. 16. 1847 г. О назначении священников для чтения Катехизиса и проверке текстов катехизических бесед.
9. ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина.

10. Архив Валаамского монастыря в Финляндии (АФВМ). Еа: 7. Д. 47. 1844 г. О порядке и сроке представления ведомостей о степени знания братством сея обители предметов православного катехизиса и священной истории.
11. АФВМ. Еа: 1. Д. 29. 1838 г. Об определении благочинным над сим монастырем и прочими здешней епархии, Сергиевой пустыни Настоятеля Архимандрита Игнатия.
12. АФВМ. Еа: 35. Д. 47. 1859–1864 г. О подначальных.
13. *Богданов А.И., Зеленина Я.Э.* Гавриил (Петров), митр. // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 224–227.
14. Валаамский избранник. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2007.
15. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2011.
16. Валаамский патерик. Игумен Дамаскин. СПб., 1996.
17. Валаамское слово о Валаамском монастыре. Исторический очерк. СПб., 1991.
18. Жизнеописания валаамских старцев: игумен Дамаскин. СПб., 1996.
19. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем // Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Т. III. М., 2002.
20. *Коняев Н.* Апостольский колокол. Повествование о Валаамском монастыре, его древностях и святынях. СПб., 2003.
21. *Лесков Н.С.* Монашеские острова на Ладожском озере. СПб., 1874.
22. *Немирович-Данченко В.И.* Крестьянское царство. Наши монастыри. Валаам. СПб., 2009.
23. *Онуфрий (Маханов), иеродиак.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005.
24. *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб. 1996.
25. *Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский подвижник Саровской пустыни. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегородской епархии, 2009.
26. *Цытин В. прот., Зеленина Я.Э.* Амвросий (Подобедов), митр. // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 149–150.

27. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004.
28. *Чистович И.А.* История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии. СПб., 1856.

Н.Д. Голубятникова

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ БРАТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

На территории Лавры до революции располагалось около двадцати библиотек: старейшая из них — монастырская братская библиотека, кроме нее существовали собрания книг ризницы и хора, киновины, а также читальни; Митрополичья библиотека; фундаментальные, ученические (или студенческие), храмовые библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, Санкт-Петербургской духовной семинарии, духовных училищ — Александро-Невского Антониевского и Исидоровского епархиального женского, одноклассных церковных школ при Духовной семинарии и Исидоровском училище, двухклассной Александро-Невской певческой церковной школы при Митрополичьем хоре, а также уличная библиотечка «в шкапиках и рамах» (Шлиссельбургский пр., 1). В статье предпринята попытка реконструировать различные этапы развития монастырской братской библиотеки.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, духовное просвещение, церковные библиотеки, Александро-Невская Лавра, Новая Ризница, ученое монашество, читальня, Александро-Невское братство, новомученики российские, профиль комплектования, электронный каталог, электронная библиотека, музей церковной книги, Феодосий Яновский, Стефан Калиновский, Софроний Иркутский, Никанор (Клементьевский), Геннадий (Никифоров), Макарий (Воскресенский), Федор Морозов, Иоасаф (Журманов), Сергей (Бирюков), Нектарий (Трезвинский), Иннокентий (Тихонов).

История братской библиотеки Александро-Невской Лавры тесно связана с просветительскими начинаниями священноначалия, в первую очередь — ее архимандрита Феодосия Яновского, будущего архиепископа Новгородского. Собрание книг во вновь созданной обители было предпринято в связи с началом богослужения в 1713 г., книгопечатания в 1719 г., обучения юношества в Славенской школе в 1721 г. Таким образом, она является одной из старейших в митрополии, ей триста лет.

Библиотека при Александро-Невском монастыре отмечена у книговеда А.И. Богданова в сочинении «Описание Санкт-Петербурга». Она «употреблялась как для общего братства и проповеди Слова Божия, так и для семинарии, в которой обучаются священного чина дети Санкт-Петербургской епархии».

В первые годы существования библиотека располагалась в одном из деревянных строений по соседству со школой и типографией, вблизи въезда в мо-

Неонилла Дмитриевна Голубятникова — книгохранитель библиотеки Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры (lavrika2013@mail.ru).

настырь со стороны Невской перспективы, на северной стороне Черной реки (вероятно, на месте Тихвинского кладбища, или «Некрополя мастеров искусств»)¹, позднее при ней хранились и тиражи напечатанных в типографии книг².

Анализируя материалы, касающиеся школы и типографии, можно предположить, что первоначальный книжный фонд, состоявший из двух сотен томов, включал Священное Писание и его толкования, нравоучительную литературу — сборники поучений и жития святых для проповеди за богослужением в Благовещенской церкви; учебные пособия — грамматику славенороссийскую архиепископа Мелетия Смотрицкого, лексикон трехязычный Федора Поликарпова, лексикон славенский, грамматику греко-латинскую и элементарии³, катехизис «Православное исповедание» митрополита Петра Могилы, часословы и псалтири, ноты; издания Александроневской печатни — сборник «Четыре поучения» на день святого Александра Невского и на дни памяти петровских побед, Службу святому благоверному великому князю Александру Невскому, составленную архимандритом Гавриилом Бужинским в 1725 г., «Букварь, или Первое учение отроком» преосвященного Феофана Прокоповича, затем «Раскольнические вопросы и ответы», «Пращицу духовную» епископа Питирима и «Феатрон гисторический», «Изображение келейного жития» (первая часть устава Александроневского монастыря), позднее — важнейший церковный документ того времени — «Регламент, или Устав духовной коллегии»⁴.

С 1721 до 1726 гг. распоряжением Святейшего Синода «протектором» всех школ и типографий был один из первых насельников Невского монастыря, духовный писатель и переводчик архимандрит Гавриил Бужинский. В 1724 г. указом Петра I «Объявление о монашестве» учреждалось ученое братство. Монахи обители, не моложе тридцати лет и прошедшие курс семинарии, должны были заниматься чтением и переводом богословских трудов, составлением соб-

¹Чертеж земель Александроневского монастыря по Черной реке в С.-Петербурге / Сост. Макаром Назаровым в 1722 г. // 300 лет Свято-Троицкой Александроневской Лавре: [каталог выставки] / РГИА, Свято-Троицкая Александроневская Лавра. СПб., 2013. С. 8.

²Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александроневская Лавра: 1713–1913: в 2-х т.: Историческое исследование. СПб.: Logos, 2001. Т. 1. С. 385, 39. Т. 2. С. 207.

³Ср.: Константинов Н.А. История педагогики. М., 1982.

⁴Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александроневская Лавра... Т. 1. С. 252–275, 584–590; Библиотеки дореволюционного Петербурга / Сост. И.Г. Матвеева; ОИБД РНБ. СПб., 2005. (На правах рукописи); Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александроневская Лавра в 1922–1927 годах // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александроневской Лавры» (2013; СПб.) / Ред. М.В. Шкаровский. СПб., 2013. С. 104–145.

ственных сочинений, произнесением проповедей; однако, в то время образованные насельники не были многочисленны и осуществить в определенной степени этот проект удалось только в 1797 г.⁵

Прочие же — младшая братия — согласно монастырскому «Изображению келейного жития» (1723 г.), а также «Духовному регламенту» (1721 г.), должны были более прилежать ручному труду и «в кельях бумагу, перья и книги отнюдь не держать»⁶.

Идея создания обителей ученого иночества и впоследствии с трудом приживалась в Русской Церкви, академических монахов направляли по пути церковно-практической деятельности⁷. Кроме того, в первое десятилетие существования монастыря общее число иеромонахов, иеродиаконов и монахов на различных послушаниях не превышало сорока человек, из них большая часть в навигацию служила корабельными священниками во флоте, поэтому в стенах обители на послушаниях порой оставалось не более 10 человек.

В 1725 г. профессор-грек Афанасий Скияда, приглашенный из Москвы по предложению архимандрита Петра (Смелича) для заведования школой, по условиям контракта должен был описать и «расположить в порядок, по обычаю» библиотечный фонд⁸. До этого Скияда заведовал московской Типографской школой и описал фонд греческих рукописей Синодальной библиотеки. Следов его описания Александро-Невской библиотеки не обнаружено, но известно, что он уступил в нее 88 книг из личного собрания.

Крупным поступлением стала иностранная часть архиерейского собрания преосвященного Феодосия Яновского после его ареста и смерти в 1726 г. (около 180 томов)⁹. При жизни первого неевского архимандрита его библиотека располагалась в его покоях на Адмиралтейском подворье монастыря, в начале Невской перспективы. Состав и внешний вид книг архиерейских библиотек,

⁵ *Смолич И.К.* История Русской Церкви: 1700–1917. Ч. 1. М.: Изд. Спасо-Преображенский Валаамский мон-рь., 1996. С. 290–291.

⁶ *Изображение келейного жития монахов Александро-Невского Монастыря // Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 2. С. 479–487.

⁷ *Карпук Д.А.* Александро-Невская Лавра — центр ученого монашества в начале XX века // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 218–219.

⁸ *Купалов А.* Скиада, Афанасий Егорович // Русский биографический словарь. В 31 т. / Под набл. А.А. Половцова. М.: Aspect Press LTD, 1992–2003. Т. [18]. Сабанеев – Смыслов. С. 555–556; *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 1. С. 532.

⁹ *Титлинов Б.* Феодосий Яновский // Русский биографический словарь. Т. [25]. Яблоновский–Фомин. С. 346–357.

конечно, соответствовал и выполняемой ими статусной функции. Представление о книге и просвещении отвечало характеру эпохи. Однако, книга как хранилище божественной премудрости является и одним из христианских символов. Современник владыки Феодосия, преосвященный Стефан (Яворский), блюститель патриаршего престола, писал в одном из последних своих произведений — «Ода библиотеке» (1722 г., цитируется по позднему переводу с латинского): «О книги! / Я почтен, я стал прославлен вами, / Чрез вас я был любим большими господами ...». Однако далее: «Я Книгу Вечную зрю мыслию моею, / Разгнется оная грядущим Судиею...»¹⁰

При том, анализируя круг знакомств преосвященного Феодосия, можно предположить, что часть книг его собрания носила полемический характер. После смерти владельца имущество его, вероятно, было передано в Синод для разбора¹¹, и ряд книг на русском языке был уничтожен или разрознен.

После отъезда профессора Сякды в свое отечество, «библиотеки содержателем», или хранителем, в 1728–1737 г. стал постриженник Александро-Невского монастыря, образованный иеродиакон Ианнуарий (Заблокский; 1696–?). С этого времени сохранились архивные сведения о приобретениях и пожертвованиях в нее книг и периодики, о поступлениях выморочного имущества¹².

Некоторые выводы о желательном подходе к формированию фонда и к работе с читателями можно сделать из текста «Духовного регламента». В главе «О домах училищных» говорится: «При школах надлежит быть библиотеке довольной, ибо без библиотеки, как без души академия». Фонд должен соответствовать потребностям заведения и не содержать еретических книг. Полезна учащимся не только духовная премудрость, но и светские научные книги — риторика, логика, латинский и греческий языки. Помимо общепризнанных «Омологии, или Исповедания православного», и «Толковательных бесед и слов нравоучительных» святых отцов, весьма желательно составить и использовать три книжицы-хрестоматии — подборки текстов из Священного Писания и из отцов о догматах и заповедях, о всякого чина должностях, а также адаптированные проповеди святоотеческие о догматах и о должностях для чтения с амвона про-

¹⁰ Ода библиотеке в русских переводах XVIII–XX веков // Стефан (Яворский), митр. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. М.: Паломник, 1999. С. 275–285.

¹¹ Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 1. С. 593.

¹² Там же. С. 591–594.

стому народу. Эти три книжицы желательно иметь в личных библиотеках и священнослужителей, и мирян.

В той же главе «Регламента» приводятся рекомендации по работе с читателями в учебной библиотеке: в начала XVIII в., как и ранее в монастырских уставах, внимание обращается на необходимость посещения читателями книгохранилища в «уреченные дни и часы», на сохранность фонда: «только бы книг по келлиам не разбирали, но чли бы оныя в самой библиотечной конторе», на необходимость руководства чтением со стороны учителя: «Спрашивал бы всякаго свой учитель, котораго он автора чтет, и что прочел, и что писал; а если чего не уразумел, то б ему объяснил учитель»¹³.

В 1710-е гг. братские и школьные книги хранились, скорее всего, по традиции в коробьях и сундуках, разложенные по тематическому и форматному признакам, так как появление шкафов и их внешний вид — например, в ново-построенной в начале 1720-х гг. каменной Благовещенской церкви — оговаривается особо.

Вместо штампа или экслибриса применялась скрепа — надпись по листам, например:

Курций, Квинт (I в.). Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого. М., X. 1709. 4. Тит. л., 476, 14 нн. с. Надпись по листам: «Сия книга издавна святого Троицкого Александро-Невского монастыря библиотеки»¹⁴. Сподвижник Петра I, преосвященный Феофан Прокопович, будущий архиепископ Великоновгородский и Великолукский, церковный реформатор, составитель «Духовного регламента», «Объявления о монашестве», редактировавший все важнейшие законодательные акты по делам Церкви, первенствующий член Святейшего Синода после кончины митрополита Стефана Яворского, организовал при своем подворье на Карповке семинарию и общеобразовательную школу для детей-сирот «всякого звания», собрал огромную библиотеку,

¹³Домы училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники // Духовный регламент Петра Первого, с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». Репринт. М.: Синодальная типография, 1897. М.: Либроком, 2011. 198 с. (Академия фундаментальных исследований, история).

¹⁴Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской православной духовной академии: в 2-х ч. / Сост. игум. Стефан (Садо), А.Н. Михайлов. СПб., 2007. (На правах рукописи). Ч. 2. С. 6.

причем несколько комнат были отведены под картины и иконы. Ему же принадлежит мысль об организации в России публичной библиотеки¹⁵.

Большой популярностью пользовались философско-литературные вечера, устраиваемые в доме преосвященного Феофана; после смерти Петра I он возглавил так называемую ученую дружину писателей-просветителей (входили А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев и др.), отстаивающих петровские реформы. Территориально Карповское подворье располагалось там, где ныне находится одна из клиник Медицинского университета им. И.П. Павлова.

После смерти преосвященного Феофана в 1736 г. книги его были переданы в Синод, затем частично поступили в монастырскую библиотеку и хранились в ней еще в 1741 г.¹⁶, затем были переданы по завещанию в Новгородский архиерейский дом, а ученики Карповской семинарии были переведены в Невскую семинарию.

В 1734–1737 гг. управление Невской семинарией было поручено ученому датчанину Адаму Селлию, медику, филологу, историку и богослову, автору трудов «Каталог писателей, сочинениями своими объясняющих гражданскую и церковную российскую историю» и «Зерцало историческое государей российских», позднее присоединившемуся к православию и принявшему монашеский постриг с именем Никодим. Оставшиеся после его смерти иностранные книги и листы поступили в библиотеку, причем для пересмотра иностранного фонда по требованию Канцелярии монастыря был приглашен консультант из типографии Академии наук¹⁷.

Книги архиепископа Санкт-Петербургского Феодосия (Яновского), скончавшегося в 1750 г., тоже поступили в монастырь. Вот современное библиографическое описание одной из них, ныне находящейся в одной из провинциальных университетских библиотек:

Бароний, Цезарь (1538–1607). Деяния церковные и гражданские. М., 1719. 2. 725 л. Надпись по листам: «Книга преосвященнаго Феодосия Яновск[ого] <...>

¹⁵Титлинов Б. Феофан Прокопович // Русский биографический словарь. Т. 25. Яблоновский–Фомин. С. 399–448; Сапрыкина Л.Ю. Очаг премудрости и духовности на Петроградской стороне: [о деятельности преосв. Феофана Прокоповича и о его резиденции] // Двенадцатые и тринадцатые открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2005–2006 / Сост. Н.В. Скворцова, И.М. Сергеева. СПб.: Институт Петербурга, 2006. 209 с.

¹⁶Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 1. С. 593.

¹⁷Там же. С. 537–540; Т. 2. С. 207.

Санктпетербургской по завещанию ево отдана в библиотеку Александро-Невскую 1750 года под № 95».

Около 1740 г. при наместнике архимандрите Стефане (Калиновском) монастырское книжное собрание послужило основой ныне существующей библиотеки СПбПДА, что, по-видимому, было связано с перемещением семинарии во вновь построенное для нее здание — в глубине монастыря, вдали от Подмонастырской слободы, с необходимостью более регулярного и систематического её пополнения в соответствии с «развитием курса» семинарии, а также с общим состоянием церковных дел края и монастыря после смещения преосвященного Феодосия (Яновского). В 1797 г. Главная семинария была преобразована в Александро-Невскую академию. В 1809 г. в ее составе были выделены три учебных заведения: Санкт-Петербургская духовная академия, Санкт-Петербургская духовная семинария и Александро-Невское духовное училище. В XIX в. академия, семинария и училище занимали Федоровский и Южный корпуса Лавры, позднее — отдельные здания в южной части Митрополичьего сада. Библиотеки духовных школ располагались при них, в академии и семинарии раздельно существовали фундаментальные и ученические (студенческие) книжные собрания.

Братский фонд был собран заново. В середине XVIII в. многое сделал для улучшения преподавания в семинарии и для пополнения библиотеки иеромонах Софроний (Назаревский, иначе Кристалевский; 1703–1771) — казначей с 1743 г., наместник монастыря в 1746–1753 гг., будущий святитель Иркутский.

По сохранившимся сведениям, послушание библиотекаря в XVIII в. после иеродиакона Ианнуария (Заблоцкого) проходили: в 1737–1741 гг. иеродиакон Епифаний (Пенковский; 1701–?), в 1741–1743 гг. — иеродиакон Феофил (Краснопольский). Приступая к отправлению обязанностей в 1741 г., о. Феофил получил инструкции разобрать книги, содержать в исправности их опись, никому не выдавать книги без расписки, вести приходно-расходные записи по библиотеке. На этом послушании о. Феофил занимался также переплетом книг¹⁸.

С 1743 г. библиотекарем был иеродиакон Симеон, до 1753 г. — иеромонах Порфирий (?–1768), в 1753–1756 гг. — иеромонах Сильвестр (Юнецкий), позднее проходивший послушание ризничего, благочинного, эконома и в 1761 г. ставший наместником монастыря.

В 1753 г. вследствие «репорта» иеромонаха Сильвестра о «несходстве» описи с «подлинностью книг» Канцелярия поручила ему составить новую опись

¹⁸Там же. С. 593–594.

при иеромонахе Порфирии, «причем неупустно в опись на русском и на латинском языках включать, о книгах именовать автора».

С 1756 г., когда в связи с назначением иеромонаха Сильвестра во флот библиотека вновь временно была передана на попечение иеромонаху Порфирию. После них библиотекарем был иеромонах Иеремиа (Гусаревский, ?–1764), исполнявший также должность православного законоучителя при лютеранской кирхе¹⁹.

К 1759 г. библиотека располагалась в шести покоях «верхнего апартамента» — второго этажа Духовского корпуса, причем в ней хранилась и модель собора; затем для размещения фонда была выделена и отделана Юго-западная башня²⁰.

Весной 1762 г. словесным распоряжением правящего архиепископа Вениамина (Пуцек-Григоровича) библиотекарем был назначен иеромонах Моисей (?–1773), комиссии во главе с духовником поручено было составить опись и передать фонд от иеромонаха Иеремии. Иеромонах Моисей в отправление обязанностей вступать не решался, библиотеку с рук на руки не принимал, ключ у себя не держал, выдавал книгу под расписку в присутствии одного из членов комиссии и ключ возвращал духовнику, при том просил уволить его от библиотечного послушания²¹.

К июлю 1763 г. комиссия из четырех иеромонахов окончила сверку книжного фонда с «тетрадами» и составила единую опись. В то время, в отличие от современной нормы сверки наличного фонда с неизменными документами хранения, при проверке фонда описи составлялись заново и заново надписывались на книжных титульных листах или авантитулах инвентарные номера. Книги выдавались читателям под расписку в особой тетради или на полях описи. «Библиотеки содержатель» вел также приходно-расходные записи. Карточные каталоги в России появились позднее, в середине XIX в., и долго имели вспомогательное назначение, из них описания переносились по порядку в описи.

В последние тридцать лет XVIII в., в правление митрополита Гавриила (Петрова-Шапошникова, 1730–1801), духовное просвещение переживало расцвет: был построен и освящен монастырский собор в честь Пресвятой Троицы, завершена и издана Синодом книга с объяснением церковных служб, напечатаны краткие поучения из святых отцов на каждый день года, в монастырь было

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 207.

²⁰ Там же. С. 207.

²¹ Там же. С. 208.

переведено несколько монахов строгой жизни из Софрониевой пустыни Черниговской епархии, был подготовлен к изданию славянский перевод «Добротолюбия» (текст правил в Александро-Невском монастыре)²².

Владыка был одним из первых хранителей памятников церковной старины и фактически исполнял обязанности президента Академии наук. По его ходатайству перед императором Павлом I Александро-Невскому монастырю был придан статус Лавры, а Главная семинария была преобразована в академию.

Труды владыки Гавриила были продолжены преемником по кафедре, митрополитом Амвросием (Подобедовым; 1742–1818), первым получившим звание доктора богословия. Им было составлено «Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета», неоднократно издавались его слова и речи²³.

В 1770–1809 гг., по описанию лаврского насельника архимандрита Амвросия (Орнатского, 1778–1827), будущего епископа Пензенского, лаврская и академическая библиотеки существовали отдельно в Северо-западной и Юго-западной башнях, причем лаврская состояла «из многих русских, а частью греческих и латинских книг», размещенных, как и святыни, и реликвии ризницы, «в шкафах из казанского дуба под лаком»; в академической же библиотеке было «книг печатных на разных языках до 5 000 номеров (причем на один номер могло быть записано несколько книг — *Н.Г.*), а также многия достопамятные рукописи и физические инструменты»²⁴. Как видно, в XVIII в. не проводилось резкой границы между книжным, музейным и архивным фондами.

Помимо братской и академической библиотек, в Лавре существовали значительные келейные собрания, например, иеродиакон Филарет (Дроздов), будущий святитель Филарет Московский, насельник Невской Лавры в 1809–1815 гг., пользовался личными книгами ректора духовной академии архимандрита Сергия (Крылова-Платонова)²⁵.

В 1812 г. архимандрит Филарет (Дроздов) был определен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, профессором богословских наук. В 1817 г. он был возведен в сан епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской и Новгородской епархии. В петербургский период владыка начал труд всей

²²Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом] / Санкт-Петербургская епархия; ред. еп. Назарий (Лавриненко) [и др.]; автор текста М. В. Шкаровский. СПб.: Арт Деко, 2012. С. 63–64.

²³Там же. С. 65.

²⁴*Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М.: Синодальная типография, 1807–1815. Ч. 2. С. 220–221.

²⁵*Сеень А.Ю.* Филарет Московский. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 31.

жизни — перевод Библии на русский язык (Синодальный перевод был издан в 1876 г.) Его яркие проповеди, произнесенные в Троицком соборе Лавры, были напечатаны в возобновленной лаврской типографии. Позднее именно митрополит Филарет Московский разработал систему описания церковного имущества в записке «О средствах и препятствиях сохранности церковных древностей и рукописей в церквях и монастырях»²⁶, составленной в марте 1853 г. по указанию императора Николая I.

Митрополит Михаил (Десницкий, 1761–1821) был участником Библейского общества, ярким проповедником, работы его многократно издавались.

Митрополит Серафим (Глаголевский, 1757–1843) показал себя противником масонства и увлечений мистицизмом. Известны его работы «Исследование доказательств бытия Божия», «Пастырское увещание по случаю холеры», а также «Слова и речи на разные случаи».

Митрополит Антоний (Рафальский, 1789–1848) покровительствовал иконописанию²⁷.

Митрополит Григорий (Постников, 1784–1860), один из крупнейших специалистов по истории русского раскола, был автором сочинения «Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь, изложение в отношении к глаголемому старообрядчеству», а также «День святой жизни, или Ответ на вопрос, как мне жить свято». Его «Слова и беседы на все воскресенья и на праздничные дни в году» вышли в пяти томах. Он основал еженедельный журнал «Духовная беседа», в его правление при столичной духовной академии стали издавать переводы византийских историков, богослужебные книги переводились на татарский и финский языки.

При митрополите Исидоре (Никольском, 1799–1892) сформировалась сеть благотворительных и учебных заведений, построенных на лаврских землях. Владыка состоял членом многих научных обществ и учреждений. Он имел влияние как толкователь и переводчик на русский язык Библии (Синодальный перевод 1876 г.), автор слов и речей.

Митрополит Палладий (Раев, 1827–1898) покровительствовал Обществу религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви.

²⁶Сохранение памятников церковной старины в России XVIII–начала XX вв.: сборник документов / Мин-во культуры РФ, НИИ реставрации; сост. В.С. Дедухина и др. М.: Отечество, 1997. С. 86–90.

²⁷Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом]. С. 68–69.

В 1844–1859 гг. (с перерывами) при духовной академии и Лавре пребывал иеромонах (затем архимандрит) Феофан (Говоров), будущий затворник Вышенский и святитель. Им был переложен на русский язык греческий, отчасти славянский тексты «Добротолубия» (издание вышло в 1877 г.) В работе над русским текстом, как и ранее над славянским, принимали участие монахи Невской и Троице-Сергиевой Лавры. В Александро-Невской Лавре о. Феофаном был подготовлен очерк аскетике «Путь ко спасению».

Архимандрит Макарий (Булгаков), ректор духовной академии, создал в петербургский период такие фундаментальные труды, как «Православно-догматическое богословие» и три первых тома «Истории Русской Церкви»²⁸.

Духовный писатель, историк монашества архимандрит Иувеналий (Половцев) был наместником Лавры с 1867 по 1871 гг.²⁹

Что касается именно лаврских библиотеки и ризницы, существенное упорядочение хранения в них было произведено во время правления митрополита Никанора (Клементьевского; 1787–1856), известного своей благотворительной и просветительской деятельностью. В 1853 г. преосвященный Никанор распорядился о реорганизации лаврской братской библиотеки: о новом ее перемещении в Юго-западную башню (на место академической, после 1819 г. находившейся в здании академии), о возобновлении должности библиотекаря и назначении на нее иеромонаха Филиппа (до того фонд был в распоряжении ризничего), о создании комиссии для составления новой описи.

В 1853–1855 гг. фонд лаврской библиотеки пополнился 600 книгами, а также собранием монет и медалей, пожертвованных митрополитом Никанором из личной коллекции. В правление этого владыки было начато описание достопримечательностей Лавры и собирание материалов по ее истории, составлены житие и акафист святому благоверному князю Александру Невскому и биографии митрополитов Амвросия и Гавриила. Четырехтомный каталог библиотеки середины XIX века и главная церковная ризничная опись, как и полный текст историко-статистического описания монастыря (120 листов), составленный к 1859 г. Иларионом Алексеевичем Чистовичем (1828–1893), были утрачены в советское время³⁰.

²⁸Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом]... С. 101.

²⁹Там же. С. 72.

³⁰Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013: в 3 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 99–101, 125.

Большую часть собрания составляли книги XVIII–XIX веков по библеистике, богослужебные, по гомилетике, истории, философии, художественная литература, латинские учебники; среди них — Остромирово и Реймское Евангелия (последнее — парижского издания 1843 г.), «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» Г.А. Розенкампа, сочинения владык Филарета и Иннокентия, А.С. Норова, А.Н. Муравьева, описание путешествий Ж.-Э.-В. Араго, А.-Ф. Коцебу, Ф.-О. Шатобриана. Выписывались переводы творений отцов Церкви (до 1884 г.), журналы «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Православный собеседник», «Духовное чтение». Из рукописей наибольшую ценность представляли три Евангелия конца XV – начала XVII в., несколько списков жития святого князя Александра Невского, личная переписка владыки Никанора³¹.

К этому же времени относится поступление изданий и рукописей, связанных с именем образованного иеромонаха Паисия (Кривоборского, –1854), лаврского насельника, проходившего послушание во флоте, затем в Киновии. Он был автором нескольких сборников духовного содержания, в том числе — Патерика новгородских чудотворцев³².

В составе фондов находилась также часть рукописей и книг монаха Иакинфа (Бичурина, 1777–1853), одного из основоположников российского китаеведения, академика, путешественника, начальника девятой Пекинской духовной миссии, лишенного сана архимандрита, доживавшего век в Лавре. Ныне его рукописи и книги — в библиотеках и архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Казани³³.

Как указано у М.В. Шкаровского, братия посещала библиотеку «весьма мало» — отчасти из-за холода (помещение зимой не отапливалось), отчасти из-за преимущественно «ученого и учебного» характера книг. Была разрешена выдача изданий под расписку наставникам и студентам академии³⁴.

В 1896 г. замещать библиотекаря иеромонаха Александра, назначенного сопровождать Абиссинскую миссию, поручили иеромонаху Геннадию (Никифорову, 1860 – после 1932).

³¹ Там же. С. 125–126.

³² *Богданова Т.А.* Собрание рукописей Александро-Невской Лавры в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 286–305.

³³ Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013: в 3 т. Т. 2. С. 126; *Богданова Т.А.* Собрание рукописей Александро-Невской Лавры... С. 299–300.

³⁴ Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013: в 3 т. Т. 2. С. 125.

15 июня 1898 г. иеромонахам Геннадию, Нилу (Гончару) и послушнику Соловьеву было поручено сделать проверку книг и рукописей и при необходимости составить новую опись. В январе 1899 г. была закончена первая опись фонда рукописных материалов³⁵. В 1909 г. о. Геннадий освобожден от должности библиотекаря и назначен ризничим, впоследствии казначеем³⁶. С 1909 г. архимандрит Амвросий (Казанский) исполнял должность библиотекаря, с 1911 г. — архивариуса³⁷.

В 1910 г., в период управления митрополита Антония (Вадковского) и наместника архимандрита Феофана (Тулякова), библиотека и архив были размещены на первом этаже³⁸ специально выстроенного по проекту архитектора Л.П. Шишко здания Новой ризницы, восточной стеной выходившего на Никольское кладбище, за Духовским братским корпусом.

6 апреля 1912 г. был назначен новый заведующий библиотекой и архивом — архимандрит Макарий (Воскресенский, 1866–1931), исполнявший также должность благочинного монастырей и подворий епархии³⁹. Личный духовник великого князя Константина Константиновича Романова и его семьи, он был причислен к орденам Анны и Владимира, выполнял почетные поручения — например, освящал храм-крипту Иоанновского монастыря для погребения святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он постригал и будущую преподобномученицу Марию Гатчинскую.

Во время его заведования библиотекой архивариусом был архимандрит Геннадий (Никифоров), помощником архивариуса — послушник Федор Михайлович Морозов (1883–1962), инициатор устройства в Лавре древлехранилища и участник научной организации лаврского архива. В Первую мировую войну Ф.М. Морозов добровольно ушел на фронт санитаром, в 20-е гг. много сделал для сохранения святынь и реликвий Киево-Печерской Лавры и других святых мест, впоследствии всю жизнь прослужил научным сотрудником Русского музея и Эрмитажа⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 126.

³⁶ Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2 т. Т. 2. С. 472.

³⁷ Там же. С. 457–458.

³⁸ Крылов Н.С. Из истории архива Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 310.

³⁹ Войчук А. Литературно-документальная биография семьи Войчуков в документах, письмах и воспоминаниях. Кн. 1. [Воскресенские]. Курск, 2006. (На правах рукописи). С. 12–21.

⁴⁰ Щеглов Г.Э. Хранитель: жизненный путь Федора Михайловича Морозова / Мин. ДА. Минск: Врата, 2012; Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 2. С. 189–190.

В 1915–1917 гг. вторым библиотекарем и заведующим музеем был иеродиакон Иоасаф (Журманов, 1877–1962), впоследствии наместник Лавры, затем архиепископ Тамбовский⁴¹.

2 января 1918 г., по результатам ревизии Лавры, в числе других заметных перемещений братии, архимандрит Макарий был отстранен от должности заведующего библиотекой и архивариуса, его заменил архимандрит Неофит. В 1922 г. отец Макарий подготовил при Богословском институте кандидатскую диссертацию и в 1924 г. был удостоен степени кандидата богословия.

В 1924 г. архимандрит Макарий был арестован по делу о Спасском братстве, отбыл двухлетний срок на Соловках, где работал на строительстве железной дороги⁴², вернулся в Ленинград и жил в семье родного брата Капитона Федоровича Воскресенского, школьного учителя. В 1931 г., наполовину парализованный, он был арестован повторно как иосифлянин и выслан в Ярославль, где родным удалось передать его на попечение сначала одной родной сестре в село Введенское Чухломского уезда Костромской губернии, затем — другой сестре, Ольге Федоровне Птицной — в Чухлому, где он вскоре скончался и был похоронен на городском кладбище⁴³.

Вот некоторые черты организации библиотеки при заведующем архимандрите Макарии. Согласно его рапорту от 6 апреля 1912 г. о приеме библиотечного имущества, справочный аппарат библиотеки состоял из описей собрания рукописей, печатных книг и журналов, а также «разных вещей» и алфавитного (карточного?) каталога. Книговыдача осуществлялась путем записи в особые переплетенные тетради. Как уже отмечалось, четырехтомный каталог библиотеки, как и описи, был утрачен в советское время.

Многочисленные реорганизации монастырских книгохранилищ были причиной модификаций их штампов. Всего, если судить по 550 монастырским книгам и журналам, ныне находящимся в библиотеке СПбПДА, было 15 вариантов штампов братской библиотеки, ризницы, кинонии, читальни, собора⁴⁴. Книжные ярлыки в монастыре не применялись.

⁴¹ Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 2. С. 444.

⁴² Ср.: Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века: база данных ПСТГУ. Макарий (Воскресенский) // Сайт ПСТГУ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 17.10.2013); Синодик гонимых, умученных, в узак невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. 2-е изд., доп. СПб.: Мирь: Об-во свт. Василия Великого, 2002. С. 82–83; Войчук А. Литературно-документальная биография семьи Войчуков. С. 22–32.

⁴³ Войчук А. Литературно-документальная биография... С. 32–33.

⁴⁴ Книжные знаки. Ч. 2. С. 6–9.

Разделы фонда выделялись «по обычаю», в шифрах использовались римские и арабские цифры, буквы; в качестве примера можно привести рубрики опубликованного каталога архиерейской библиотеки митрополита Флавиана (Городецкого, 1841–1915)⁴⁵:

А. Богословие (1. Священное Писание, 2. Патрология, 3. Введение в круг богословских наук, или Основное богословие, 4. Догматическое богословие, 5. Обличительное, или Сравнительное богословие, 6. Нравственное богословие, 7. Пастырское богословие, 8. Гомилетика, 9. Каноническое право);

Б. История (1. Библейская, 2. Церковная, 3. Гражданская);

В. Книги разного содержания (философия, психология, психиатрия, правоведение, география, этнография, статистика, библиография, словесность, языкознание, искусство, энциклопедии и справочники);

Г. Журналы и газеты.

Иначе был организован фонд фундаментальной библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии: книги расставляли и шифровали, в основном, по формату, по тематико-видовому и языковому признакам, сохранялась цельность мемориальных коллекций профессоров академии и других лиц. Например, шифры с буквами Ж, Г, К имели русские и иностранные книги формата *in octavo*, А — *in folio* и *in quarto*, М — книги на восточных языках, А и Б — рукописи, Э — акты учебных заведений и др.⁴⁶

В отличие от некоторых существовавших в городе общедоступных библиотек, располагавших, помимо абонементов и читального зала, залом для бесед и показа теневых картин, лаврская братская библиотека была именно книгохранилищем, первоначально запланированный читальный зал был вскоре отдан для размещения архива. Историк С.Г. Рункевич в 1912 г. писал о ней так: «Превосходное помещение, по-видимому, еще не проснувшееся к жизни»⁴⁷.

Со 2 января до 1 июня 1918 г. должность библиотекаря исполнял архимандрит Христофор, с 6 июня 1918 г. библиотекарем был назначен иеромонах Нектарий (Трезвинский), впоследствии епископ Яранский, священномученик, канонизированный Русской Православной Церкви Заграницей; в 1920 г. он вновь

⁴⁵Систематический каталог книг библиотеки высокопреосвященного Флавиана, митрополита Киевского и Галицкого, [с пятью прибавлениями] / Сост. игум. Михаил [Тростянский]. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1910–1915. С. 673–677.

⁴⁶Книжные знаки. Ч. 1. С. 3.

⁴⁷Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 2. С. 397.

замещал библиотекаря⁴⁸. Более поздних сведений о братских библиотеках не обнаружено.

Одним из постоянных читателей братской библиотеки был архимандрит Сергей (Бирюков, 1862–1937), духовник Лавры в 1919–1927 гг. О. Сергей и в советское время продолжал проповедовать, распространял тексты своих проповедей в стихотворной форме, посещал святые места. Он вел научную работу по изучению рукописей в библиотеке Лавры, собирал редкие акафисты, составлял жизнеописание подвижников благочестия⁴⁹.

В декабре 1913 г., при митрополите Владимире (Богоявленском) и наместнике архимандрите Феофане (Тулякове), в Лавре были учреждены и действовали всю Первую мировую войну Богословские общеобразовательные курсы. В число учащихся принимались послушники и монашествующие Лавры, певчие Митрополичьего хора и келейники, преподавали образованные насельники из числа братии⁵⁰.

Помимо Антониевского духовного училища, на лаврской земле также находились трехклассное (впоследствии шестиклассное) Исидоровское женское епархиальное училище для дочерей лиц духовного сословия и двухклассная Александро-Невская церковно-приходская школа на 100 мальчиков-певчих, имевшие свои учебные библиотеки⁵¹.

Известно, что помимо братской библиотеки, в Лавре отдельно существовала читальня с книжным штампом особой формы. По-видимому, организация читальни с книжным штампом особой формы была следствием нового «Положения об Александро-Невской Лавре», утвержденного указом Синода от 26 мая 1917 г.⁵², и программы религиозно-просветительской деятельности Александро-Невской Лавры, разработанной на Всероссийском съезде ученого монашества в июле 1917 г. в Троице-Сергиевой Лавре. В резолюции секции, зачитанной иеромонахом Александро-Невской Лавры Иннокентием (Тихоновым), речь шла, наряду с истовым и полным богослужением, проповедью, организацией внебогослужбных бесед, об «устройстве публичной религиозно-нравственной библио-

⁴⁸ Шкарковский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2-х т. Т. 2. С. 503–505.

⁴⁹ Там же. С. 525–526.

⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 88.

⁵¹ Книжные знаки. Ч. 2. С. 2.

⁵² Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом]. С. 186.

теки для широких слоев столичного населения и народной читальни», расширении древлехранилища, богословских исследованиях и книгоиздании⁵³.

Деятельность народной читальни была связана с существованием при Лавре курсов, училищ и школ, ведь посетителями таких читален были, в первую очередь, учащиеся, народ, дети.

При СПбДА студенческая читальня с фондом периодики действовала еще в 1890-е гг., ее посещал в годы своей учебы будущий митрополит Григорий (Чуков).

Первые бесплатные народные читальни появились в Петербурге в 1887 г., а к 1917 г. их число в Санкт-Петербурге достигало 23, в частности, несколько библиотек-читален с залами для бесед было открыто в столице «Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения». Накануне революции общедоступные городские и, в определенной степени, церковные библиотеки образовали общее библиотечное пространство.

Состав книг в народных читальнях был очень ограничен и строго регламентирован, количество названий книг, допущенных в них по правилам Министерства народного просвещения 1890 и 1896 гг. и указаниям Духовного ведомства, было около 3 000, периодики — около 90.

После революции устройство читален поддерживалось советской властью и стало темой специальных циркуляров правительства 1924 и 1929 гг., читальни сыграли большую роль в ликвидации неграмотности простого населения и приобщении его к знаниям, литературе и культуре⁵⁴.

30 сентября 1918 г. было открыто двухгодичное Богословско-пастырское училище для подготовки священно- и церковнослужителей и преподавателей Закона Божия для епархии, учредителем которого стала преподавательская корпорация Санкт-Петербургской духовной семинарии. Первоначально митрополит Вениамин предоставил училищу помещение у лаврского каре, затем оно переехало в бывшее здание семинарии на набережной Обводного канала, 19, а в декабре 1920 г. — в здание подворья Троице-Сергиевой Лавры на набережную Фонтанки, 44, объединившись с Петроградским богословским институтом, созданным в апреле 1920 г. Институт и училище содержались на средства приходских общин епархии. В ноябре 1918 г. библиотечный отдел Нар-

⁵³Карпук Д.А. Александро-Невская Лавра — центр ученого монашества в начале XX века. С. 225.

⁵⁴Новиков В.Н. Просветительная деятельность городских народных библиотек-читален России в конце XIX–начале XX веков: [автореферат дис. канд. пед. н.]. СПб., 2010. Гл. 3.

компроса передал училищу библиотеку бывшей семинарии в количестве 20 тысяч томов преимущественно по вопросам религиозно-нравственным и церковно-историческим⁵⁵, но в феврале 1920 г. из этого фонда были изъяты в пользу детской колонии беллетристика, книги педагогического содержания и справочная литература, а в декабре 1922 г. решением так называемого Государственного книжного фонда оставшиеся в Богословском училище книги и рукописи были переданы Российской публичной библиотеке, I отделению⁵⁶.

С 1918 г. (фактически — с 1916 г.) при монастыре было организовано Александро-Невское братство, целями которого были, среди прочего, подготовка священнослужителей и монахов из числа благочестивых мирян, преподавание детям Закона Божия (существовало 69 детских кружков). Еще с дореволюционного времени и почти до разгрома действовали богословские (числом не менее пяти), философский и монашеские (мужской и женский) кружки, участники которых готовили доклады по изучаемым темам, а также кружок любителей православного богослужения. Руководили братством будущие священномученики Лев (Егоров, 1889–1937) и Иннокентий (Тихонов, 1889–1937), будущий митрополит Гурий (Егоров, 1891–1965) и другие лаврские иеромонахи. До конца 1920-х гг. издавались серьезные труды членов братства, а также православные календари и приходская периодика. Есть сведения, что к 1920 г. братство имело большую библиотеку религиозных книг и предоставляло книги из нее в пользование другим братствам⁵⁷. Можно предположить, что это то же собрание, что и лаврская читальня. В помощь миссионерской работе, вероятно, создавались и передвижные религиозные библиотеки временного пользования; по понятным причинам, документация не велась.

В начале 1924 г.⁵⁸ лаврская братская библиотека, предположительно, вместе с ризницей, архивом и зданием, в котором они размещались, перешла в распоряжение Петроградского Отдела коммунального хозяйства, в марте — в ведение общества «Старый Петербург» и, вероятно, в конце декабря 1924 г., при перемещении лаврского архива в Централхив, была разорена большевика-

⁵⁵ Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... Т. 1. С. 263.

⁵⁶ Там же. С. 258.

⁵⁷ Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... С. 472–475. Ср.: Зегж-да С.А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. [Набережные Челны]: Новости мира, 2009. 487 с. (Жизнь во благо).

⁵⁸ Ср.: Крылов Н.С. Из истории архива Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 308–312; Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом]. С. 215.

ми. Книжное собрание было передано в Российскую национальную (ранее — публичную) библиотеку и другие книгохранилища, в том числе — в библиотеку Казанского университета. Процесс передачи через Ленинградское отделение Государственного книжного фонда, в которое отовсюду свозили реквизируемые издания, по некоторым сведениям, продолжался до 1928 г. Часть книг и по сей день находится в запасниках крупных библиотек, не будучи никогда обработана библиотекарями и востребована читателями, часть была продана за границу или утрачена.

В лаврской киноивии (современный адрес: Октябрьская наб., 18) имелся свой книжный фонд, о чем свидетельствует существование особого книжного штампа⁵⁹.

Митрополичья библиотека, по сведениям М.В. Шкаровского, была ликвидирована осенью 1923 г., при передаче Митрополичьего корпуса Володарскому райисполкому под жилье рабочим⁶⁰.

О существовании и составе келейных библиотек насельников можно судить отчасти по документам, составлявшимся при их аресте, о конфискации их личной церковной утвари, библиотеки и квартирной обстановки, отчасти — по владельческим записям на книгах, которые в последнее время стали все чаще возвращаться в Лавру, приносимые прихожанами.

* * *

Собирание православных изданий было возобновлено в первые годы перестройки. С сентября 1990 до ноября 1994 гг. небольшая библиотека (около 2 700 единиц хранения), размещенная на колокольне Свято-Троицкого собора, была доступна для священно- и церковнослужителей, сотрудников и, избирательно, для прихожан, велся учет книг, имелись карточные каталоги.

В 1995–2006 гг. книгохранилище было братским и имело основной задачей обеспечение учебными пособиями насельников-учащихся духовных школ. Размещалось оно сначала в Федоровском корпусе, затем — в Духовском братском корпусе на втором этаже, вблизи приемной наместника и братских келий.

В конце 2006 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир (Котляров) благословил проект епископа Кронштадтского Назария (Лавриненко), наместника Лавры (в то время — архимандрита) — создание круп-

⁵⁹Книжные знаки. Ч. 2. С. 7–8.

⁶⁰*Шкаровский М.В.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в 1922–1927 гг. // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 131.

ной общедоступной современной библиотеки, соответствующей статусу монастыря и задачам, решаемым ныне Церковью, располагающей учебными (для духовенства и монашествующих), образовательными (для мирян), аскетико-просветительскими и душеполезными изданиями. Внимание придается также собиранию материалов о святом благоверном князе Александре Невском, о подобном Серафиме Вырицком, о святых, святынях и подвижниках благочестия Северо-Запада России, по краеведению и русской военной истории. Среди предполагаемых направлений деятельности — обеспечение душеполезным чтением готовящихся к принятию святого Крещения и к воцерковлению, поддержка пастырской работы с особыми группами прихожан (химически зависимые и др.), организация бесед и встреч с писателями и издателями в рамках раскрытия фондов. Открытие общедоступной Александро-Невской библиотеки будет частью и просветительской деятельности воссозданного Александро-Невского братства.

Осенью 2008 г. монастырю было возвращено историческое здание так называемой «Новой ризницы», построенное в 1904–1910 гг. В советское время оно использовалось для нужд Городской станции переливания крови. Интерьеры монастырской ризницы, библиотеки, архива не сохранились, была разрушена система вентиляции, сняты и вывезены кованые ажурные оконные решетки. Владыка наместник предпринял ремонтно-реставрационные работы по возвращению интерьеров здания в первоначальный вид и адаптации их к современным задачам эксплуатации. Помещение библиотеки было оборудовано стеллажами и библиотечной мебелью.

Летом 2012 г. библиотечные фонды были перемещены в подготовленное помещение, издания распакованы после переезда, разобраны и размещены на стеллажах. Начались работы по редактированию электронного каталога библиотеки, созданного в 2007–2011 гг. с помощью САБ Ирбис-64, оптимизации поискового образа документа, обеспечивающей эффективный многоаспектный поиск документов в массиве библиографических записей, способствующей приближению книги к пользователю.

Библиотека участвовала в конкурсе «Православная инициатива» Фонда преподобного Серафима Саровского и выиграла грант, благодаря которому удалось приобрести новое компьютерное оборудование и установить новую версию автоматизированной библиотечно-информационной системы Ирбис-64.

16 сентября 2013 г., в юбилейный для Невской Лавры год, вскоре после общегородских торжеств Александра дня, читальный зал библиотеки был от-

крыт для широких кругов читателей. Анализ первых месяцев работы показал, что более половины читательских запросов относится к истории России и Церкви, т.е. библиотека востребована именно как институт памяти.

Деятельность библиотеки (по данным на январь 2014 г.)

- Фонды насчитывают 60 тысяч единиц хранения бумажных и электронных ресурсов, каталогизация ведется. Комплектование осуществляется регулярно, в т.ч. благотворительно, с применением рекомендательных списков, составляемых по просьбе библиотекаря экспертами в конкретной области.
- Электронный каталог ведется с помощью автоматизированной библиотечной системы Ирбис-64, библиографические записи имеют около 30 полей доступа (сведения об интеллектуальной ответственности, заглавие, заглавие оригинала, перевод заглавия, страна и язык издания и т.д.), расписывается содержание периодики и сборников.
- Обслуживание читателей и выдача изданий осуществляется только через читальный зал изданий на традиционных носителях. Коллекция научных и образовательных электронных изданий предназначена для использования во втором, «электронном» читальном зале⁶¹.
- Библиотека участвует в церковных образовательных конференциях, краеведческих мероприятиях и др. Книгохранитель регулярно участвует в международных семинарах по электронной каталогизации и работе с электронными ресурсами Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского, публикует статьи.
- В библиотеке проводятся занятия по церковнославянскому языку и по практическому обучению церковных чтецов.

⁶¹Гражданский кодекс РФ. Ст. 1273–1275. См. также: Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Науч. ред. Н.А. Шевелёва; ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». СПб., 2012. 298 с. (Электронное законодательство; вып. 2). URL: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=75682> (01.11.2013).

Следующий этап работы предполагает окончание библиографического описания и индексирования средствами АБИС Ирбис-64 существующей коллекции локальных сетевых электронных ресурсов, создание электронных защитных копий редких изданий, присоединение полных текстов электронных ресурсов к описаниям в каталоге, оборудование читального зала для работы с локальными сетевыми электронными ресурсами, обеспечение удаленного доступа пользователей к электронному каталогу и к фондам библиотеки, а также справочно-библиографическое обслуживание удаленных пользователей.

Особенностью библиотеки, по благословию наместника Лавры, является выделение в качестве самостоятельного отделения зала редкой книги, в котором будет создана экспозиция по церковной истории, видимой сквозь призму старых изданий, владельческих записей на них.

Многие редкие издания появились в библиотеке неустанными заботами их почитателя — владыки Назария, постоянно подчеркивающего своевременность и необходимость принятия мер по сохранению и изучению редких (старопечатных, старых, рукописных, эмигрантских и других) изданий.

Среди поступлений 2012–2013 гг. надо особо отметить подаренные Лавре прихожанами книги со штампом дореволюционных лаврских библиотеки, читальни и ризницы, с владельческими надписями насельников монастыря и священноначалия — митрополита Елевферия (Воронцова), архимандрита Геннадия (Никифорова) и других.

Отдельными коллекциями являются книги из келейных собраний последних лет насельников Лавры архимандрита Елеазара (Иванова, 1936–2011) и иеромонаха Илиана (Мешкова, 1970–2012), а также протодиакона Василия Ципкало (1938–2010). Было получено благословление оставлять в фонде редких книг машинописные перепечатки советского времени, поступившие из собраний известных петербургских священнослужителей — например, протоиерея Василия Лесняка (1934–1995) и других. Потомки одного из почивших священнослужителей подарили самодельные переплетные инструменты, с помощью которых в то время переплетались машинописные копии духовных книг, потомки протоиерея Вадова — дореволюционные грампластинки с записями известных московских архидаконов. Одно из последних поступлений — стеклянные диапозитивы 1930-х гг., подобные тем, с помощью которых до революции при проведении просветительских бесед показывали «теневые картины».

Особенно ценно для будущей экспозиции и для составления библиографического описания редкой книги или музейного объекта, если дар сопровождается составленной вкладчиком краткой историей о бывшем владельце.

В рамках договора о сотрудничестве Президентская библиотека передала в библиотеку монастыря электронные копии пяти дореволюционных изданий, относящихся к истории обители, а лаврская библиотека предоставляет Президентской библиотеке для оцифровки «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Синоде». Была достигнута договоренность об оцифровке Президентской библиотекой документов дореволюционного архива Лавры, ныне находящихся в РГИА, и предоставлении пользователям широкого доступа к ним.

Возобновление, с необходимыми изменениями, в бумажном или в электронном виде исторического фонда Лаврской библиотеки — необходимый следующий шаг ее развития на благо Церкви и города.

Источники и литература

1. 300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре: [каталог выставки] / РГИА, Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. СПб., 2013.
2. *Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1807–1815.
3. Библиотеки дореволюционного Петербурга: [справочник] / Сост. И.Г. Матвеева; ОИБД РНБ. СПб., 2005. (На правах рукописи).
4. *Богданова Т.А.* Собрание рукописей Александро-Невской Лавры в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры» / Под ред. М.В. Шкаровского. СПб., 2013. С. 286–305.
5. *Войчук А.* Литературно-документальная биография семьи Войчуков в документах, письмах и воспоминаниях. Кн. 1. [Воскресенские]. Курск, 2006. (На правах рукописи).
6. Духовный регламент Петра Первого, с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». Репринт: М., Синод. тип., 1897. М.: Либроком, 2011. (Академия фундаментальных исследований, история).

7. *Зегжда С.А.* Духовное наследие священномученика архиепископа Иннокентия (Тихонова). Набережные Челны: Новости мира, 2010. (Жизнь во благо).
8. *Зегжда С.А.* Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. Набережные Челны: Новости мира, 2009. (Жизнь во благо).
9. *Карпук Д.А.* Александро-Невская Лавра — центр ученого монашества в начале XX века // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 218–227.
10. Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской православной духовной академии: в 2 ч. / Сост. игум. Стефан (Садо), А.Н. Михайлов. СПб., 2007. (На правах рукописи).
11. *Константинов Н.А.* История педагогики. М., 1982.
12. *Крылов Н.С.* Из истории архива Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 306–321.
13. *Купалов А.* Скиада, Афанасий Егорович // Русский биографический словарь: в 31 т. / Под набл. А.А. Половцова. М.: Aspect Press LTD, 1992–2003. Т. 18. Сабанеев – Смыслов. С. 555–556.
14. *Новиков В.Н.* Просветительная деятельность городских народных библиотек-читален России в конце XIX–начале XX веков: [автореферат дис. канд. пед. н.]. СПб., 2010.
15. Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века: база данных ПСТГУ. Макарий (Воскресенский) // Сайт ПСТГУ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 17.10.2013).
16. Ода библиотеке в русских переводах XVIII–XX веков // *Стефан (Яворский), митр.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. М.: Паломник, 1999. (Богословское творчество русских святителей XVII–XIX веков). С. 275–285.
17. Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде: сборник материалов международной научно-практической конференции / Науч. ред. Н.А. Шевелёва; ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». СПб., 2012. (Электронное законодательство; вып. 2) // Сайт Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина.

URL: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=75682> (дата обращения: 01.11.2013).

18. *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–1913: в 2-х т.: Историческое исследование. СПб.: Logos, 2001.
19. *Сапрыкина Л.Ю.* Очаг премудрости и духовности на Петроградской стороне: [о деятельности преосвященного Феофана Прокоповича и о его резиденции] // Двенадцатые и тринадцатые открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2005–2006 / Сост. Н.В. Скворцова, И.М. Сергеева. СПб.: Институт Петербурга, 2006.
20. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013: в 3-х т. / Авт. идеи, рук. проекта еп. Назарий (Лавриненко); Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. СПб., 2013.
21. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: [альбом] / Ред. еп. Назарий (Лавриненко) [и др.]; автор текста М.В. Шкаровский. СПб.: Арт Деко, 2012.
22. *Сегень А.Ю.* Филарет Московский. М.: Молодая гвардия, 2011. (Жизнь замечательных людей; 1525. Серия биографий).
23. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. 2-е изд., доп. СПб.: Мирь: Об-во свт. Василия Великого, 2002.
24. Систематический каталог книг библиотеки высокопреосвященного Флавиана, митрополита Киевского и Галицкого, [с пятью прибавлениями] / Сост. игумен Михаил [Тростянский]. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1910–1915.
25. *Смолич И.К.* История Русской Церкви: 1700–1917 / Изд. Спасо-Преображенский Валаам. мон-рь. Ч. 1. М., 1996.
26. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: Сборник документов / Мин-во культуры РФ, НИИ реставрации; сост. В.С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997.
27. *Титлинов Б.* Феодосий Яновский // Русский биографический словарь. Т. 25. Яблоновский–Фомин. С. 346–357.

28. *Титлинов Б.* Феофан Прокопович // Русский биографический словарь. Т. 25. Яблоновский — Фомин. С. 399–448.
29. *Шкаровский М.В.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в 1922–1927 годах // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». С. 104–145.
30. *Шкаровский М.В.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2-х т. / Рук. проекта еп. Назарий (Лавриненко); гл. ред. А.А. Зимин; при уч. свящ. А.В. Берташа, Л.К. Александровой-Чуковой; Свято-Троицкая Александро-Невской Лавра. СПб., 2012.
31. *Щеглов Г.Э.* Хранитель: жизненный путь Федора Михайловича Морозова / Мин. ДА. Минск: Врата, 2012.

Н.Т. Карамышев

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ДОЛОЦКИЙ — ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР ЛИТУРГИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Цель статьи — восполнить пробел в отношении В.И. Долоцкого как преподавателя литургии, дав краткий очерк его жизни и деятельности. В процессе преподавания В.И. Долоцким использовался исторический подход в литургии, который при этом носил фрагментарный характер. Именно В.И. Долоцким были заложены основы научной литургии в СПбДА в переломный момент перед реформой 1869 г. и в первые пореформенные годы. В.И. Долоцкий может считаться первым православным ученым-литургистом в строгом смысле этого слова.

Ключевые слова: Долоцкий В.И., литургия, традиция, исторический метод, новизна, научное исследование, Санкт-Петербургская духовная академия, духовное образование, богословская наука.

В процессе реформы начала XIX в. по преобразованию духовных академий в высшие школы в учебные планы академий был включён особый предмет — церковные древности. Предмет был связан с церковной историей и под «церковными древностями» подразумевали древности учения, древности богослужения, а также древности состава иерархии Церкви и общества. К началу 40-х годов XIX в. «церковные древности» были выделены в особую кафедру. В преподавании литургии проявились главные аспекты: священные места богослужения, времена богослужения, действия богослужения.

В конце 60-х годов из кафедры церковных древностей выделяются две дисциплины: церковная археология и литургия, и по Уставу 1869 г. в академиях учреждается особая кафедра церковной археологии и литургии. Перед преподавателями стояли трудные задачи по перестройке дисциплин. церковная археология должна была стать наукой о памятниках церковного искусства, а литургия — наукой об истории богослужения.

Литургической науке в течение последующих 30–45 лет удалось достичь значительных результатов благодаря совокупным усилиям нескольких поколений преподавателей кафедры «церковной археологии и литургии. Литургия, как одна из областей богословия, достигла высокого развития в российских ду-

Николай Тихонович Карамышев — соискатель степени кандидата богословия при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете на кафедре истории Русской Православной Церкви (karanikt@yandex.ru).

ховных академиях и имела общепризнанные успехи¹. Значение трудов российских учёных по литургики — непреходящее, и наследие российских литургистов в наше время привлекает не только отечественных ученых, но и представителей иных стран и конфессий².

Данная статья посвящена Василию Ивановичу Долоцкому, преподавателю столичной Санкт–Петербургской духовной академии (СПбДА), который преподавал литургику на протяжении более, чем 30 лет, с 1840 по 1873 г. В.И. Долоцкий является одним из преподавателей литургики, трудами которого совершалось становление литургики как науки. О Василии Ивановиче нет специальных исследований, а есть лишь упоминание в работах, посвящённых российской литургической науке в целом или истории СПбДА³. Мтатья, посвящённая Василию Ивановичу Долоцкому, нет даже в многотомном издании «Православной энциклопедии»⁴. При этом историки литургики признают, что В.И. Долоцкий был не только первым заведующим кафедрой литургики в СПбДА с момента ее учреждения в 1839 г., но «может считаться и первым православным ученым-литургистом в строгом смысле этого слова»⁵. Поэтому цель настоящей статьи — восполнить пробел в отношении В.И. Долоцкого как преподавателя литургики, дав краткий очерк его жизни и преподавательской деятельности. В статье затронуты наиболее важные аспекты учебной деятельности В.И. Долоцкого — учебные курсы и взаимодействие со студентами; особенно же его научной деятельности предполагается рассмотреть в другой статье.

¹ Сухова Н.Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. С. 137.

² См., например: *Aalst G., van.* A.A. Dmitrievsky (1856–1929): Biographische gegevens en zijn liturgische leer vooral over het liturgisch typon // *Het Christelijk Oosten.* Nijmegen, 1955. V. 7. P. 29–37, 212–225; 1956. V. 8. P. 163–176 и др.

³ *Желтов М., свящ.* Обзор истории православной литургической науки до конца XX века // Сайт «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1883125.html> (дата размещения: 17.09.2011.); *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. богосл. СПбПДА, 2008; *Мокроусов К.* Литургико-археологическое наследие проф. Санкт-Петербургской духовной академии Н.В. Покровского. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. богосл. СПбПДА, 2006; Русские писатели-богословы: Библиографический указатель. Выпуск 3. Исследователи богослужения и церковного искусства. М., 2004. С. 47–50; *Силуан (Конев), иеродиак.* Жизнь и труды профессора Санкт-Петербургской духовной академии Покровского Н.В. (1848–1917). Дипл. раб. СПбПДА, 2005; *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.

⁴ См.: *Православная энциклопедия.* Т. XV. М., 2007.

⁵ *Желтов М., свящ.* Обзор истории православной литургической науки до конца XX века. Там же.

Заметим сразу, что преподавательская деятельность В.И. Долоцкого развивалась как под воздействием его собственных усилий — накопления и систематизации данных, обработки методов, понимания ключевых проблем преподаваемых дисциплин, так и под определенным влиянием внешних обстоятельств — прежде всего, действующих Уставов академий (1814, 1869 гг.), а также общих тенденций в научно-учебном пространстве.

Василий Иванович Долоцкий родился 4 января 1815 г.⁶ в Санкт-Петербурге в семье потомственного священника. Дед литургиста Василий Долоцкий († 1809) был священником Гдовского уезда. Отец Иван Васильевич Долоцкий (ок. 1786 – 1852) окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1811 г. и служил в Благовещенской церкви на Васильевском острове, а впоследствии — в церкви на Волковском кладбище до выхода за штат. Родной брат Александр (ок. 1820 – 27.06.1860) также окончил духовную семинарию (1839) и Санкт-Петербургскую духовную академию (1843) и служил священником церкви Волковского кладбища, а с 1853 г. — священником Скорбященской церкви за Литейным двором⁷. Род матери Василия Ивановича также был священническим, причем здесь родословная священнослужителей прослеживается до второй половины XVII в.⁸

Василий Иванович не был женат⁹ и не имел потомков по прямой линии, но живы потомки его родного брата Александра по линии сына последнего, Николая Александровича (род. 1854 г.).

Василий Долоцкий учился в духовном училище и духовной семинарии, а затем с 1833 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1837 г. со степенью магистра богословия, заняв в разрядном списке XII курса (1833 – 1837) 5-е место¹⁰. После окончания академии он был определен инспек-

⁶На надгробной плите В.И. Долоцкого указана дата рождения 4 января 1815 г., а в некрологе указана другая дата рождения — 3 января 1814 г. (см. Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819).

⁷Долоцкие (род профессора) // Генеалогический сайт А.А. Бовкало. URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/spbd/dolotskyur.htm> (дата обращения: 15.01.2014.).

⁸Долоцкие // Сайт «Наша родословная: Генеалогические исследования Андрея Новожилова и Нины Белозеровой». URL: <http://novbelgen.net/dl> (дата обращения: 01.01.2014).

⁹По крайней мере, в 1859 г. В.И. Долоцкий был холост, и нет других источников о его семейном положении и его родственниках по прямой линии. (В деле о службе профессора Василия Долоцкого, которое можно датировать 1859 г. и позднее, указано: «Холост. Казенную квартиру имеет в здании академии». ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого).

¹⁰*Родословный А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской академии 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. XLVIII.

тором и учителем Александро-Невских духовных училищ, но уже в 1838 г. переведен в СПбДА бакалавром по классу французского языка¹¹. Через некоторое время В.И. Долоцкий был определен на новообразованную кафедру церковных древностей бакалавром «учения о богослужении (с 18 августа 1839 г.)»¹². Согласно Уставу 1869 г., в академии была учреждена самостоятельная кафедра церковной археологии и литургики, которую Василий Иванович занимал вплоть до своего выхода в отставку в 1873 г. Таким образом, Василий Иванович Долоцкий был первым профессором литургики со времени введения ее в Санкт-Петербургской духовной академии. «25 сентября 1851 г. он стал экстраординарным, с 19 декабря 1852 г. ординарным профессором»¹³, а в 1870 г. утвержден в звании заслуженного ординарного профессора.

После выхода в отставку в 1873 г. — согласно Уставу 1869 г. академическим профессорам не позволялось продолжать службу более 35 лет — по особому ходатайству столичного митрополита Исидора (Никольского) Св. Синод разрешил В.И. Долоцкому прослужить еще один год. Таким образом, своей *alma mater* Василий Иванович отплатил «36 годами усердной и полезной службы во всевозможных должностях и званиях»¹⁴. В 1880 г. Совет Санкт-Петербургской духовной академии избрал Василия Ивановича почетным членом академии.

В.И. Долоцкий много трудился и как преподаватель и как ученый. Им был напечатан целый ряд статей по преподаваемой им науке в журнале «Христианское чтение». Однако академические лекции Долоцкого не были опубликованы и, хотя неоднократно литографировались, к сожалению, не дошли до нас. Сохранились лишь рукописные программы лекций по церковной археологии и литургики и некоторые учебные пособия.

Во время своей долголетней службы в академии Василий Иванович, кроме прямых своих обязанностей, участвовал в качестве переводчика и редактора в издании творений святых отцов и историков Церкви в приложении к журналу «Христианское чтение». С 1848 по 1854 гг. В.И. Долоцкий исполнял должность секретаря Духовного цензурного комитета при СПбДА¹⁵. С 1855 по 1857 гг. был

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

¹² Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819; Языков Д.Д. Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Библиограф. 1886. № 6/7. С. 100.

¹³ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 343.

¹⁴ Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

редактором второго раздела журнала «Христианское чтение», в котором печатались «переводы писаний св. отцов и учителей греческой Церкви, относящихся к истолкованию православного богослужения»¹⁶, а с 1858 по 1863 гг. был одним из редакторов переводов византийских историков VIII – середины XIV вв.¹⁷.

К тому же в 1841 г. В.И. Долоцкий «временно преподавал герменевтику и чтение Св. Писания»¹⁸, а также исполнял почти все академические должности, начиная с помощника библиотекаря, помощника инспектора, инспектора, библиотекаря, помощника эконома, и кончая должностью ректора. Должность ректора «он исправлял двукратно, и притом второй раз — более года (с 9 сентября 1871 и по 12 ноября 1872 гг.)»¹⁹.

Василий Иванович имел неоднократные благословения Св. Синода и благодарности, был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память войны 1853–1856 гг.» и орденом св. Анны 2-ой степени в 1859 г.²⁰ «за беспорочную многолетнюю службу в одной должности»²¹. 16 апреля 1872 г. Василий Иванович был пожалован чином действительного статского советника, хотя «прежде гражданских чинов не получал»²². Получение сразу столь высокого гражданского чина было неординарным случаем, ибо для производства в чин действительного статского советника был установлен срок службы в 10 лет со времени получения предыдущего чина²³.

Своей многолетней опытностью, знанием дел и людей Долоцкий оказывал важные и ценные услуги академии: с его участием решались многие сложные академические дела, за что сослуживцы называли Василия Ивановича «своим Нестором».

Василий Иванович Долоцкий скончался после продолжительной и тяжёлой болезни 20 ноября (2 декабря по н.ст.) 1885 г. Примечательно, что дата кон-

¹⁶ Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917) К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6(41). С. 58.

¹⁷ Там же. С. 51–62.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

¹⁹ Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

²¹ Характерен девиз этого ордена, изображенный начальными латинскими буквами AJPF: Amantibus Justitiam, Pietatem, Fidem (Любящим правду, благочестие, верность).

²² Чистович И.А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. С. 158.

²³ Гражданский чин действительного статского советника соответствовал званиям генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте и давал потомственное дворянство.

чины В.И. Долоцкого приходится на предпразднство Введения Богородицы во Храм, а заупокойная литургия и отпевание пришлось на 25 ноября (7 декабря по н.ст.) попразднство Введения Богородицы во Храм²⁴.

В речи перед отпеванием проф. В.Г. Рождественским были сказаны почувствованные слова. Прежде всего, был отмечен нравственный характер личности Василия Ивановича, который выделял его в академии: честность слов и искренность отношений, сердечное сочувствие и благожелательность ко всем. Добавим к общему портрету конкретные дела, характеризующие нравственные качества личности Василия Ивановича.

Так, В.И. Долоцкий вместе с И.Е. Троицким²⁵ выразили согласие и были назначены опекунами малолетних сирот (Петра, Ивана, Семёна) умершего священника Георгия Полесского и жены его Анны Андреевой Полесской (ур. Павловской²⁶), которые доводились им ближайшими родственниками. По определению Консистории от 13 мая 1866 г. опекуны, «имея в воспитании сирот и сохранении имущества должное попечение», подавали бы «в Консистирию ежегодно в январе месяце сведения о положении сирот и состоянии имущества»²⁷.

Личные сбережения В.И. Долоцкий оставил в распоряжении родной академии, выразив в своем духовном завещании посмертную волю: «Препроводить в совет СПбДА билетами 1<-го> восточного займа 1600 руб. с тем, чтобы капитал этот оставался неприкосновенным, а проценты с него ежегодно выдаваемы были по удостоению Совета академии под именем «премии профессора Долоцкого», за лучшее кандидатское сочинение по церковной археологии и литургике»²⁸. По представлению митрополита Исидора Св. Синод утвердил учрежде-

²⁴Василий Иванович Долоцкий: Некролог // Новое время. 1885. № 3498, 22 ноября (4 декабря). СПб.

²⁵Троицкий Иван Егорович, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор СПбДА. Выпускник СПбДА — 7-й магистр XXII курса (1855–1859 гг.).

²⁶А.А. Полесская (Павловская) являлась племянницей В.И. Долоцкому. См.: Долоцкие // Сайт «Наша родословная: Генеалогические исследования Андрея Новожилова и Нины Белозеровой». URL: <http://novbelgen.net/dl> (дата обращения: 01.01.2014).

²⁷ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 4. Д. 10. Дело о назначении профессора академии Долоцкого В.И., бакалавра Троицкого И. опекунами детей умершего священника Полесского (1866).

²⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 167. Д. 403. Дело об учреждении при СПб духовной академии премии бывшего профессора оной Долоцкого, за лучшее кандидатское сочинение по церковной археологии и литургике (1886).

ние в СПбДА с 1886 г. премии профессора Долоцкого. Она составляла около 85 руб., но присуждалась не каждый год²⁹.

В отпевании, совершенном ректором академии преосвященным Ладожским Арсением (Брянцевым), участвовали инспектор академии архимандрит Антоний (Вадковский), председатель Учебного комитета при Св. Синоде протоиерей А.И. Парвов и до 40 протоиереев и священников, преимущественно учеников и слушателей почившего наставника³⁰. Долг уважения В.И. Долоцкому отдали также профессора академии и студенты, бывший ректор академии протопресвитер Иоанн Янышев и многие другие лица. После отпевания присутствующие «длинной, медленно движущейся процессией провожали покойного профессора до нового Алек<сандро>.-Нев.<ского> кладбища»³¹. Таково было уважение к Василию Ивановичу. Погребен В.И. Долоцкий был в Александроневской Лавре на Никольском кладбище.

Чтения В.И. Долоцкого по литургики и церковной археологии не блистали каким-либо изысканным красноречием, но производили глубокое впечатление на слушателей. Так, профессор В.Г. Рождественский вспоминал: «Как тихою, величавою степенною походкою входил убеленный уже сединами в аудиторию и сев за кафедру, также тихим, спокойным, но хорошо внятным, голосом начинал обыкновенно чтение»³². В.И. Долоцкий не любил «выставлять что-либо из сокровищ своего знания как бы на показ, на удивление своих слушателей», но «богатые сокровища его ученой эрудиции были очевидны для всех, как для всех был также очевиден и его необыкновенно светлый ум, его искусство со всею ясностью передать самые мельчайшие подробности того или другого предмета из церковно-богослужебной старины»³³. Он, как опытный преподаватель, читал лекции четко и ясно, доступно для понимания студентов. Его бывший студент преосвященный Никанор (Бровкович) подчеркивал в своих автобиографических материалах: «В.И. Долоцкий читал свою литургику всегда по тетрадке,

²⁹Выпускники, удостоенные премии профессора В.И. Долоцкого: Сперовский Николай (1890 г.); Петровский Александр (1892 г.); Пападополо-Керамевс Константин (1901 г.); Терентьев Виктор (1902 г.); Рутковский Александр (1911 г.).

³⁰Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819.

³¹Погребение В.И. Долоцкого // Петербургский листок. 1885. № 322. 26 ноября (8 декабря). С. 2.

³²Рождественский В.Г., прот. Речь перед началом отпевания Долоцкого В.И. // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 820.

³³Там же.

всегда из курса в курс одно и то же, читал отдельно по слову, ясно, просто и логично, и со знанием дела. Это просто было и слушать, и понимать»³⁴. Однако свидетельство другого ученика В.И. Долоцкого, окончившего академию через шесть лет после преосвященного Никанора, протоиерея Феодора Павловича³⁵, дает основание усомниться в том, что профессор читал из курса в курс «одно и то же». Это свидетельство выразилось в стихотворной форме:

«Д-<олоц>кий любитель
Святой старины,
Был редкий учитель
С любой стороны.

Немного с запинкой
Всегда говорил,
Но часто новинкой
Ученой дарил.

И тактом, и речью
Почтенье внушал;
А мыслью, как течью,
Насквозь прошибал»³⁶.

При жизни Василий Иванович не опубликовал своего курса лекций по литургии. Что помешало ему окончательно обработать и опубликовать записи в виде пособия по литургии: нехватка времени, слабое здоровье (в последние годы жизни он тяжело болел) или какие-то другие причины? Автор некролога³⁷

³⁴ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические материалы: В 3 т. Т. I. / Под ред. свящ. С. Петровского. Одесса, 1900. С. 256. Никанор (Бровкович Александр Иванович; 1826–1890), архиепископ Херсонский и Одесский — выпускник СПбДА (1851), 1-й магистр XIX курса.

³⁵ Павлович Феодор Александрович (1832–1905), протоиерей — выпускник СПбДА (1857), 6-й магистр XXII курса. Любил поэзию и издал в 1890 г. отдельной книгой свои стихи «На досуге. Стихотворения прот. Ф. Павловича». В стихотворении «Тени прошлого» поэт даёт характеристики двенадцати современным ему профессорам родной академии: епископу Макарию (Булгакову), Иоанну Соколову, В.И. Долоцкому, В.Н. Карпову, М.И. Голубеву, К.И. Лучицкому и др. Характеристики зачастую были не только меткими, но и едкими.

³⁶ *Павлович Ф.А., прот.* На досуге. Стихотворения. СПб., 1890. С. 141. Цит. по: *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1869. СПб., 1907. С. 143.

³⁷ Автором некролога в Церковном вестнике (1885. № 48. С. 819), предположительно, является И.Е. Троицкий.

отмечал: «Странная судьба постигла эти учено-литературные труды покойного. Прежде, чем он успел их окончательно обработать и привести в систему, как на них набросились бездарные кропатели разных учебников и популярных брошюр по предмету богослужения и буквально разнесли их по строчкам. Та же судьба постигла и его записки в руках семинарских преподавателей. Те и другие странствовали, и странствуют по белому свету под всевозможными именами, кроме имени их действительного автора-собственника»³⁸. На основании этого замечания можно предположить, что В.И. Долоцкий готовил свой курс лекций к изданию, и составленные им записки активно использовались в качестве материала для издаваемых учебников и брошюр по литургики. По мнению автора некролога, это являлось примером «наглой эксплуатации», но Василий Иванович «не желал судиться со своими хищниками» и приостановился с дальнейшим обнародованием своих трудов. А выход из академии на пенсию и слабое здоровье заставили его совсем отказаться от продолжения работы над изданием печатного курса лекций по богослужению. Лекции В.И. Долоцкого слушали будущие преподаватели литургики в СПбДА А.Л. Катанский (в 1862–1863 гг.) и Н.В. Покровский (в 1871–1872 гг.).

В период действия Устава 1869 г. предмет церковная археология и литургика относился к церковно-практическому отделению, к нему же относилась и соответствующая кафедра. Устав 1869 г. предполагал двухэтапную специализацию студентов — по отделениям на трёх первых курсах и по группам наук на IV курсе, поэтому студентам II и III курсов церковно-практического отделения В.И. Долоцкий читал лекции, а со студентами IV курса проводил специально-практические занятия. Кроме того, студенты III курса писали кандидатские сочинения по предметам их отделений, в том числе — по церковной археологии и литургики. Но сочинений по этим дисциплинам, как правило, было немного³⁹, что, видимо, было связано с труднодоступностью соответствующих источников и относительной новизной этих наук. Такое положение было не только в СПбДА, но и в МДА⁴⁰, и в других академиях.

³⁸Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819.

³⁹«Так, в 1873 г. в СПбДА было представлено 2 сочинения по библейской археологии и 1 — по литургики» (см.: Отчет о состоянии Санкт-Петербургской духовной академии за 1873 г. // Христианское чтение. 1874. № 3. С. 464).

⁴⁰Преподававший в МДА соответствующие дисциплины А.Л. Катанский сетовал, что «2–3 диссертации, писанные по моему предмету, не попали в число магистерских». Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора: (с 1847 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1914. № 10. С. 1218.

На практических занятиях со студентами IV курса внимание акцентировалось на изучении греческих литературных источников и современной западной литературы по предмету, разбирались также учебники и пособия по отдельным темам⁴¹. Студенты упражнялись «в составлении уроков применительно к требованиям подготовки преподавателя семинарии и в произнесении этих уроков в присутствии наставника»⁴².

В академии проводились и публичные испытания студентов. Готовилась программа испытаний, в которую включались разделы из всех предметов, по которой и проводились испытания. Каждый преподаватель составлял конспект для подготовки студентов по разделу своего предмета. На выпускные экзамены выносились определённые разделы курса, например: «О чтении Священного Писания и пении священных песней при богослужении»⁴³ или «О священных сосудах».

В.И. Долоцкий преподавал литургику на протяжении длительного периода времени — более 30 лет. Период преподавания характерен тем, что в начале преподавания использовались сложившиеся традиции, а основным учебным пособием служила «Скрижаль» преосвященного Вениамина. Впоследствии, при появлении новых источников и литературы, доступных в использовании, В.И. Долоцкий постепенно начинает применять в церковной археологии и литургике исторический подход. В конце его деятельности произошла перестройка преподавательского процесса и структуры курса в связи с положениями Устава 1869 г., но почва для этого В.И. Долоцким была уже подготовлена.

В немногочисленной литературе, содержащей упоминания о В.И. Долоцком⁴⁴, а также в некрологах указывается, что он занял кафедру, на которой преподавалась литургика⁴⁵, в 1839 г., т.е. с момента выделения в академии этой дисциплины. Однако архивные документы позволяют уточнить эту дату. В рукописном фонде Василия Ивановича Долоцкого находятся два документа,

⁴¹ ОР РНБ Ф. 1183. (В.И. Долоцкий). Д. 33. Антиминс. Учебное пособие. Писарский почерк, 4 экз. без даты.

⁴² Отчет о состоянии Санкт-Петербургской духовной академии за 1873 г. // Христианское чтение. 1874. № 3. С. 462.

⁴³ ОР РНБ Ф. 1183. (В.И. Долоцкий). Д. 19. Конспект для публичного испытания студентов СПбДА XVIII академического курса по классу православной литургики. 1849 г.

⁴⁴ См. например: *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 353; Русские писатели-богословы: Библиографический указатель. Выпуск 3. Исследователи богослужения и церковного искусства. М., 2004. С. 47–50. Долоцкий Василий Иванович (1815–1885). Долоцкий Василий Иванович: Некролог // Библиограф. 1886. № 6/7. С. 100.

⁴⁵ До 1869 г. кафедра носила название «Церковных древностей», а по Уставу 1869 г. — «Церковная археология и литургика».

позволяющие выявить дату начала преподавания им литургики. Первый документ — «Студентам высшего отделения Санкт-Петербургской духовной академии в первую половину 1840-го года, из учения о Церкви излагаемо было учение о общественном богослужении. Пройдены следующие части сего учения»⁴⁶ — датирован 16 июня 1840 г. и подписан бакалавром священником Михаилом Богословским. Второй документ — «Конспект предметов, преподанных студентам С.П.бургской духовной академии XV-го учебного академического курса: по классу учение о Церкви»⁴⁷ — датирован 24 мая 1843 г. и подписан бакалавром Василием Долоцким. Таким образом, видимо, до Долоцкого курс по литургике преподавал священник Михаил Богословский⁴⁸, программой которого мог воспользоваться Василий Иванович при продолжении чтения этого курса во второй половине 1840/41 уч. г.

Поэтому можно предположить, что В.И. Долоцкий начал самостоятельное преподавание на кафедре не ранее первой половины 1840 г. Видимо, начало самостоятельного преподавания В.И. Долоцкого на кафедре задержало и то, что преподавание литургики ему поручено «с оставлением за ним класса французского языка»⁴⁹, от какового В.И. Долоцкий был «уволен по прошению» лишь в 1843 г.⁵⁰

В процессе преподавания как структура учебного курса литургики, так и его конкретные разделы подвергались неоднократной переработке, происходило постепенное формирование литургики как науки, причем объяснение богослужения совершенствовалось с учетом исторического подхода. Проследим это по рукописным и литографированным программам литургики В.И. Долоцкого.

⁴⁶ОР РНБ Ф. 1183. (В.И. Долоцкий). Д. 55. Свящ. Михаил Богословский. План лекций студентам СПбДА по классу чтения о общественном богослужении в первой половине 1840 г.

⁴⁷Там же. Д. 18. Бакалавр Василий Долоцкий. Конспект предметов, преподанных студентам С.П.бургской духовной академии в XV-го учебного академического курса: по классу учение о Церкви. 1843 г.

⁴⁸Богословский Михаил Измайлович (1807–1884), протопресвитер — выпускник СПбДА (1831), 1-й магистр IX-го курса, по окончании курса оставлен при академии бакалавром греческого языка. С 1833 г. священник, с 1839 г. член Конференции СПбДА, вышел из академии в 1842 г. Доктор богословия.

⁴⁹Чистович И.А. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 353.

⁵⁰ЦГИА СПб Ф. 277. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

Так, в «Плане лекций»⁵¹ бакалавра Михаила Богословского от 1840 г. и в «Конспекте предметов»⁵² бакалавра Василия Долоцкого от 1843 г. «учение о общественном богослужении» излагалось в курсе «учения о Церкви». Программа Долоцкого 1853 г. имеет уже название «Краткая программа литургики»⁵³. В «Краткой программе литургики» 1853 года (см. рис. 1⁵⁴ и рис. 2⁵⁵) рукой Долоцкого внесены правки в разделы курса, что свидетельствует о переработке структуры курса.

В литографированной же программе («Программа лекций по церковной археологии и литургики»⁵⁶) на 1871/72 уч. г. во введении к предмету литургики отводится главное место. Важно отметить несколько новых черт этой программы. Во-первых, полностью переработано введение: в нем главное внимание уделяется необходимости и важности литургики, которая должна занять главное место в практическом отношении, а церковная археология — быть наукой вспомогательной. Во-вторых, во введение включен раздел «Источники и пособия по литургики». В-третьих, в раздел «Богослужение в кругу седмичном» включен новый пункт: «Древность установления суточных времен богослужения». В-четвёртых, в раздел «Праздники» включены новые пункты: 1) суббота: каждый день праздничный в Древней Церкви; 2) господские праздники: история праздников и образы празднования как в древности, так и в настоящее время; 3) происхождение праздников Креста Господня и образ их празднования.

Таким образом, за более, чем 30-летний период преподавания В.И. Долоцкого произошли заметные изменения в литургики как науке и учебной дисциплине. Если начался преподавательский путь с использованием старых тра-

⁵¹ ОР РНБ Ф. 1183. (В.И. Долоцкий). Д. 55. Свящ. Михаил Богословский. План лекций студентам СПбДА по классу чтения о общественном богослужении в первой половине 1840 г.

⁵² Там же. Д. 18. Бакалавр Василий Долоцкий. Конспект предметов, преподанных студентам С.Петербургской духовной академии в XV-го учебного академического курса: по классу учение о Церкви. 1843 г.

⁵³ Там же. Д. 18. Л. 28-33. Краткая программа литургики. 1853 г.

⁵⁴ Там же. Д. 18. Л. 28. Краткая программа литургики. 1853 г.

⁵⁵ Там же. Д. 18. Л. 33. Краткая программа литургики. 1853 г.

⁵⁶ Там же. Д. 20. Программа лекций по церковной археологии и литургики в 1871–1872 учебном академическом году. Введение. 1. Понятие о церковной археологии и литургики. 2. Тесная связь между семи науками, из которых последняя должна занять в церковно-практическом отделении главное место и первая должна быть наукой вспомогательной. 3. Задача литургики, читаемой в связи с археологией. 4. Место литургики в кругу богословских наук. 5. Необходимость и важность литургики. 6. Разделение литургики. 7. Источники и пособия по изучению литургики.

диций и подходов, то закончился он перестройкой всего учебного процесса, зафиксированной Уставом 1869 г.

Начало преподавания В.И. Долоцкого традиционно носило назидательно-истолковательный характер объяснения форм церковного богослужения: древние обряды и предметы принимались и рассматривались в законченно-символической форме. В процессе же преподавания В.И. Долоцким постепенно создавались предпосылки для использования в литургики исторического подхода, который объясняет не только богослужение, но и развитие богослужения, появление богослужебных форм и обрядов. Правда у В.И. Долоцкого исторический подход носит еще фрагментарный характер, но именно В.И. Долоцким были заложены основы научной литургики в СПбДА в переломный момент перед реформой 1869 г. и в первые пореформенные годы.

* * *

Выражаю благодарность Андрею Новожилову и Нине Белозёровой за любезно предоставленные копии документов:

РГИА Ф. 796. Канцелярия Св. Синода.

1. Оп. 167. Д. 403. Дело об учреждении при СПб духовной академии премии бывшего профессора оной Долоцкого, за лучшее кандидатское сочинение по церковной археологии и литургики.

ЦГИА СПб. Ф. 277. Санкт-Петербургская духовная академия.

2. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

3. Оп. 4. Д. 10. Дело о назначении профессора академии Долоцкого В.И., бакалавра Троицкого И. опекунами детей умершего священника Полесского (1866).

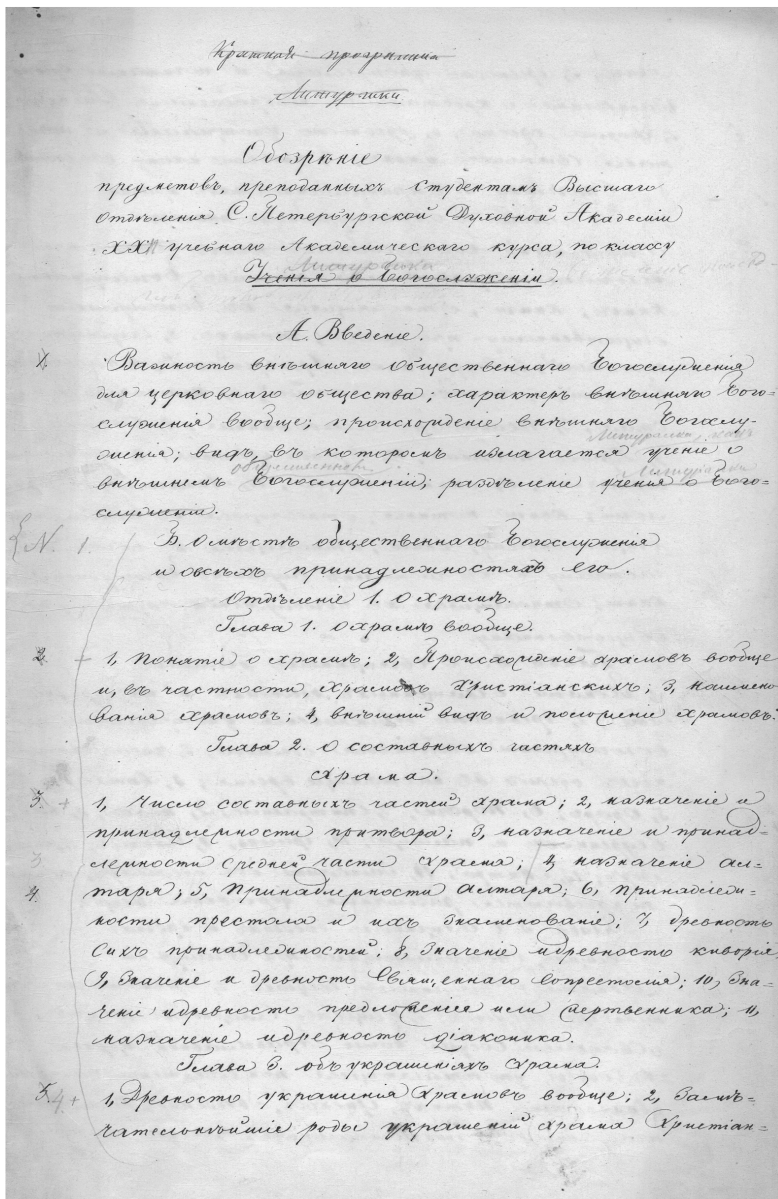

Рис. 1. Первый лист программы литургики В.И. Долоцкого. 1853 г.

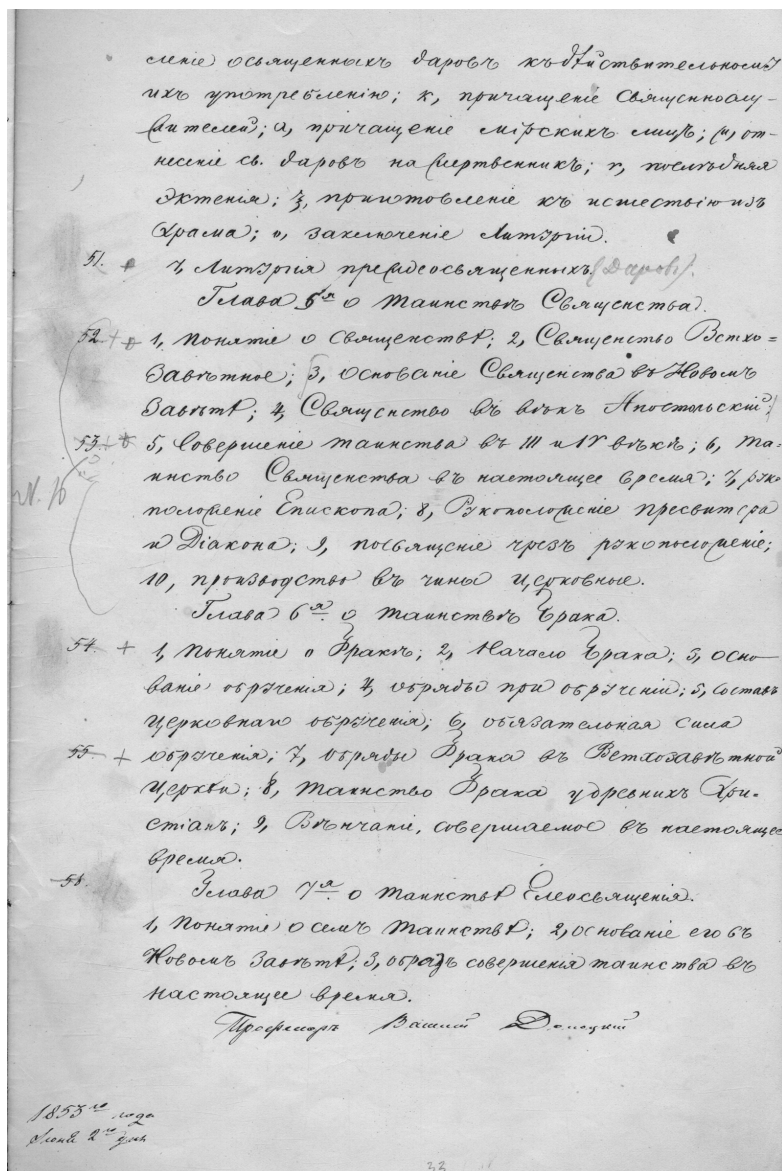

Рис. 2. Последний лист программы литургики В.И. Долоцкого. 1853 г.

Источники и литература

1. Источники

1.1. Архивные документы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 796. Канцелярия Св. Синода.

1. Оп. 167. Д. 403. Дело об учреждении при СПб духовной академии премии бывшего профессора оной Долоцкого, за лучшее кандидатское сочинение по церковной археологии и литургике.

Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 277. Санкт-Петербургская духовная академия.

2. Оп. 1. Д. 484. Дело о службе профессора Василия Долоцкого.

3. Оп. 4. Д. 10. Дело о назначении профессора академии Долоцкого В.И., бакалавра Троицкого И. опекунами детей умершего священника Полесского (1866).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 1183. Долоцкий Василий Иванович.

4. Д. 18. Конспект предметов, преподанных студентам С.П.бургской духовной академии в XV-го учебного академического курса: по классу учение о Церкви. 1843 г.

5. Д. 18. Л. 28–33. Краткая программа литургики. 1853 г.

6. Д. 19. Конспект для публичного испытания студентов СПбДА XVIII академического курса по классу православной литургики. 1849 г.

7. Д. 20. Программа лекций по церковной археологии и литургике в 1871/72 учебном академическом году. 1872 г.

8. Д. 33. Положение об антиминсе. Учебное пособие. Б/д.

9. Д. 37. Рукописные листы. Переводы по истории: Адам Бременский «Церковная история (История Гамбургской церкви)».

10. Д. 39. Рукописные листы к переводу святого Григория, папы Римского «Книга о пастырских обязанностях Иоанну, епископу Равенны».

11. Д. 40. Рукописные листы к переводу святого отца нашего Григория Великого, папы Римского, из Книги пастырских правил, часть третья: «О том как пастырь, хорошо живущий, должен учить и наставлять пасомых».

12. Д. 41. Рукописные листы к переводу святого отца нашего Григория Нисского «Слово на Святую Пасху».

13. Д. 43. Рукописные листы к переводу святого отца нашего Иоанна Дамаскина «Слово на Св. Великую Субботу».

14. Д. 44. Рукописные листы к переводу святого отца нашего Иоанна Дамаскина «Слово на Успение Всепетой, Всеславной и Преподобной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии».

15. Д. 45. Рукописные листы к переводу святого отца нашего Иоанна Златоуста «Слово на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа».

16. Д. 46. Рукописные листы к переводу: Иустин Мученик «Диалог с Трифоном иудеем».

17. Д. 47. Рукописные листы. Переводы по истории: Феодорит Кирский «Церковная история».

18. Д. 55. Свящ. Михаил Богословский. План лекций студентам СПбДА по классу чтения о общественном богослужении в первой половине 1840 г.

1.2. Опубликованные документы

19. Годишное торжественное собрание Санкт-Петербургской духовной академии 17 февраля 1871 года // Христианское чтение. 1871. № 2. С. 242–277.

20. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1871 год // Христианское чтение. 1872. № 3. С. 471–516.

21. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1872 год // Христианское чтение. 1873. № 3. С. 490–524.

22. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1873 год // Христианское чтение. 1874. № 3. С. 435–476.

23. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1890 год // Христианское чтение. 1891. № 3/4. С. 333.

24. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1892 год // Христианское чтение. 1893. № 3/4. С. 337.

25. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1901 год // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 379–380.

26. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1902 год // Христианское чтение. 1903. № 3. С. 516.

27. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1911 год. СПб., 1912. С. 50.

28. Устав православных духовных академий // Христианское чтение. 1869. №7. С. 1–35.

1.3. Периодическая печать

29. Василий Иванович Долоцкий: Некролог // Новое время. 1885. № 3498. 22 ноября (4 декабря).
30. Василий Иванович Долоцкий: Некролог // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819.
31. Погребение В.И. Долоцкого // Петербургский листок. 1885. № 322. 26 ноября (8 декабря). С. 2.
32. *Рождественский В.Г., прот.* Речь перед началом отпевания Долоцкого В.И. // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 819–820.
33. *Языков Д.Д.* Василий Иванович Долоцкий: Некролог // Библиограф. 1886. № 6/7. С. 100.

1.4. Научные статьи, воспоминания и мемуары преподавателей СПбДА, учебные пособия по изучению литургики других авторов

34. *Долоцкий В.И.* О исповеди // Христианское чтение. 1842. № 1–6. С. 450–468.
35. *Долоцкий В.И.* О чтении Св. Писания при богослужении // Христианское чтение. 1846. Ч. 3. С. 145–160.
36. *Долоцкий В.И.* О христианских храмах // Христианское чтение. 1847. Ч. 2. С. 453–467, Ч. 4. С. 282–302.
37. *Долоцкий В.И.* О составных частях храма // Христианское чтение. 1847. Ч. 3. № 7. С. 131–163.
38. *Долоцкий В.И.* О священных одеждах // Христианское чтение. 1848. Ч. 1. С. 325–345.
39. *Долоцкий В.И.* Праздник Рождества Христова // Христианское чтение. 1849. Ч. 2. С. 432–450.
40. *Долоцкий В.И.* Святая и Великая Суббота // Христианское чтение. 1850. Ч. 1. С. 275–292.
41. *Долоцкий В.И.* О священных сосудах и других вещах, употребляющихся при богослужении в Православной Церкви // Христианское чтение. 1852. Ч. 1. С. 88–104.
42. *Долоцкий В.И.* Когда и кем написаны греческие службы, входящие в состав месячной Минеи // Христианское чтение. 1860. Ч. 2. С. 39–54, 136–170.
43. *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора: (С 1847 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1914. № 10. С. 1217–1233.

44. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические материалы. В 3 т. Т. I / Под редакцией свящ. С. Петровского. Одесса, 1900. С. 255–256.

45. *Смолодович Д.* Литургика, или Наука о богослужении Православной Восточной Церкви. Киев, 1860.

46. *Черняев А.* Подробное систематическое указание состава литургики, или Науки богослужения Православной Церкви. Харьков, 1859.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, курсовые сочинения студентов духовных академий

47. Богословские труды: Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986.

48. *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс. на соискание ученой степени канд. богосл. СПбДА, 2008.

49. *Карпук Д.А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917). К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6(41). С. 41–89.

50. *Мокроусов К.* Литургико-археологическое наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н.В. Покровского. Дисс. на соискание ученой степени канд. богосл. СПбДА, 2008.

51. *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1869. СПб., 1907.

52. Русские писатели-богословы: Библиографический указатель. Выпуск 3. Исследователи богослужения и церковного искусства. М., 2004.

53. *Силуан (Конев), иеродиак.* Жизнь и труды профессора Санкт-Петербургской духовной академии Покровского Н.В. (1848–1917). Дипл. раб. СПбДА, 2005.

54. *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2006.

55. *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012.

56. *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., 2009.

57. *Чистович И.А.* История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.

58. *Чистович И.А.* С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.

2.2. Электронные ресурсы

59. *Желтов М., свящ.* Обзор истории православной литургической науки до конца XX века // Сайт «Богослов.ru». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1883125.html> (дата размещения: 17.09.2011).

60. Долоцкие (род профессора) // Генеалогический сайт А.А. Бовкало. URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/spbd/dolotskypr.htm> (дата обращения: 15.01.2014.).

61. Долоцкие // Сайт «Наша родословная: Генеалогические исследования Андрея Новожилова и Нины Белозеровой». URL: <http://novbelgen.net/dl> (дата обращения: 01.01.2014).

Священник Иоанн Тарасов

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПРОФЕССОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА КАРАБИНОВА (1878–1937)

Статья посвящена описанию жизненного пути выдающегося литургиста начала XX в., профессора Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре литургики, магистра богословия Ивана Алексеевича Карабинова. Рассматриваются его детские годы, время обучения в духовных учебных заведениях и археологических институтах, научная и преподавательская деятельность, а также судьба после революции. Изложены биографические сведения о студентах, которые обучались в духовной академии и написали свои кандидатские сочинения под руководством И.А. Карабинова.

Ключевые слова: И.А. Карабинов, магистр богословия, СПбДА, ИИМК РАН, Поместный Собор, Тобольск, Н.В. Покровский, РАИК.

Расцвет Санкт-Петербургской духовной академии приходится на конец XIX и начало XX вв. В это время на пользу церковной науки здесь подвизались такие профессора, как Н.Н. Глубоковский, Н.В. Покровский, Т.В. Барсов, В.В. Болотов и многие другие, имена которых хорошо известны научному миру. Но имена молодых профессоров, которые трудились в академии в последние годы перед революцией и оставили после себя существенный след в церковной науке, часто остаются в тени.

Одним из таких забытых имен является имя экстраординарного профессора, последнего, возглавлявшего кафедру литургики в СПбДА до ее закрытия в 1918 г., Ивана Алексеевича Карабинова.

И.А. Карабинов. 1914 год.

Священник Иоанн Тарасов — магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской православной духовной академии (azxcds@mail.ru).

И.А. Карабинов родился 15 октября 1878 г. в селе Федоровское, Никульской волости, Юрьевского уезда, Владимирской губернии¹, куда после окончания Владимирской духовной семинарии в 1854 г. был отправлен штатным священником его отец — протоиерей Алексей Карабинов². Сейчас это одноименный поселок, расположенный во Владимирской области к югу от города Юрьева-Польского.

Из воспоминаний Олимпиады Ивановны Карабиновой, супруги Ивана Алексеевича, мы узнаём о том, в какой семье возростал будущий профессор: «отец, мать, крестная (сестра матери), брат и приемный сирота»³. Любовь к храму и богослужению были привиты ему с самого раннего возраста и оставили отпечаток на всю последующую жизнь. Он «помогал отцу в алтаре, был на разных трудах с отцом; он был очень любознательным»⁴.

Первоначальное образование И.А. Карабинов получил в Суздальском духовном училище, которое окончил в 1893 г. по первому разряду. За хорошие успехи и отличное поведение он был награжден 10 рублями процентных денег с капитала В.Я. Менци, бывшего почетного блюстителя училища и коллежского советника⁵. Окончив Суздальское училище, он был зачислен во Владимирскую духовную семинарию, которую также окончил по первому разряду в 1899 г.⁶

После окончания духовной семинарии И.А. Карабинов, успешно пройдя испытания, был принят на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию. В академии его учителем стал заслуженный ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургики СПбДА Николай Васильевич Покровский (1848–1917)⁷. Он являлся научным руководителем И.А. Карабинова при написании кандидатского сочинения и магистерской работы, был

¹См.: ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 910. Л. 1. Список выпускников СПбДА 1903 года; Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 10: Карабинов И.А. Личное дело. 1920–1927.

²См.: *Малицкий Н.В.* История Владимирской духовной семинарии. Вып. 1. М.: Печатня Снегиревой А.И., 1900. С. 123.

³*Карабинова О.И.* Жизнь Ивана Алексеевича Карабинова. Письмо / Машинопись по рукописи № 124892. Пярун, 1977. С. 2.

⁴Там же. С. 2

⁵См.: Список выпускников Суздальского духовного училища // Владимирские епархиальные ведомости. 1893. № 14. С. 317.

⁶См.: Список выпускников Владимирской семинарии // Владимирские епархиальные ведомости. 1899. № 13. С. 239.

⁷См.: *Пивоварова Н.В.* Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под. ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 146.

его преподавателем как в СПбДА, так и в Археологическом институте Санкт-Петербурга, о чем еще будет сказано ниже. Правда, в воспоминаниях О.И. Карабиновой «учителем-преподавателем» Ивана Алексеевича значится проф. Дмитрий Павлович Миртов, но из контекста письма трудно сказать, в каком именно смысле он упоминается в данном статусе⁸.

В 1902 г. на соискание ученой степени кандидата богословия Иван Карабинов выбрал одну из тем, предложенных проф. Н.В. Покровским, под названием «Происхождение и состав Постной Триоди»⁹. После написания сочинения проф. Н.В. Покровский составил на него положительный отзыв, а в 1904 г. работа была удостоена премии действительного статского советника в размере 150 рублей премии¹⁰.

В списках о переводе на следующий курс И.А. Карабинов всегда числился в первой тройке по успеваемости наряду с Б.В. Титлиновым и А.И. Аргентоным. В конце IV курса трое вышеуказанных студентов получили Макариевскую премию за высший общий балл по семестровым сочинениям за все четыре года обучения¹¹. Также И.А. Карабинов имел хорошую подготовку по различным языкам, в числе которых были греческий, немецкий, латинский и французский языки¹².

Обучаясь в духовной академии, И.А. Карабинов, как и многие его сокурсники, параллельно занимался в Археологическом институте Санкт-Петербурга, директором которого в эти годы был уже упомянутый нами проф. Н.В. Покровский¹³. В 1903 г. И.А. Карабинов прослушал полный курс Археологического института, и по предъявлению удостоверения об окончании духовной академии ему должны были выдать выпускной аттестат¹⁴.

После окончания академии в 1903 г. И.А. Карабинов был оставлен в качестве профессорского стипендиата при кафедре литургики и церковной археологии. На совете академии 11 июня того же года было принято решение о командировке И.А. Карабинова в Русский археологический институт в Константинополе для научных занятий. Он был отправлен в Константинополь на время

⁸ *Карабинова О.И.* Жизнь Ивана Алексеевича Карабинова. Письмо.

⁹ Отчет о состоянии СПбДА за 1902 год. СПб., 1903. С. 33.

¹⁰ См.: Отчет о состоянии СПбДА за 1903 год. СПб., 1904. С. 35.

¹¹ См.: ЖЗС СПбДА за 1902/3 уч. г. СПб., 1903. С. 223–224

¹² См: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 1.

¹³ См.: *Пивоварова Н.В.* Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив. С. 44.

¹⁴ Отчет о состоянии С.-Петербургского Археологического института в 1902–1903 учебный год // Вестник археологии и истории. 1904. Вып. XVI. С. XXXI.

своего стипендиатства с 16 августа 1903 г. по 15 августа 1904 г.¹⁵ Первую половину этого времени с сентября 1903 г. по 20 января 1904 г. И.А. Карабинов занимался при институте, а с 20 января по 22 августа 1904 г. путешествовал по различным библиотекам и святым местам Востока, изучая рукописные хранилища данных мест¹⁶. За это время ему удалось посетить «Синайский монастырь св. Екатерины, библиотеку св. Гроба Господня, Афинскую национальную библиотеку, афонские библиотеки Ватопеда, Есфигмена, Филофея, Каракалла, Ивера, Лавры св. Афанасия, Дионисиата и отчасти Руссика»¹⁷. Есть мнение, что за время своего путешествия по Востоку, И.А. Карабинов повторил маршрут, некогда пройденный проф. А.А. Дмитриевским.

После окончания стипендиатского года по предложению директора института Ф. И. Успенского И.А. Карабинов «остался еще на 1 год в Константинополе, в качестве заведующего русской школой для афонских послушников, причем имел возможность совместить свои обязанности по школе с занятиями по своей специальности в институтской библиотеке»¹⁸. Правда, в трудовой книжке, находящейся в Архиве ИИМК РАН, говорится, что это свидетельство «не подтверждено документально»¹⁹.

21 марта 1905 г. проф. Н.В. Покровский подал прошение о своем освобождении от штатной должности профессора СПбДА, которое 7 апреля 1905 г. указом Святейшего Синода за № 3704 было удовлетворено²⁰. 5 сентября 1905 г. на заседании Совета академии И.А. Карабинов был избран кандидатом на вакантную кафедру церковной археологии и литургики²¹. 6 и 10 октября того же года им были прочитаны пробные лекции, назначенные Советом, первую из которых он читал «на тему по собственному избранию: «Происхождение византийской церковной поэзии», а вторую — по назначению Совета на тему: «Литургия ап. Иакова»»²².

В своем автобиографическом очерке проф. Н.В. Покровский пишет, что И.А. Карабинов под его руководством «готовился к кафедре церковной ар-

¹⁵ См.: Памятная книга СПбДА за 1913–14 уч. г. 1914. С. 22.

¹⁶ См.: ЖЗС СПбДА за 1904/5 уч. г. СПб., 1905. С. 225.

¹⁷ Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1904 году // Известие РАИК. В 16 т. Т. 13. София: Державна печатница, 1908. С. 311.

¹⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 7.

¹⁹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5 Д. 136. Л. 4. Трудовая книжка Карабинова И.А.

²⁰ См.: ЖЗС СПбДА за 1904/5 уч. г. СПб., 1905. С. 259–260.

²¹ См.: *К-въ Н.* Из жизни духовных академий // ЦВ. 1905. № 40. С. 1257.

²² ЖЗС СПбДА за 1905/6 уч. г. СПб., 1906. С. 100–101.

хеологии и литургики»²³. Поэтому не стало большим сюрпризом, что именно И.А. Карабинов мог занять эту кафедру после Н.В. Покровского, и вообще в это время он один был оставлен при кафедре в качестве стипендиата.

Кафедра состояла из двух предметов, а областью научных занятий И.А. Карабинова была литургика, поэтому проф. Н.В. Покровским, который оставался сверх штата, 28 февраля 1907 г. в Совет была подана докладная записка с просьбой разрешить ему преподавать церковную археологию в частном порядке, а И.А. Карабинову «предоставить чтение лекций по Литургике»²⁴. При этом проф. Н.В. Покровский просил разделить кафедру на два отдельных предмета. Чтение лекций было позволено согласно прошению, но кафедру не разделили.

Только через три года, в 1910 г. Святейшим Синодом был утвержден новый устав духовных академий, а в 1911 г. к нему были приняты дополнения, согласно которым литургика и церковная археология были разведены по двум различным кафедрам: литургики и церковной археологии в связи с историей христианского искусства²⁵.

2 ноября 1911 г., путем закрытого голосования Совета на свободную кафедру церковной археологии в качестве исполняющего должность доцента был избран Н.В. Малицкий²⁶, который, также как и И.А. Карабинов, являлся учеником проф. Н.В. Покровского. Впоследствии они вместе развили в своих работах «основные направления научного наследия учителя»²⁷.

Интересным является вопрос о взаимоотношениях проф. И.А. Карабинова и проф. А.А. Дмитриевского, который также был кандидатом на кафедру церковной археологии. Между ними имелись расхождения во взглядах на «некоторые основные проблемы, например, о происхождении Устава Великой Константинопольской Церкви, о Студийском уставе»²⁸. Несмотря на то, что А.А. Дмитриевский не занял желаемую должность в СПбДА, впоследствии он

²³Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского археологического института. 1874–1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. С. 22.

²⁴ЖЗС СПбДА за 1905/6 уч. г. СПб., 1906. С. 219–220.

²⁵См.: ЖЗС СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912. С. 4.

²⁶См.: ЖЗС СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912. С. 87–90.

²⁷*Пивоварова Н.В.* Забытые имена в Русской церковной археологии. И.А. Карабинов и Н.В. Малицкий // Искусство христианского мира: сборник статей. Вып.8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. С. 429.

²⁸*Сове Б.И.* Русский Гоар и его школа // БТ. М., 1968. № 4. С. 72.

был избран почетным членом всех четырех духовных академий²⁹, и после революции поддерживал дружественные отношения с И.А. Карабиновым. К примеру, в 1926 г. он писал: «Любезнейший Иван Алексеевич. По Вашему желанию высылаю, наконец, Типикон, в котором помещен чин литургии, интересующий Вас. Просмотрите его и оповестите меня рукописно дня через два. Ваш слуга А.А. Дмитриевский»³⁰. Подтверждением того, что и после революции два великих ученых поддерживали отношения, является их совместная работа в Богословском институте Петрограда и на Высших богословских курсах.

Но вернемся к преподавательской деятельности Ивана Алексеевича. По данным его трудовой книжки мы знаем, что он состоял на службе в Санкт-Петербургской духовной академии с 10 октября 1905 г. по 1 января 1919 г.³¹ За это время практически каждый год выходили его лекции в виде литографических изданий.

Во время службы в духовной академии И.А. Карабинов занимался не только литургической наукой. Позже, в 1919 г., он вспоминал: «Я избрал предметом своих академических занятий — литургику, не оставляя в то же время подготовки и к преподаванию церковной археологии»³². Поэтому в период работы в духовной академии он активно участвовал и в археологической научной жизни. Примером тому являются данные о его участии в различных археологических съездах. В 1906 г. он изъявил желание присутствовать на Третьем областном археологическом съезде во Владимире, в 1908 г. был назначен делегатом на XIV Археологический Съезд в Чернигове, а в 1910 г. вместе с проф. Н.В. Покровским был назначен делегатом от академии на XV Археологический съезд в Новгороде³³. Также в 1911 г. с целью изучения русской старины И.А. Карабинову удалось «объехать некоторые города центральной России — Ростов, Ярославль, Переяславль и др.»³⁴

И.А. Карабинов не раз за это время входил в различные комиссии по описанию архивов и библиотек. В 1910 г. по поручению Академии наук он описывал богослужебные рукописи Погодинского собрания, в 1913 г. состоял в комиссии по описанию рукописей Императорской Санкт-Петербургской духовной акаде-

²⁹ Там же.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 308. Л. 1. Письмо Дмитриевского А.А. Карабинову И.А.

³¹ См.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5 Д. 136. Л. 4–6.

³² Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3 Д. 267. Л. 7.

³³ См.: ЖЭС СПбДА за 1905/6 уч. г. СПб., 1906. С. 236; ЖЭС СПбДА за 1907/8 уч. г. СПб., 1908. С. 151–152; ЖЭС СПбДА за 1909/10 уч. г. СПб., 1910. С. 129.

³⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3 Д. 267. Л. 7.

мии, в 1914 г. вместе с проф. А.П. Рождественским «производил ревизию Библиотеки и Церковно-археологического музея академии за 1910 г.», и в том же году входил в комиссию по разбору и описанию рукописей собрания покойного И.К. Зинченко. В 1916 г. была образована особая комиссия для общего наблюдения за рукописным отделением библиотеки, в которую вошли проф. И.Е. Евсеев, проф. И.А. Карабинов и Г.В. Прохоров³⁵.

Советом академии к 8 марта 1915 г. И.А. Карабинову было поручено составить актовую речь³⁶. Им был написан доклад под названием «Св. Чаша на литургии Преждеосвященных Даров», но, видимо, отношение к теме было «отрицательным, так как она не была прочитана Карабиновым на акте в Петроградской духовной академии»³⁷. Из-за этого ему пришлось составить другую речь под названием «Студийский Типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужения», которая и была зачитана им на акте³⁸.

Довольно необычная история случилась с И.А. Карабиновым при написании магистерской диссертации. 24 октября 1906 г. И.А. Карабинов подал в Совет прошение с просьбой принять его рукописное сочинение под названием «Евхаристическая молитва, опыт историко-литургического анализа» в качестве магистерской работы. Выбранную им тему утвердили и поручили рассмотреть сочинение проф. Н.В. Покровскому³⁹, а после вторым рецензентом был назначен проф. прот. Т.А. Налимов. 23 июня 1908 г. оба отзыва были представлены в Совет⁴⁰.

После издания книги в 1908 г. на заседании Совета должен был состояться диспут по поводу защиты диссертации, но этого не произошло. В отзыве Н.В. Малицкого от 26 февраля 1920 г., который он подал в качестве рекомендации И.А. Карабинова в Российскую академию истории материальной культуры, можно узнать некоторые подробности этого дела. Н.В. Малицкий пишет: «Первая его работа «Евхаристическая анафора» была признана Советом академии

³⁵См.: Отчет о состоянии СПбДА за 1910 год. СПб., 1911. С. 42; ЖЗС СПбДА за 1913/14 уч. г. СПб., 1914. С. 195; Отчет о состоянии СПбДА за 1914 год. Петроград., 1915. С. 40; ЖЗС СПбДА за 1913/14 уч. г. СПб., 1914. С. 263; ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3871. Л. 4об. Журналы собраний Совета академии.

³⁶Отчет о состоянии СПбДА за 1916 г // ХЧ. 1917. Март–июнь. С. 36.

³⁷*Сове Б.И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // БТ. М., 1970. № 5. С. 62.

³⁸Отчет о состоянии СПбДА за 1914 год. Петроград., 1915. С. 40

³⁹Там же.

⁴⁰См.: ЖЗС СПбДА за 1907/8 уч. г. СПб., 1908. С. 240.

достаточной для степени магистра богословия, но не прошла через Синод, ее основной тезис, что евхаристическая анафора первоначально состояла только из слов благодарения, и что слова анамнеза (установительные), а тем более слова призывания позднейшего происхождения: вывод этот показался соблазнительным высшей церковной власти»⁴¹. Из вышесказанного видно, что данное сочинение не было выдвинуто на защиту из-за своих богословских тезисов.

Из-за сложившихся обстоятельств И.А. Карабинов был вынужден подать прошение на смену темы магистерской диссертации и на продление срока подачи работы. 23 сентября 1908 г. в Совете рассмотрели этот вопрос, и молодому ученому было разрешено доработать до магистерской свое кандидатское сочинение под названием «Постная Триодь, ее состав и происхождение»⁴². Разрешение Синода было получено, и указом от 25 октября за № 13.480 определено подать работу до конца 1908–1909 уч. г.⁴³

Ввиду поспешности в крайний срок завершить написание магистерской работы, И.А. Карабинов добился освобождения от чтения лекций по литургике в 1908–1909 уч. г.⁴⁴ и попросил отпуск на один месяц для научных занятий в Ватиканской библиотеке. В связи с поездкой И.А. Карабинов просил содействия в виде бесплатного заграничного паспорта и необходимых рекомендательных писем, что было удовлетворено Синодом и ему выдали 300 р. для осуществления запланированной поездки⁴⁵.

Сочинение под названием «Постная триодь. Исторический обзор ее плана, состава редакции и славянских переводов» было подготовлено к печати и представлено в академии к августу 1909 г.⁴⁶ Рассмотрение работы было поручено проф. Н.В. Покровскому и проф. И.И. Соколову⁴⁷. Защита магистерской работы И.А. Карабинова прошла 19 мая 1910 г. в актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии. Официальные оппоненты представили положительные отзывы, и, «сделав некоторые частные замечания, они согласно признали диссертацию магистранта заслуживающей искомой степени. Совет академии вполне

⁴¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 3.

⁴² См.: ЖЗС СПбДА за 1908/9 уч. г. СПб., 1909. С. 60–61.

⁴³ См.: Там же. С. 105.

⁴⁴ См.: Отчет о состоянии СПбДА за 1908 год. СПб., 1909. С. 35; Отчет о состоянии СПбДА за 1909 год. СПб., 1910. С. 27.

⁴⁵ См.: ЖЗС СПбДА за 1908/9 уч. г. СПб., 1909. С. 62–63, 70–71.

⁴⁶ См.: Магистерский коллоквиум И.А. Карабинова // ЦВ. 1910. № 21. С. 649–650.

⁴⁷ См.: ЖЗС СПбДА за 1909/10 уч. г. СПб., 1910. С. 304–305.

согласился с последним мнением и со своей стороны присудил И.А. Карабинову степень магистра богословия»⁴⁸.

После передачи дела в Синод рецензентом на его работу был назначен архиепископ Тихон (Белавин), занимавший в эти годы Ярославскую и Ростовскую кафедры. В сочинении им было найдено всего два спорных и незначительных момента, которые никоим образом не могли повлиять на окончательное решение присвоения степени магистра⁴⁹. 8 июля 1910 г. указом Святейшего Синода за № 709-5259 И.А. Карабинов был «утвержден в сей степени»⁵⁰, а уже 27 сентября 1910 г. указом Синода за № 13008 стал доцентом академии⁵¹.

Что же касается последующей научной степени, то, как отмечают некоторые источники, для этого к 1919 г. И.А. Карабиновым уже был заготовлен «новый труд по литургике (о литургии Василия Великого — предполагавшаяся его докторская диссертация)»⁵², но, видимо, из-за начавшейся революции ему так и не удалось завершить начатую работу.

И.А. Карабинов был востребованным специалистом в области литургики, и его приглашали для работы в различные комиссии. В 1907 г. при Синоде была открыта особая комиссия по исправлению богослужебных книг, председателем которой стал преосвященный Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский. Деятельность комиссии началась в феврале 1907 г. и продолжалась до 1917 г. В ее состав были приглашены ведущие специалисты этой области. Комиссия ставила перед собой задачу так исправить церковнославянский текст, чтобы он «стал более простым и понятным для человека, говорящего по-русски»⁵³.

В комиссии «И.А. Карабинов принимал участие лишь на первом этапе работы, когда разрабатывались основные принципы исправления текста»⁵⁴, но, несмотря на это, участвовал очень активно. В письме архиепископа Сергея (Страгородского) к А.А. Дмитриевскому от 12 декабря 1907 г., который в период с 1907 по 1913 гг. числился в составе Комиссии, владыка пишет: «Членов Комиссии очень много (до 12), но постоянно бывают лишь некоторые (Глубоков-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: ЖЗС СПбДА за 1910/11 уч. г. СПб., 1911. С. 15–16.

⁵⁰ Отчет о состоянии СПбДА за 1910 год. СПб., 1911. С. 17.

⁵¹ См.: ЖЗС СПбДА за 1910/11 уч. г. СПб., 1911. С. 57–58.

⁵² Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 3–4.

⁵³ *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России. М., 2001. С. 79.

⁵⁴ Там же. С. 80.

ский, Карабинов, прот. Мегорский, Лопарев из Публичной библиотеки, также начальник Архива)»⁵⁵.

8 мая 1917 г. указом № 2898 Святейший Синод объявил о созыве к 11 июня в Петрограде Предсоборного совета, задачей которого являлась подготовка к проведению Поместного Собора Российской Православной Церкви⁵⁶. Указом Синода № 14 от 12 мая 1917 г. духовные академии должны были назначить восемь делегатов для участия в предстоящем Предсоборном совете⁵⁷. 20 мая в совете Петроградской духовной академии прошли выборы кандидатов, и тайным голосованием были выбраны орд. проф. по кафедре истории древней Церкви А.И. Бриллиантов, за которого было подано 15 записок, и экстраординарный проф. по кафедре литургики И.А. Карабинов, за которого подали 11 записок⁵⁸.

Предсоборный совет начал свою работу 11 июня 1917 г. и за время своего существования выработал «Положение о созыве Собора» и «Правила», по которым по всей России проводили выборы делегатов на Поместный Собор.⁵⁹ Что же касается работы И.А. Карабинова в Предсоборном совете, то 15 июня 1917 г. на заседании VI отдела ему было поручено составить доклад о возможности сокращения богослужения. 13 июля доклад на тему «О Типике Великой Христовой Церкви и степени применимости его в практике Русской Церкви» был прочитан И.А. Карабиновым, и после состоялась дискуссия на представленную тему⁶⁰.

Кроме делегатов Собора, выбранных на епархиальных собраниях, Святейший Синод указом № 4393 от 10 июля 1917 г. утвердил поименный список участников Предсоборного совета, назначенных членами Поместного Собора, и в этот список был включен проф. И.А. Карабинов⁶¹.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 616. Л. 1. Письмо архиеп. Сергия (Страгородского) к А.А. Дмитриевскому.

⁵⁶ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. М.: Новоспасский монастырь, 1994–1996. С. 5–6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3870. Л. 100об. Журналы собраний Совета за 1917 г.

⁵⁹ См.: «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., автор статьи Н.А. Кривошеева. М.: ПСТГУ, 2012. С. 12–13.

⁶⁰ Балашиов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 301.

⁶¹ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1–6. М.: Новоспасский монастырь, 1994–1996; Репр. (воспр. изд. 1918 г.), Т. 7–11. М.: Новоспасский монастырь, 1994–1996. Т. 1. С. 21.

Таким образом, И.А. Карабинов стал одним из участников Поместного Собора 1917–1918 гг. Здесь он присутствовал в качестве секретаря в отделе «Высшего церковного управления»⁶² и члена отдела «О богослужении, проповедничестве и храме»⁶³. В последнем отделе им было прочитано несколько докладов, среди которых особо отметим доклад под названием «О евхаристическом хлебе и вине»⁶⁴. После прекращения работы Собора материалы последнего доклада 22 сентября 1918 г. были переданы Высшему церковному управлению. На заседании Священного Синода 9 ноября 1918 г. было подготовлено распоряжение Высшего Управления Русской Православной Церкви о том, что при необходимости Евхаристия может совершаться «на ржаном хлебе за неимением пшеничного, и на некоторых ягодных соках за отсутствием виноградного вина»⁶⁵. Текст данного постановления частично приводится в работе прот. Николая Балашова «На пути к литургическому возрождению»⁶⁶.

Из упоминавшейся ранее рекомендации Н.В. Малицкого открываются некоторые интересные факты об участии И.А. Карабинова в деятельности Поместного Собора. Он говорит: «Можно отметить, что на последнем церковном Соборе весь ритуал поставления патриарха был составлен при его [т.е. И.А. Карабинова — *свящ. И.Т.*] ближайшем участии и что к его указаниям, как наиболее авторитетным, на Соборе обращались, когда решено было при совершении данного чина применить некоторые предметы, освященные стариной»⁶⁷.

Работа Собора завершилась последним заседанием 7 (20) сентября 1918 г., и многие из участников вернулись к своей прежней работе. Уже в декабре 1918 г., после несостоявшегося объединения с университетом «из-за отсутствия средств и ввиду того, что здание академии было передано другой организации, Петроградская духовная академия прекратила свою деятельность»⁶⁸. Многие из профессоров академии оказались в затруднительном положении, и И.А. Карабинов не был исключением. Сведения о его научной деятельности после закрытия ду-

⁶²Там же. С. 134.

⁶³См.: *Кравецкий А.Г.* Проблемы богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. С. 68–86.

⁶⁴*Кравецкий А.Г.* Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // БТ. 1998. № 34. С. 290, 324, 338.

⁶⁵*Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М., 1994. С. 25.

⁶⁶*Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. С. 377.

⁶⁷Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 4.

⁶⁸*Сорокин В., прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора. 2005. С. 195.

ховной академии имеются, но они представляют собой отрывочные данные, не составляющие общей картины.

Летом 1918 г. в стране был создан Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), где «значительная часть академических преподавателей нашла приют во 2 отделении IV секции»⁶⁹. Здесь же с 15 ноября 1919 г. по 15 ноября 1921 г. состоял на службе и И.А. Карабинов⁷⁰. Благодаря сотрудникам этого отделения, которое возглавлял бывший начальник архива и библиотеки Святейшего Синода К.Я. Здравомыслов, «были спасены от полной гибели архивы и библиотеки Петроградской духовной академии и семинарии, Александро-Невской Лавры, Петроградской духовной консистории, Римско-католической коллегии, Палестинского общества, многих церквей и монастырей»⁷¹.

27 февраля 1921 г. И.А. Карабинов принимал участие в торжествах по случаю 200-летнего юбилея Синодального архива и библиотеки, которые теперь были преобразованы во 2 отделение IV секции ЕГАФ. После литургии в одной из аудиторий богословского института, о котором пойдет речь ниже, прошло собрание, где участвовавшим в праздничном богослужении, а также служащим архива был предложен чай, и было сделано несколько докладов. В частности, «профессор И.А. Карабинов рассказал о Синодальной библиотеке, рукописях и старопечатных книгах»⁷².

В эти годы в Петрограде ощущалась огромная потребность в создании высшего учебного заведения, где можно было бы получить духовное образование. Результатом данных стремлений стало открытие 16 апреля 1920 г. митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским) Петроградского Богословского Института⁷³, ректором которого был избран протоиерей Николай Чуков, впоследствии ставший митрополитом Ленинградским и Новгородским⁷⁴.

⁶⁹ Богданова Т.А. История Архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова, 1928–2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. СПб., РНБ, 2003. С. 151.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Щеглов Г.Э. Неизвестный юбилей // Труды Минской духовной академии. 2007. № 5. С. 143.

⁷³ Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность Григория (Чукова). С. 228.

⁷⁴ См.: Там же. С. 226.

Кафедру литургики со времени основания института занимал известный ученый, также участвовавший в Поместном Соборе, проф. Б.А. Тураев, который 23 июня 1920 г. скоропостижно скончался. Поэтому 24 августа 1920 г. Советом института вместо Б.А. Тураева был приглашен в качестве преподавателя литургики И.А. Карабинов⁷⁵. Здесь И.А. Карабинов работал до закрытия института 6 мая 1923 г., который прекратил свою деятельность в связи с возрастающим в Петрограде движением обновленцев⁷⁶.

Есть сведения, что в это время И.А. Карабинов являлся членом Правления православных приходов Петрограда, и с разгромом этого общества связан его первый арест, который последовал 29 мая 1922 г.⁷⁷ Он проходил по статье 62, 119 УК РСФСР «Сопrotивление изъятию церковных ценностей», по так называемому «делу митрополита Вениамина», и как многие содержался в Петроградской тюрьме на Шпалерной улице. Во время его ареста протоиерей Николай Чуков, который был арестован позже, организовал помощь арестантам. В его дневниках говорится: «Дело помощи арестованным налажено: Нина Никитина побывала у разных священников и устроила. О Карабине будет заботиться Вознесенское братство»⁷⁸. 5 июля того же года Петроградский губернский революционный трибунал вынес приговор по указанному делу, и «Н.К. Чукову расстрел был заменен тюремным заключением, <...> а И.А. Карабинов — оправдан»⁷⁹.

После судебного процесса, по воспоминаниям О.И. Карабиновой, примерно в 1923–1925 гг. Иван Алексеевич служил псаломщиком в Александро-Невской Лавре, «где строго сам следил за правильностью, по уставу, ведения богослужения»⁸⁰. Вместе с супругой он также посещал домовую церковь бывшего Стрелкового полка, где Олимпиада Ивановна пела в хоре.

22 октября 1925 г. под ректорством протоиерея Николая Чукова была осуществлена попытка возрождения духовного образования, и открыты Выс-

⁷⁵См.: Там же. С. 586.

⁷⁶Там же. С. 285.

⁷⁷Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Часть 4 (1). Изъятие церковных ценностей в Казанском кафедральном соборе: дневник настоятеля // Сайт «Богослов». URL: http://www.bogoslov.ru/text/1225427.html#_ftnref9 (дата обращения: 01.07.2013).

⁷⁸Там же.

⁷⁹См.: Бовкало А.А. Последний год существования Богословского института // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. С. 485.

⁸⁰Карабинова О.И. Жизнь Ивана Алексеевича Карабинова. Письмо. С. 1

шие богословские курсы⁸¹. Нам не удалось выяснить, преподавал ли на этих курсах И.А. Карабинов, но известно, что здесь им были составлены отзывы на магистерскую работу протоиерея Владимира Рыбакова «Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность» и кандидатское сочинение Н.Д. Успенского «Происхождение чина Агриппии или всенощного бдения и его составные части»⁸².

В это же время И.А. Карабинова можно видеть в списке участников Комиссии «Константина Порфирородного». В 1926 г. эта комиссия входила в состав Русско-византийской историко-словарной комиссии, которая занималась переизданием греческого словаря Дюканжа. В частности, И.А. Карабинову для переиздания словаря было поручено рассмотреть сочинения Н.Ф. Красносельцева и И.Д. Мансветова⁸³.

Сохраняя государственную службу в ЕГАФ, И.А. Карабинов был принят на работу в Российскую академию истории материальной культуры сотрудником Разряда русской археологии. Здесь он состоял на учете с 3 мая 1920 г. до 20 мая 1929 г.⁸⁴ Вот что говорят протоколы разряда за 1929 г. о его работе в академии: «И.А. Карабинов, научный сотрудник, заведует работами разряда по культовой русской старине, в ее материальных проявлениях: 1) Отыскивает и исследует источники. 2) Проводит исследование, докладывает в письменной форме на заседаниях разряда. Имеются готовые тексты на два тома. 3) Готовит материал для словаря, в обильном количестве»⁸⁵. Насчитывается около 46 докладов, прочитанных им на заседаниях разряда, подробный список которых можно найти в статье Н.В. Пивоваровой⁸⁶. Также в эти годы все сотрудники русского разряда занимались сбором материалов для «Словаря русской старины», который впоследствии так и не был издан.

В связи с начавшимся в конце 20-х годов притеснением Академии наук производились многочисленные пересмотры состава сотрудников ГАИМК. В

⁸¹ Сорокин В., *прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность Григория (Чукова). С. 352.

⁸² Там же. С. 356.

⁸³ См.: Барынина О.А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010. С. 235.

⁸⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5 Д. 136. Л. 5–6.

⁸⁵ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 15. Л. 5об. Разряд русской археологии. Планы протоколы, отчеты.

⁸⁶ Пивоварова Н.В. Забытые имена в Русской церковной археологии. И.А. Карабинов и Н.В. Малицкий. С. 426–437.

частности, на И.А. Карабинова секретарем разряда был составлен подробный отчет о его деятельности:

«И.А. Карабинов.

Профессор б. Духовной академии, магистр, известный специалист по истории богослужения восточной Церкви и богослужебных книг.

В Русском разряде был занят изучением почти исключительно материальной стороны старого церковного быта. Что касается общего характера работ И.А., то он избегает тратить силы на работы компилятивного характера и занят только трудами исследовательского характера. Знание в подлиннике греческих и славянских источников и специальное знакомство с литературой дает ему возможность освещать вопросы в широкой постановке, устанавливать происхождение и смысл материальных форм церковного быта и следить за их историческими судьбами.

Основными темами И.А. были: устройство церковных зданий, каменных и деревянных, и иконостасов в них, некоторые богослужебные вещи (антиминсы, панагии, панагиары, плащаницы и пр.), одежда духовных лиц и богослужебная, освящение пищи, некоторые иконографические сюжеты, богослужебные книги, церковные чины и действия.

На заседаниях разряда сделаны были следующие доклады:

1. Опись храмов Волоколамского монастыря 1543.
2. Опись Ипатьевского монастыря XVI в.
- 3.4 Алтарная преграда Константинопольской Софии.
5. Происхождение русских иконостасов (2 доклада).
6. История иконостасов.
7. Иконостас Московского Успенского собора.
8. Иконостасы храмов Ипатьевского монастыря.
9. Местные иконы.
10. Местная икона Киево-Печерской Лавры.
11. К вопросу о Деисусе.
12. Алтарные изображения Богородицы.
13. Об изображении Евангелистов на Царских вратах.
14. Икона Покрова в собрании Н.П. Лихачева.

15. Антиминсы XII–XIX в.
16. Происхождение плащаницы.
17. Древние плащаницы.
18. Панагии и панагиары.
19. Состав богослужебных книг.
20. Типик и уставы восточной Церкви.
21. Славянские рукописи Афонских библиотек.
22. Монашеская одежда.
23. Пещное действо в Москве (2 доклада).
24. Шествие на осляти.
25. Действо страшного суда.
26. Царское венчание.

Разряд очень ценит строгость научной мысли И.А. Карабинова и дорожит его замечаниями; весьма ценны для разряда также его практические знания крестьянской жизни.

Доклады представляются И.А. обыкновенно в письменном и заключенном виде. В печатном они составят два тома.

1927 X 3

А. Спицын»⁸⁷.

После этого, на запрос о желании И.А. Карабинова продолжать работу в Русском разряде, он пишет особую записку, следующего содержания:

«В Государственную академию истории Материальной культуры. Согласно представлению ученого секретаря академии от 17-го октября сего 1927 года за № 4747 честь имею заявить о своем желании продолжать службу в академии; требуемые вышезначенным представлением краткие сведения о произведенных мною с 1920 г. работах для академии сообщены в представленной заведующим Русским разрядом профессором А.А. Спицына особой записке. Наконец, что касается рукописей моих работ (список их дан в записке проф. А.А. Спицыным), то, хотя у меня имеется ряд работ в письменном виде, но признать их совершенно готовыми для сдачи в пе-

⁸⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 8об.

чать в настоящий момент затрудняюсь, так как считаю необходимым таковые подвергнуть дополнительной обработке.

1927 года, ноября 11-го дня.

И. Карабинов»⁸⁸.

20 мая 1929 г. И.А. Карабинов был уволен из Государственной академии истории материальной культуры⁸⁹. В академии он занимался исследованием культовой старины, и возможно, поэтому был уволен, так как в Русский разряд не раз приходили запросы о предоставлении информации о сотрудниках. Примером этому являются ответы секретаря разряда русской археологии А.А. Спицына в правление ГАИМК. «Разряд всею своею деятельностью не выходит из рамок марксизма, так как сущность его работы состоит в выявлении материального базиса для русской истории. <...> Сотрудники разряда пересматривались неоднократно. Настоящий состав слагается из приобретших значительный опыт старых сотрудников, имеющих каждый специальные задания... Материалы разделов военной и культовой старины в разряде находятся в такой степени обработки, что могли бы составить в общей структуре А.И.М.К. самостоятельные разряды»⁹⁰.

После увольнения И.А. Карабинова А.А. Спицын писал: «Вторую половину отчетного года разряд работал в ослабленном составе сотрудников, так как был отчислен из него И.А. Карабинов, специально занимавшийся изучением русской культовой старины... Обработка для курса истории русского культового материального быта отложена на последнюю очередь, но монографическая обработка этой темы велась научным сотрудником И.А. Карабиновым непрерывно. Им докладывались на заседаниях разряда лишь те работы, которые достигли научной полноты и прочности выводов»⁹¹.

Некоторые источники утверждают, что после увольнения из академии И.А. Карабинов работал в архивах частных фирм, а 18 января 1931 г. был принят штатным сотрудником на Балтийский судостроительный завод. Здесь он работал архивариусом и заведовал личными делами рабочего состава⁹².

22 декабря 1933 г. И.А. Карабинова арестовали, и тройкой ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 г. он был осужден на 5

⁸⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 9.

⁸⁹ См.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 136. Л. 6.

⁹⁰ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 15. Л. 11, 13.

⁹¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 15. Л. 22об.

⁹² См.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 10.

лет ссылки в город Тобольск⁹³, который в 1934 г. входил в состав Обско-Иртышской области⁹⁴. 3 марта 1934 г. коллегией ОГПУ И.А. Карабинов проходил по статье 58–10, 58–11 уголовного кодекса РСФСР «Активное участие в контрреволюционной церковно-монархической организации, ставящей своей целью свержение советской власти и реставрацию монархии»⁹⁵. На последнем он был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей с заменой на высылку в Обско-Иртышскую область, считая срок с 22 декабря 1933 г.⁹⁶ Интересно, что с Балтийского завода его уволили только 14 марта 1934 г. и рассчитали 29 марта 1934 г.⁹⁷

О времени пребывания в ссылке исследователи говорят, что И.А. Карабинов жил на улице Большая Октябрьская, 15, кв. 2, и служил архивариусом, но «документов о его служебной деятельности найти не удалось: биографы указывают на «управление ВЦСПС». Можно предположить, что он служил в представительстве Уполномоченного организационного бюро Всесоюзного центрального совета профсоюзов по Тобольскому району, возможно, в какой-то другой организации, к примеру, ГУСМП (Главное управление Северного морского пути)»⁹⁸.

26 апреля 1937 г. И.А. Карабинов, находясь в ссылке, был вновь арестован, а 23 августа 1937 г. Особой тройкой УНКВД по Омской области приговорен к высшей мере наказания по делу архиепископа Тобольского и Тюменского Артемия (Ильинского) и большой группы духовенства⁹⁹. Обвинения были выдвинуты по статье 58–10, 58–11 уголовного кодекса РСФСР, а 30 августа 1937 г. приговор был приведен в исполнение в городе Тобольске Тюменской области¹⁰⁰. Во время ареста «местом заключения стал т.н. «старый» тюремный замок, что на Большой Сибирской. Местом расстрела стал, предположительно, тот же тюрем-

⁹³ См.: Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб., 2002. Т. 5. С. 86.

⁹⁴ Обско-Иртышская область просуществовала менее года. Она была создана 17 января 1934 г., а ликвидирована уже 7 декабря того же года. После проведения административной реформы она вошла в состав Омской области. См.: Дымов В. Обско-иртышская область пала жертвой реформ // Тюменские известия. 2010. 21 июля. Эл. версия: Сайт газеты «Тюменские известия». URL: <http://t-i.ru/article/15427/> (дата обращения: 25.06.2013).

⁹⁵ Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) // Сайт «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 17.05.2013).

⁹⁶ См.: Э.П.Р. Карабинов И.А. С. 614.

⁹⁷ См: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 10.

⁹⁸ Загороднюк Н.И. Жизнь И.А. Карабинова, ученого и гражданина. С. 14–17.

⁹⁹ См.: Э.П.Р. Карабинов И.А // Православная энциклопедия. Т. 30. М., 2012. С. 614.

¹⁰⁰ См.: Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 5. С. 86.

ный замок. Местом захоронения... — территория современных микрорайонов города»¹⁰¹.

После смерти И.А. Карабинова его супруга осталась одна, и, по-видимому, у них не было детей, потому что она пишет: «Оставшись одна, я ношу свои скорби силою духа, данного мне от Бога до конца дней моих; блокада, срочный отъезд из Ленинграда, потеря всего ценного (библиотека) оставили тяжелейший след: болезнь, одиночество, старость»¹⁰². Последние годы своей жизни Олимпиада Ивановна прожила в эстонском городе Пярну, где, благодаря владыке Никодиму (Ротову), с которым вела переписку, смогла «посещать храм и оказывать посильную помощь в чтении, пении, управлении хором»¹⁰³ настоятелю Екатерининского храма, протоиерею Алексию Беляеву¹⁰⁴.

4 января 1958 г. И.А. Карабинов был реабилитирован Президиумом Тюменского областного суда, а 30 марта 1989 г. — прокуратурой города Ленинграда¹⁰⁵.

Интересные факты открываются при изучении биографических сведений студентов Санкт-Петербургской духовной академии, которые учились у И.А. Карабинова. За 13 лет своей преподавательской деятельности в СПбДА И.А. Карабинов не раз выступал в качестве научного руководителя. Для написания сочинений им предлагались различные темы по литургике. На многие из этих сочинений в Журналах заседаний совета академии с 1910 г. по 1914 г. сохранились отзывы И.А. Карабинова.

Главная ценность данных отзывов заключается в том, что они косвенно содержат в себе отблеск взаимоотношений между студентами и преподавателями. По имеющимся отзывам можно сказать о том, что свой научный опыт И.А. Карабинов в такое непростое время всеми силами старался передать учащимся духовной академии.

¹⁰¹ *Загороднюк Н.И.* Жизнь И.А. Карабинова, ученого и гражданина // Совершенствование качества профессиональной подготовки и переподготовки учительства в процессе формирования профессиональной элиты России: материалы IV Всерос. научно-практ. конф. Т. 4. Тобольск; М., 2011. С. 14–17.

¹⁰² *Карабинова О.И.* Жизнь Ивана Алексеевича Карабинова. Письмо. С. 3

¹⁰³ Архив СПбЕ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 12. Л. 42. Благодарственное письмо Карабиновой О.И.

¹⁰⁴ Протоиерей Алексей Беляев с 1977 по 1979 г. был настоятелем Екатерининского храма города Пярну, Таллинской епархии. См.: Православная энциклопедия. Т.4. М., 2009. С. 588–589.

¹⁰⁵ См.: Книга памяти Тюменской области; Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) // Сайт «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 17.05.2013).

Среди студентов духовной академии, которые писали свои кандидатские сочинения под руководством И.А. Карабинова, встречаются те, кто не остановился на достигнутом, но впоследствии продолжил свои научные изыскания и доработал кандидатское сочинения до магистерской диссертации. Из числа таких студентов можно выделить двух учащихся.

Первый, о ком мы упомянем, — протоиерей Владимир Рыбаков. Это был человек высокой эрудиции и широких познаний, о чем говорят все его жизненные стремления. Прот. Владимира Рыбакова вполне можно назвать полиглотом, так как кроме свободного владения французским языком и возможности переводить без словаря с английского и немецкого, он также хорошо знал греческий, латынь, древнееврейский и арабский, а к 60-ти годам начал изучать испанский¹⁰⁶.

Владимир Рыбаков родился 15 июля 1869 г. в селе Каменка Николаевского уезда Самарской губернии. В 1890 г. окончил Самарскую духовную семинарию, затем некоторое время работал конторщиком в управлении строительства Уральской железной дороги¹⁰⁷. В 1893 г. Владимир Рыбаков преподавал в церковно-приходской школе при Казанском соборе города Самары, а 3 февраля 1894 г. был рукоположен во иерея и более десяти лет служил сельским приходским священником в Самарской епархии. После этого отец Владимир некоторое время жил в городе Николаевске Самарской губернии, не состоя ни при каком приходе. Он преподавал Закон Божий в сельских и городских школах, а также служил наблюдателем церковных школ Бугурусланского уезда¹⁰⁸.

С первого же дня после иерейской хиротонии отец Владимир Рыбаков стремился продолжить свое образование¹⁰⁹. Для этого в 1907 г. он вместе с семьей переехал в Петербург и в возрасте 41 года поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию¹¹⁰. В 1911 г. для получения степени кандидата богословия протоиерей Владимир Рыбаков подал сочинение под названием «Св. Иосиф Песнописец», которое было написано под руководством И.А. Карабинова¹¹¹.

¹⁰⁶ См.: *Нечаева Т.А.* Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков // Звезда. 1990. № 3. С. 100.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См.: *Шкаровский М.В.* Петербургский храм-памятник Христа Спасителя (Спас-на-водах) // Сайт СПбДА. URL: <http://www.spbda.ru/news/a-1589.html> (дата обращения: 02.04.2013).

¹⁰⁹ См.: *Нечаева Т.А.* Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков. С. 99.

¹¹⁰ См.: ЖЗСА за 1907/1908 уч. г. СПб., 1908. С. 31.

¹¹¹ См.: ЖЗСА за 1910/1911 уч. г. СПб., 1911. С. 502–505.

На кандидатское сочинение отца Владимира И.А. Карабинов составил положительный отзыв, в конце которого заметил: «Желательно, чтобы автор получил возможность поработать в заграничных рукописных собраниях, особенно — в библиотеках синайского монастыря св. Екатерины, Лавры св. Афанасия, Пантелеимоновского монастыря и Гроттаферраты, где находятся целые залежи миней X–XI вв. Обогащенная новыми материалами работа о. Рыбакова может стать важным трудом и для литургики, и для истории византийской церковной поэзии»¹¹². За это сочинение прот. Владимир Рыбаков был награжден премией действительного статского советника Иванова в 150 рублей¹¹³.

В этом же 1911–1912 уч. г. подошла очередь СПбДА отправить одного из студентов академии в Русский археологический институт в Константинополе. Ввиду этого на заседании Совета 7 июня 1911 г. были заслушаны заявление ординарного проф. И.И. Соколова о студенте Александре Степанове и предложение проф. И.А. Карабинова, который ходатайствовал о предоставлении заграничной поездки протоиерею Владимиру Рыбакову. Свои доводы о необходимости такой поездки И.А. Карабинов выразил в обращении к Совету, которое было опубликовано в Журналах заседаний совета¹¹⁴.

Ввиду сложившейся обстановки советом было принято решение, кроме профессорских стипендиатов Николая Коновалова и священника Владимира Зыкова, ходатайствовать перед Святейшим Синодом о том, чтобы оставить сверхштатными профессорскими стипендиатами Александра Степанова и священника Владимира Рыбакова, с командировкой обоих в Русский археологический институт в Константинополе. При этом последний должен был остаться при кафедре литургики и церковной археологии в связи с историей христианского искусства СПбДА¹¹⁵. Однако указом Святейшего Синода от 19 октября 1911 г. за № 14328 в РАИК был отправлен только А. Степанов, а протоиерею Владимиру Рыбакову, ввиду того, что в это время он уже поступил на епархиальную службу, было отказано¹¹⁶.

Но вопрос о том, состоялась ли поездка прот. Владимира Рыбакова за границу, остается открытым, так как возможность его пребывания в библиотеках Востока подтверждается свидетельствами из магистерской диссертации «Св.

¹¹²Там же. С. 504–505.

¹¹³См.: ЖЗСА за 1911/1912 уч. г. СПб., 1912. С. 137.

¹¹⁴См.: ЖЗСА за 1910/1911 уч. г. СПб., 1911. С. 293–294.

¹¹⁵Там же. С. 294–295.

¹¹⁶См.: ЖЗСА за 1911/1912 уч. г. СПб., 1912. С. 81–82.

Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность». Прот. Владимир Рыбаков пишет: «На Афоне нами рассмотрены преимущественно греческие Минеи и Триоди, Октоихи и сборники, как на пергаменте, так и на бумаге. Мы обследовали библиотеки следующих монастырей: Пантелеимоновского, Ватопедского, Каракаллы, Есфигмена, Дохиара, Иверского, Ксенофского, Андреевского, Зографского, Хиландарского. Главный материал нам дали преимущественно библиотеки Пантелеимоновского, Иверского, Ксенофского и отчасти Ватопедского монастырей; рукописи их мы ниже и отмечаем»¹¹⁷.

После успешного окончания духовной академии прот. Владимиру Рыбакову была предоставлена возможность самому выбрать приход¹¹⁸. С 16 сентября 1911 г. по 8 марта 1932 г. отец Владимир Рыбаков числился настоятелем храма Христа Спасителя (Спас-на-водах)¹¹⁹. Одной из причин того, что выбор пал именно на этот храм, стало то, что «доход настоятеля состоял здесь лишь из выплачиваемого тем же военным ведомством жалования — 75 рублей»¹²⁰. Этот храм находился на Английской набережной и был построен как памятник в честь моряков, погибших во время Русско-японской войны, но в 1932 г. был снесен богоборческой властью. В 1914 г., оставаясь настоятелем храма, прот. Владимир Рыбаков был назначен старшим священником Генерального штаба и до 1917 г. служил в Ставке¹²¹.

Достоверных сведений о последующем общении прот. Владимира Рыбакова с И.А. Карабиновым не найдено, поэтому сложно сказать, под чьим руководством было написано его магистерское сочинение под названием «Св. Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность». Защита этой работы состоялась 24 мая 1928 г. на Высших богословских курсах, причем первым рецензентом был назначен А.А. Дмитриевский¹²², а вторым — И.А. Карабинов¹²³.

¹¹⁷ Рыбаков В.А., прот. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. М.: Русская книга, 2002. С. 13.

¹¹⁸ См.: Нечаева Т.А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков. С. 100.

¹¹⁹ См.: Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг. Справочник. СПб., 1999. С. 221.

¹²⁰ Нечаева Т.А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков. С. 100.

¹²¹ Там же.

¹²² См.: Бовкало А.А. Литургия в Петрограде после 1918 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2000 г. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000. С. 397–398.

¹²³ См.: Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митр. Григория (Чукова). С. 356.

До прот. Владимира Рыбакова вопросами, связанными с жизнью и песнотворческой деятельностью преподобного Иосифа Песнописца, занимались многие литургисты, среди которых был и И.А. Карабинов. Во введении к своей работе прот. Владимир Рыбаков пишет: «Совершенно особо должна быть поставлена по своему достоинству одна очень солидная работа, вышедшая в 1910 г., профессора И.А. Карабинова — «Постная Триодь», но она трактует о песнотворческой деятельности преподобного Иосифа не во всем объеме, а постольку, поскольку это касается названной богослужебной книги»¹²⁴.

Магистерская работа прот. Владимира Рыбакова продолжает кандидатское сочинение и представляет собой труд, посвященный изучению жизни и творческой деятельности одного из выдающихся церковных поэтов — святого Иосифа Песнописца. В библиотеке СПбДА сохранился один экземпляр данной работы, который состоит из четырех томов. Часть работы была опубликована в 1985–1986 гг. в «Богословских трудах»¹²⁵, в «1999 г. этот труд был переиздан в Санкт-Петербурге»¹²⁶, а в 2002 г. — в Москве.

После разрушения храма Спаса-на-водах до своего ареста в декабре 1933 г. отец Владимир Рыбаков служил в Никольском морском соборе. В марте 1934 г. он был списан как смертник и отправлен в одну из ленинградских больниц, где с миром скончался¹²⁷. По воспоминаниям его внуки, после отпевания в Никольском соборе «в последний путь на Смоленское кладбище в суровом 34-м году его провожали... более двух тысяч человек — целая демонстрация»¹²⁸.

У другого ученика И.А. Карабинова — Виталия Александровича Алентова, позже иеромонаха Венедикта, судьба сложилась иначе. В 1909 г. он окончил Вологодскую духовную семинарию и поступил в СПбДА, где числился как стипендиат высокопреосвященнейшего Палладия и состоял на пансионе¹²⁹. В 1913 г. при окончании Петроградской духовной академии Виталий Алентов подал кандидатское сочинение на тему «Чин таинства елеосвящения. Историко-археологический очерк». Это сочинение было написано под руководством И.А. Карабинова, так как в Журналах заседаний Совета можно увидеть

¹²⁴Рыбаков В., прот. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность // БТ. 1985. № 26. С. 282.

¹²⁵См.: Там же. С. 280–306.

¹²⁶Шкаровский М.В. Петербургский храм-памятник Христа Спасителя (Спас-на-водах). Там же.

¹²⁷См.: Нецаева Т.А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков. С. 102.

¹²⁸Там же.

¹²⁹См.: Памятная книжка СПбДА за 1909–1910 уч. г. СПб., 1909. С. 60.

его положительный отзыв на данное сочинение. В конце отзыва И.А. Карабинов говорит: «Ввиду всего сказанного, нахожу справедливым признать г[осподина] Алентова заслуживающим и степени кандидата богословия, и денежной награды. Желательно, чтобы автор не бросал так серьезно начатой работы»¹³⁰.

По Журналам заседаний Совета в конце 1912/1913 уч. г. в качестве профессорских стипендиатов при СПбДА на 1913/1914 уч. г. оставили «Прахова Алексея по кафедре еврейского языка с библейской археологией и библейской истории, в связи с историей древнего мира, и Макаровского Александра — по кафедре психологии»¹³¹. Но в Памятной книжке на 1913/1914 уч. г. профессорскими стипендиатами числятся Макаровский Александр по кафедре психологии и иеромонах Венедикт (Алентов) при кафедре литургики¹³².

22 августа 1913 г. Виталий Алентов принял монашеский постриг с именем Венедикт в Свято-Успенской Почаевской Лавре, был рукоположен в иеродиакона, а 26 августа — в иеромонаха. В этом же году он переехал в Александроневскую лавру, при этом продолжая заниматься литургией в СПбДА¹³³. В это время кафедру литургики возглавлял И.А. Карабинов и поэтому иеромонах Венедикт (Алентов) в течение одного года находился под его научным руководством.

19 сентября 1914 г., после окончания стипендиатского года, проведенного в СПбДА, иеромонах Венедикт (Алентов) был отправлен в Московскую духовную семинарию преподавателем гражданской истории¹³⁴. Несмотря на это, к 1917 г. им было доработано его кандидатское сочинение до магистерской диссертации. На данную работу И.А. Карабинов составил положительный отзыв, но в связи с нараставшей в стране революционной обстановкой он, к сожалению, так и не был опубликован в Журналах Совета¹³⁵. За эту диссертацию иеромонах Венедикт (Алентов) был удостоен степени магистра богословия¹³⁶.

В 1917 г. в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры была выпущена книга иеромонаха Венедикта (Алентова) под названием «Чин елеосвящения (историко-литургический очерк)». В библиотеке СПбДА имеется экземпляр

¹³⁰ ЖЭС СПбДА за 1912/13 уч. г. СПб., 1913. С. 286.

¹³¹ Там же. С. 260.

¹³² См.: Памятная книжка СПбДА за 1913–1914 уч. г. СПб., 1913. С. 29.

¹³³ См.: Христоворов В.С. Венедикт (Алентов Виталий Александрович) // Православная энциклопедия. Т.7. М., 2004. С. 577.

¹³⁴ См.: там же.

¹³⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3870. Л. 61. Журналы собраний Совета академии за 1917 г.

¹³⁶ См.: Христоворов В.С. Венедикт (Алентов Виталий Александрович). С. 576.

этой книги с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому профессору протоиерею Александру Васильевичу Петровскому на добрую память от автора»¹³⁷. В 2004 г. в Киеве данное сочинение было переиздано под названием «К истории православного богослужения»¹³⁸.

После закрытия МДС иеромонах Венедикт (Алентов) жил в Даниловом московском монастыре. В марте 1921 г. был рукоположен во епископа Вяземского, викария Смоленской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленчество, но после покаяния был принят в лоно православной Церкви. 20 февраля 1936 г. был назначен на Тамбовскую и Мичуринскую кафедру, а в апреле того же года возведен в сан архиепископа. 6 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Тамбовской области владыка Венедикт (Алентов) был приговорен к расстрелу. Его реабилитировали президиумом Тамбовского областного суда 8 августа 1962 г., а прокуратурой Алтайского края — 2 марта 1998 г.¹³⁹.

Прот. Владимир Рыбаков и архиеп. Венедикт (Алентов) являются яркими примерами наставнической работы И.А. Карабинова. Сведения об остальных студентах в большей мере отрывочны, и их взаимоотношения с И.А. Карабиновым детально не просматриваются. Если же рассматривать темы сочинений студентов-учеников И.А. Карабинова, то можно увидеть что они не были узкой направленности, но затрагивали различные области литургической науки. Таким образом, можно сделать вывод, что И.А. Карабинов не замыкался на каких-то определенных темах, а являлся широким специалистом в области литургики. И.А. Карабинов сыграл положительную роль в формировании литургических взглядов студентов духовной академии, и, благодаря качеству его научного руководства, некоторые кандидатские работы были доработаны до магистерских сочинений.

¹³⁷ *Венедикт (Алентов), иером.* Чин елеосвящения (историко-литургический очерк). Сергиев Посад, 1917. С. I.

¹³⁸ См.: *Венедикт (Алентов), иером.* К истории православного богослужения. Киев: Общество любителей православной литературы, 2004. С. 616.

¹³⁹ См.: *Христофоров В.С.* Венедикт (Алентов Виталий Александрович) // Православная энциклопедия. Т.7. М., 2004. С. 577.

Список сокращений

Архив ИИМК РАН — Архив Института истории материальной культуры при Российской Академии Наук

Архив НИЦ «Мемориал» — Архив научно-исследовательского центра «Мемориал»

БТ — Богословские Труды

ВЦСПС — Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд

ЖЗС СПбДА — Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии

ЖМП — Журнал Московской Патриархии

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РАИК — Русский археологический институт в Константинополе

СПБДА — Санкт-Петербургская духовная академия

СПБПДА — Санкт-Петербургская православная духовная академия (современное название)

УНКВД — Управление народного комиссариата внутренних дел

ЦВ — Церковный вестник

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Источники и литература

1. «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., автор статьи Н.А. Кривошеева. М.: ПСТГУ, 2012. 522 с.
2. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136. 7 л. Трудовая книжка Карабинова И.А.
3. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 15. 29 л. Разряд русской археологии. Планы протоколы, отчеты.
4. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. 10 л.: Карабинов И.А. Личное дело. 1920–1927.
5. Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) // Сайт «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 17.05.2013).

6. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. 445 с.
7. *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010. 323 с.
8. *Бовкало А.А.* Литургика в Петрограде после 1918 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2000 г. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000. С. 393–400.
9. *Бовкало А.А.* Последний год существования Богословского института // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. С. 485–549.
10. *Богданова Т.А.* История Архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова, 1928–2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. СПб., РНБ, 2003. С. 150–155.
11. *Венедикт (Алентов), иером.* К истории православного богослужения. Киев: Общество любителей православной литературы. 2004. 616 с.
12. *Венедикт (Алентов), иером.* Чин елеосвящения (историко-литургический очерк). Сергиев Посад, 1917. VI с., 300 с., 40 с., XV с.
13. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1–6. М.: Новоспасский монастырь, 1994–1996; Репр. (воспр. изд. 1918 г.), Т. 7–11. М.: Новоспасский монастырь, 1994–1996. Т. 1. 188 с.
14. *Дымов В.* Обско-иртышская область пала жертвой реформ // Тюменские известия. 2010. 21 июля. Эл. версия: Сайт газеты «Тюменские известия». URL: <http://t-i.ru/article/15427/> (дата обращения: 01.02.2013).
15. Журналы заседаний Совета Императорской Петроградской духовной академии за 1913–1914 учебный год. Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. 619 с.
16. Журналы заседаний Совета Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1912–1913 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 509 с.

17. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. 362 с., VIII с.
18. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1904/5 учебный год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб.: Типография М. Меркушева, 1905. 392 с.
19. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1905–1906 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева, 1906. 334 с.
20. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 408 с.
21. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1907–1908 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1908. 347 с.
22. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1909–1910 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. 720 с.
23. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1906–1907 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 330 с.
24. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1908–1909 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. 440 с.
25. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1910–1911 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. 603 с.
26. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 408 с.
27. *Загороднюк Н.И.* Жизнь И.А. Карабинова, ученого и гражданина // Совершенствование качества профессиональной подготовки и переподготовки учительства в процессе формирования профессиональной элиты России: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Т. 4. Тобольск; М., 2011. С. 14–17.
28. *Карабинова О.И.* Жизнь Ивана Алексеевича Карабинова. Письмо / Машинопись по рукописи № 124892. Пярун, 1977. 3 с.
29. *К-въ Н.* Из жизни духовных академий // ЦВ. 1905. № 40. С. 1257.

30. Книга памяти Тюменской области; Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) // Сайт «Жертвы политического террора». URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 01.02.2013).
31. *Кравецкий А.Г.* Проблемы богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. С. 68–86.
32. *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России. М., 2001. 400 с.
33. *Кравецкий А.Г.* Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // БТ. М., 1998. № 34.
34. Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 5. СПб., 2002. 725 с.
35. Магистерский коллоквиум И.А. Карабинова // ЦВ. 1910. № 21. С. 649–650.
36. *Малицкий Н.В.* Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии 1750–1900. (История Владимирской духовной семинарии; Вып. 3). М., 1902. II с., 336 с.
37. Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Часть 4 (1). Изъятие церковных ценностей в Казанском кафедральном соборе: дневник настоятеля // Сайт «Богослов.ру». http://www.bogoslov.ru/text/1225427.html#_ftnref9 (дата обращения: 01.02.2013).
38. *Нечаева Т.А.* Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков // Звезда. 1990. № 3. С. 100. С. 97–102.
39. *Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М., 1994. LIV с., 354 с.
40. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 308. 1 л. Дмитриевский Алексей Афанасьевич, его 1 письмо Карабинову, Ивану Алексеевичу.
41. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 616. 1 л. Письмо архиеп. Сергия (Страгородского) к А.А. Дмитриевскому.
42. ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1 Д. 910. 1 л. Список выпускников СПбДА 1903 г.
43. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1904 году // Известие РАИК. В 16 т. Т. 13. София: Державна печатница, 1908. С. 303–322.

44. Отчет о состоянии Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1914 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1915. 63 с.
45. Отчет о состоянии Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1915 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1916. 62 с.
46. Отчет о состоянии С.-Петербургского Археологического Института в 1902–1903 учебный год // Вестник археологии и истории. 1904. Вып. XVI. С. XXXI.
47. Отчет о состоянии СПбДА за 1903 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1904. 42 с.
48. Отчет о состоянии СПбДА за 1904 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1905. 43 с.
49. Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. 51 с.
50. Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. 44 с.
51. Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. 52 с.
52. Памятная книжка С.-Петербургской духовной академии на 1909/1910 учебный год. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1909. 78 с.
53. Памятная книжка С.-Петербургской духовной академии на 1913/1914 учебный год. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1913. 57 с.
54. *Пивоварова Н.В.* Забытые имена в Русской церковной археологии. И.А. Карабинов и Н.В. Малицкий // Искусство христианского мира: Сборник статей. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. С. 426–437.
55. *Пивоварова Н.В.* Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004.
56. Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2009. С. 588–589.
57. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского археологического института. 1874–1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. С. 22–38.

58. Рыбаков В., *прот.* Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность // БТ. М., 1985. № 26. С. 280–306.
59. Рыбаков В.А., *прот.* Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. М.: Русская книга, 2002. 656 с.
60. Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // БТ. М., 1970. № 5. С. 25–68.
61. Сове Б.И. Русский Гоар и его школа // БТ. М., 1968. № 4. С. 39–84.
62. Сорокин В., *прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирский собор, 2005. 736 с.
63. Список выпускников Владимирской семинарии // Владимирские епархиальные ведомости. 1899. № 13. С. 239.
64. Список выпускников Суздальского духовного училища // Владимирские епархиальные ведомости. 1893. № 14. С. 317.
65. Успенский Н.Д. Из личных воспоминаний об А.А. Дмитриевском // БТ. М., 1968. № 4. С. 85–89.
66. Христофоров В.С. Венедикт (Алентов Виталий Александрович) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т.7. С. 577–578.
67. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3870. 105 л. Журналы собраний Совета академии за 1917 г.
68. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3871. 88 л. Журналы собраний Совета академии за 1917 г.
69. Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг. Справочник. СПб., 1999. 366 с.
70. Шкаровский М.В. Петербургский храм-памятник Христа Спасителя (Спас-на-водах) // Сайт СПбДА. URL: <http://www.spbda.ru/news/a-1589.html> (дата обращения: 02.04.2013).
71. Щеглов Г.Э. Неизвестный юбилей // Труды Минской духовной академии. 2007. № 5. С. 140–147.
72. Э.П.Р., Желтов М., *свящ.* Карабинов И.А // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 614–615.

Д.А. Карпук

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ КАФЕДРЫ «ЦЕРКОВНОЕ ЖИВОЕ СЛОВО И ЧТЕНИЕ»

В статье представлена история попытки учредить в начале XX в. в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии на деньги частного лица новую академическую кафедру «Церковное живое слово и чтение». Жертвователем стал дворянин А.А. Ефремовский, который считал, что церковная проповедь многих священно- и церковнослужителей в начале XX в. находилась в весьма плачевном состоянии. Академическая корпорация, вполне согласившись с таким мнением, сделала все возможное, чтобы новая кафедра была открыта. Однако Первая мировая война и последовавшие за ней события помешали реализовать этот уникальный в истории дореволюционного высшего богословского образования проект.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, духовное образование, богословская наука, Св. Синод, А.А. Ефремовский, И.Е. Евсеев, И.Г. Троицкий, гомилетика, церковная проповедь, Первая мировая война, В.В. Розанов.

Согласно завещанию дворянина Афанасия Алексеевича Ефремовского в собственность Санкт-Петербургской духовной академии было определено 230 акций Соединённого банка¹. Текст завещания был утвержден определением Орловского окружного суда 17 сентября 1912 г. Однако рассмотрение данного вопроса на заседании академического совета впервые состоялось 8 мая 1913 г. Тогда это дело членам профессорско-преподавательской корпорации представил ректор епископ Ямбургский Георгий (Ярошевский). Согласно воле завещателя

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

¹Соединённый банк — один из крупнейших акционерных коммерческих банков в России в начале XX в. Был образован в 1909 г. посредством слияния трёх банков: Московского международного торгового, Южно-Русского промышленного и Орловского коммерческого банков. К 1917 г. банку принадлежало 92 отделения (из них 3 — за границей). Национализирован декретом СНК от 14 (27) декабря 1917 г.

предполагалось, что проценты с пожертвованных акций будут направлены не только на молитвенное поминовение родителей, жены, родственников и имени самого жертвователя, но и на учреждение при академии особой «кафедры или доцентуры экспромта и дикции»².

Текст самого завещания был полностью опубликован на страницах академического журнала «Церковный вестник» в № 21 от 23 мая 1913 г.³ Естественно, что многим читателям, одним из которых являлся и известный религиозный мыслитель и обозреватель «Нового времени» В.В. Розанов, было любопытно узнать более подробную информацию о личности жертвователя: «О, как хотелось бы, чтобы эти дивные, простые и вразумительные слова 80-летнего старца разнеслись по нашей России! Сколько увидят в них надежду на лучшее будущее! Как вообще этот поступок прекрасен: т.е. жертва деньгами, и на такое дело! Кто он по профессии, по должности? Хотелось бы знать; академический орган не потрудился об этом сообщить читателям, вероятно не находя это любопытным. А это очень любопытно»⁴.

На поставленный и, действительно, интересовавший многих вопрос ответил профессор Томского императорского университета протоиерей Иаков Галахов в статье на страницах все того же «Церковного вестника». Отец Иаков сообщал, что Ефремовский приходился ему близким родственником (правда, насколько близким, в статье не уточнялось). Дворянин Афанасий Алексеевич Ефремовский, скончавшийся 3 июля 1912 г., был сыном священника. Поступив в духовную семинарию, опять же, в какую именно, почтенный автор не уточнял, Ефремовский проучился там всего 3 года, после чего перешел в Казённую палату на должность чиновника. Обладая недюжинными способностями и трудолюбием, начал самостоятельно заниматься юридическими науками. После проведения судебной реформы 1864 г. блестяще выдержал экзамен на звание присяжного поверенного. Поселившись в Орле, Ефремовский долгое время служил юрисконсульту юго-западных железных дорог. Потомственное дворянство получил благодаря своему отцу, который за 50 лет служения в священном сане получил орден кн. Владимира 4-й степени. По словам отца Иакова Галахова, Еф-

²См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914; Журналы заседаний совета СПбДА за 1912–1913 учебный год. СПб., 1913. С. 222–225; Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 305–308.

³См.: Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644–645.

⁴Розанов В.В. О важнейшей нужде церкви (Новое время. 1913. 28 июня. № 13395) // Розанов В.В. Собрание сочинение. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. С. 109.

ремовский был «деятельным человеком, всегда аккуратным, трезвым, воздержанным. Последнее время вел жизнь одинокую, почти затворническую, и слыл за большого оригинала. Умер 86 лет»⁵.

В своем завещании Афанасий Алексеевич подробно объясняет мотивы своего неординарного поступка. На основании собственного жизненного опыта завещатель утверждает, что плохое чтение в храмах не только псаломщиков, но и самих священников — это общеизвестный, к сожалению, и общепринятый факт. «Прожив более 70 лет и бывая в церкви, я редко слышал явственно прочитанную молитву, или акафист. Форма заменила и затопила сущность, везде, все и во всем. Предполагается, что читают для находящихся в церкви, слушающих, но если бы этих слушающих спросить о прочтенном, то не могли бы ответить 9 из 10. Застывшие и омертвевшие формы, останавливающие и замыкающие религиозные душевные движения, не может не видеть, не может не знать академическая профессура, и не может не ожидать, рано или поздно, реформы, может быть нежелательной, но неизбежной. Этот недостаток, конечно, будет устранён, но всем тем, которым церковная служба кажется монотонною, утомительною, желаю, чтобы и теперь они уносили из церкви хотя бы одно зерно благодатной и благоговейной мысли к Отцу Вселенной»⁶. Автор завещания вполне справедливо говорит, что величайшую признательность и благодарность надо выразить тщецу или проповеднику за то, если они удержат внимание пришедшего в храм человека даже на 5–10 минут.

Конечно, встречались в жизни завещателя и достойные примеры церковных проповедников. Одним из них был Киевский митрополит Платон (Городецкий). Афанасий Алексеевич, как он сам об этом пишет, будучи по делам в Киеве, прочел в одной из газет, что митрополит будет совершать богослужение в Софийском соборе. В указанное время он посетил этот храм и богослужение. Молящихся людей было очень много. Во время запричастного стиха вышел очередной священник, чтобы произнести проповедь. По бытовавшей тогда традиции священнослужитель достал тетрадку и прочитал, не отрывая глаз, заранее «безупречно грамматически составленную» проповедь. Однако завещателя удивил не этот факт, а то обстоятельство, что еще прежде прочтения проповеди,

⁵ Галахов И., прот. Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1029.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 10об.; Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644.

уже только при самом появлении проповедника, идущего на кафедру, примерно половина из всех присутствующих в храме людей направилась к выходу!

Таким образом, священник не произносит, а читает проповедь по листкам, или, как тогда говорили, по тетрадке, заранее зная, что толком его никто слушать не будет. Однако такова была его обязанность, как члена причта. Сказать же несколько слов от себя, несколько слов, идущих из глубины души, он не мог, точнее не имел права. Текст проповеди составлялся заранее, предоставлялся на утверждение в местную духовную консисторию, поэтому любое отклонение от одобренного текста могло повлечь за собой неприятные для священнослужителя последствия. Народ на этот формализм, вызванный цензурным контролем, голосовал ногами. В этом контексте можно привести слова известного профессора истории России, ученика В.О. Ключевского, Михаила Михайловича Богословского, которые он записал в своем дневнике после посещения одного провинциального деревенского храма: «Застал самый конец обедни и проповедь тамошнего священника. Когда он начал говорить, я *ожидая*, что, как это обычно происходит [выделено мной — Д.К.], часть народа — а церковь была полна — устремится домой, — но этого, к удивлению, не произошло. Все остались. Говорил он просто, образно, ясно и очень коротко»⁷.

Упомянутый выше В.В. Розанов также приводит примеры образцовой и плохой дикции священнослужителей на основании собственного жизненного опыта: «В одном и том же городе Ельце мне приходилось слышать удивительное по выразительности и «четкости» (слышно в далеких уголках церкви) произношение акафистов о. Острогорским (ныне покойный) и выслушивать целые литургии в таком словопроизношении священника, что совершенно ни одного слова разобрать невозможно было, и обедня проходила как бы в молчании: никто ничего не понимал и не слышал»⁸. И такие или примерно такие же слова о неудовлетворительной дикции священно- и церковнослужителей, о плачевном состоянии церковной проповеди можно было очень часто услышать в начале XX в. Заметки об этом публиковались даже на страницах официальных церковных епархиальных ведомостей.

Возвращаясь к рассказу Ефремовского, отметим, что проповедь священника из Софийского собора он оценил следующим образом: «Явление, в последнее время обычное, рядовое, и понятное: риторика сухая, напыщенная, сверх

⁷ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Ответственный редактор С.О. Шмидт. М.: Время, 2011. С. 406.

⁸ *Розанов В.В.* О важнейшей нужде церкви... С. 106.

меры, ригоричная, грозная, без милосердия, для 2/3 слушавших непонятная, а для остальных — без всякого влияния на разум и душу»⁹.

И каким же контрастом на этом фоне стали несколько простых, но идущих от сердца слов митрополита Платона! После окончания богослужения тот уже вышел из собора, когда одна из прихожанок обратилась к нему со словами: «Прощай, батюшка, счастливый тебе путь». Высокопреосвященный владыка, обернувшись на женщину, вдруг сказал несколько простых фраз о милосердии Божиим, «о том, что Он дает и жизнь, и здоровье и счастье, что дурные поступки имеют и конец дурной; что от осины нельзя ждать ни яблок, ни винограда»¹⁰. И, что больше всего поразило завещателя, ставшего случайным свидетелем этой беседы, во время всей короткой речи митрополита вокруг царило полное молчание. Все присутствующие с большим вниманием слушали своего архипастыря. Конечно, и сам Афанасий Алексеевич говорит об этом, такое молчание и внимание было обусловлено тем, что говорил митрополит, а не обычный священник. Но сила слов, по глубокому убеждению Ефремовского, заключалась в их простоте: «Разность впечатлений от проповеди священника и нескольких простых слов преосвященного митрополита поразительная». Дальше же последовало любопытное утверждение Ефремовского, достойное пера недоучившегося семинариста: «Недаром в первые века христианства безразлично слушали тех проповедников, которые беседовали при помощи тетрадки. Только простое, устное, живое, одухотворенное слово способно двигать умом и душою слушающего»¹¹.

Именно собственные наблюдения и выводы, а также забота о церковном просвещении и побудили выходца из духовного сословия, преуспевающего провинциального юриста на склоне лет пожертвовать довольно приличную сумму денег на учреждение особой академической дисциплины. Ефремовский в своем завещании определил и цель будущей кафедры. Она сводилась к тому, чтобы будущий священник, особенно деревенский, мог в простой, но убедительной форме доносить до своих слушателей те знания, которые он получил в духовных школах, чтобы «умел сказать умирающему, душа которого в это время особенно восприимчива, утешение; умел, пред венчанием, объяснить таинство брака: обязанности мужа к жене и обратно; умел объяснить те законы, которые установлены Отцом Вселенной, которые мы самонадеянно и неразумно называ-

⁹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 645.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ем естественными, и те, которые, находясь за пределами человеческого разумения, называются сверхъестественными; умел дать, или укрепить ослабленную веру, без которой человек — несчастное существо, приблизившееся к животному; умел приблизить душу к Создателю её; умел сказать, что человек окружен тайною, что он не может и не должен быть уверен в завтрашнем дне, что возможен случай, который внезапно прекратит жизнь и проч.»¹²

Пожертвование же на учреждение академической кафедры для своего времени было очень щедрым. А.А. Ефремовский, как уже отмечалось, завещал академии 230 банковских акций, каждую из которых предполагалось продать не менее чем за 300 рублей. Таким образом, за пожертвованные акции предполагалось выручить около 70000 руб. Проценты с этой суммы предназначались на учреждение новой академической кафедры. Не лишним будет отметить, что доцент академии согласно еще академическому уставу 1869 г. в начале XX века получал 1200 руб. в год, экстраординарный профессор — 2000 руб., а ординарный, т.е. со степенью доктора наук (богословия, церковной истории или канонического права) — 3000 руб. Таким образом, экстраординарный профессор смог бы накопить означенную сумму жертвователя только за 35 лет непрерывной службы, ординарный — практически за 25 лет. И это только в том случае, если они в течение всего этого времени не будут расходовать ни копейки из зарплаты!

В течение всего синодального периода учебный процесс в духовных школах находился под строгим контролем Св. Синода. В уставе четко прописывалось, какие именно предметы должны были преподаваться и сколько часов в неделю. Учреждение новой кафедры означало выделение отдельных часов на изучение предмета и также утверждение профессора новой дисциплины, что также являлось прерогативой Синода. Вполне очевидно, что для открытия новой кафедры совету Санкт-Петербургской духовной академии необходимо было решить целый ряд важных юридических и технических вопросов.

Именно поэтому ректор академии епископ Георгий 8 мая 1913 г. сообщил о пожертвовании Совету и поставил на повестку дня два вопроса. Во-первых, необходимо было разделить пожертвованную сумму между академическим храмом, где должно было совершаться поминовение имени усопшего и его родных, и собственно академией (на учреждение и обеспечение новой кафедры). Во-вторых, необходимо было обсудить вопрос о том, как лучше распорядить-

¹²Там же.

ся пожертвованной суммой для открытия и должного функционирования новой кафедры¹³.

После предшествовавших обсуждений члены Совета академии приняли решение для предварительного обсуждения вопроса о соответствующем использовании капитала, пожертвованного А.А. Ефремовским, избрать комиссию под председательством ректора. В состав комиссии были включены также инспектор академии проф. С.М. Зарин, проф. И.Е. Евсеев, проф. Г.В. Прохоров и исполняющий должность доцента Н.А. Коновалов.

Судя по всему, по благословению ректора реальное составление всех необходимых документов было поручено профессору Ивану Евсеевичу Евсееву. Дело в том, что следующее заседание указанной выше комиссии состоялось только 25 апреля 1914 г. Одним из главных предметов ее обсуждения стал именно доклад профессора Евсеева. Основные тезисы сообщения Ивана Евсеевича сводились к следующему.

Во-первых, И.Е. Евсеев искренне благодарил завещателя за такой щедрый дар на благо академии и всей Русской Православной Церкви через будущих выпускников высшей богословской школы. Евсеев утверждает, что отныне имя Афанасия Алексеевича Ефремовского станет *незабвенным* в летописях академической жизни. Вне всякого сомнения, члены комиссии, впрочем как и все члены корпорации, читая этот доклад, соглашались с этим утверждением. Кто бы мог подумать, что через какие-нибудь четыре года все изменится, а еще лет через десять никто уже и *не вспомнит* имя Ефремовского!

Во-вторых, и это особенно интересно, автор записки, как профессор гомилетики в прошлом, дал оценку существовавшей издавна академической дисциплине и сравнил ее цели и задачи с целями и предметом планируемой кафедры. Главное отличие кафедры гомилетики от вновь проектируемой сводилось к тому, что прежняя академическая дисциплина по своему содержанию являлась теоретической. Новая же кафедра выдвигала на первый план прикладную, практическую сторону. «Гомилетика, в постановке её по последнему, ныне действующему академическому уставу [имеется в виду устав 1910–1911 гг. — Д.К.], связана в академическом преподавании с пастырским богословием и аскетикой, то есть поставлена на путь исключительно интуитивного, а не изыскательно-го способа нравственного убеждения. Высокая степень духовного нравственного переживания должна властно и принудительно действовать на другую волю, одинаково с первою пребывающую в одной и той же атмосфере сыновнего пре-

¹³РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 1об.

клонения пред священным авторитетом церковного предания. Вот, по нашему мнению, смысл постановки науки о проповедничестве в нынешнем академическом уставе»¹⁴. Евсеев со знанием дела утверждает, что такая постановка науки о проповедничестве весьма значительно сужает область возможного применения проповеди. Подобного рода проповеди действительны только в отношении тех, кто уже находится в церковной ограде, для остальных же такая проповедь будет малоэффективной. Проповедь необходимо приспосабливать к уровню понимания, складу мышления и языку той весьма обширной категории лиц, жаждущих живого слова. В этом смысле, по мнению Евсеева, вновь учреждаемая кафедра должна была коренным образом изменить ситуацию.

В-третьих, профессор рассуждает о ситуации, сложившейся в области ораторского искусства в светской среде. Евсеев отмечает, что за последнее десятилетие в этой области произошли кардинальные изменения. Возникли целые направления и течения, в рамках которых развились новые методы обсуждения судебных, гражданских и государственных вопросов, новые способы изложения и преподавания научных и бытовых представлений. В начале XX века появляются и интенсивно разрабатываются новые теории речи на суде, на сцене, более чем развиваются приемы и способы парламентской речи, лекторского или преподавательского искусства: «Современная психология раскрывает, например, совершенно новые горизонты для проповеднических соображений в своих изысканиях о свойствах и особенностях народной психологии, о способах воздействия на народные массы. Исследования о языке и связанном с ним творчестве уясняют неведомые ранее законы и особенности строения языка в применении его к чистой и литературной речи»¹⁵. Новая академическая кафедра должна была заняться изучением и принятием на вооружение всех этих новых методов и научных приемов.

В-четвертых, Евсеев делает неутешительный вывод о современном плачевном состоянии церковной проповеди. Особенно бедственным это состояние выглядит на фоне активного развития светского ораторского искусства. «Все это движение в область наилучшего использования живой речи, развившееся на окраинах или, вернее, за пределами нашей духовной литературы и школы, не воспринято, не претворено нашею призванною к сему духовною наукою — в целях служения вечному Слову — и, естественно, не может не производить впечатления отсталости и связанной с этим малой убедительности и привле-

¹⁴Там же. Л. 12.

¹⁵Там же. Л. 12–12об.

кательности нашей духовной проповеднической речи, вообще нашего, нужно признать, довольно тяжеловесного, подёрнутого в обилии школьной дымкой, богословского языка»¹⁶. Далее И.Е. Евсеев во вполне традиционном для церковных публицистов начала прошлого столетия ключе говорит, что изложение вопросов не только гражданских, общественных и государственных, но даже и духовно-нравственных и религиозных в светской литературе и светской устной речи — по своей живости, новизне построения и широте горизонтов — стоит на гораздо более высоком уровне. Именно потому, вследствие своей несомненной заманчивости и привлекательности, оно представляет серьезную опасность для «обычного, недостаточно гибкого и приспособленного слова с церковной кафедры»¹⁷.

В-пятых, — и это итог рассуждений Евсеева — церковному проповедничеству начала XX в. необходимо выработать новый стиль духовной речи. Решить эту творческую задачу должна была именно новая проектируемая академическая кафедра.

Таким образом, профессорско-преподавательская корпорация столичной духовной академии в лице профессора И.Е. Евсеева не только согласилась с диагнозом, который был поставлен церковному проповедничеству начала столетия рядовым членом Церкви А.А. Ефремовским, но в своём анализе шла еще дальше, рисуя картину более яркими красками.

В докладе Евсеева были затронуты и другие вопросы. В частности, был рассмотрен еще вопрос о наименовании новой кафедры. Докладчиком был предложен следующий вариант: «Живое слово»¹⁸. В отношении возможного кандидата для замещения новопроектируемой кафедры Иван Евсеевич предположил, что им «должно быть лицо богословского образования, с природным даром слова, с обязательством для него до вступления на кафедру заняться специальной подготовкой в России и главным образом за границей, в Париже»¹⁹.

Финансовая сторона вопроса стала главным камнем преткновения. Согласно волеизъявлению жертвователя предполагалось, что 230 акций будут проданы не меньше чем за 300 рублей каждая, что позволит выручить порядка 70000 рублей. При правильном вложении в банк процентов с указанной суммы должно было быть достаточно на оплату научно-учебной деятельности профессо-

¹⁶Там же. Л. 12об.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же.

ра. Кроме того, предполагалось, что 2000 рублей будут направлены на академический храм для поминовения имени жертвователя и его родных и близких. Пожертвованная на поминовение сумма должна была использоваться на благоустройство академической церкви. Что касается поминовения, то эта просьба завещателя звучит следующим образом: «Затем почтительнейше прошу: служить в академии заупокойные литургии о душах: отца, иерея Алексея, матери Ольги и жены Марии, братьях: Иоанне, Алексее, Петре и Николае, сестрах: Татиане, Марии, Екатерине и Александре: 14 января, 27 февраля, 11 июля, 22 июля, 5 августа и 21 ноября. А я, ежели удостоюсь милосердия молитвы, в загробной жизни, буду молиться об учащих и учащихся»²⁰.

Весной 1914 г. сумма с продажи пожертвованных акций могла составить 66000 руб.²¹ Этого было не вполне достаточно для должного обеспечения вновь учреждаемой кафедры. Тем более, что предполагалось некоторые суммы выделять на поощрения студентам, проявившим выдающиеся успехи в проповедническом служении.

Для выхода из сложившейся ситуации И.Е. Евсеев предложил использовать проценты с другого пожертвования, которое было осуществлено академии еще в 1909 г. Имеется в виду премия бывшего воспитанника академии титулярного советника Ивана Алексеевича Покровского, который пожертвовал академии на учреждение премии своего имени 9000 рублей. Проценты с означенной суммы планировалось использовать на оплату преподавателя декламации, приглашенного, с согласия академического совета, ректором академии. Лектор должен был читать студентам, которые добровольно того пожелают, лекции по ораторскому искусству. Также предполагалось, что лектор будет проводить по своему предмету практические занятия. Все лекции должны были проходить в летнее или какое-либо каникулярное время и в часы, свободные от учебных занятий. Кроме того, часть процентов с указанного капитала должна была направляться на денежные премии студентам академии, проявившим особое усердие и успехи в церковной проведи. Предполагалось, что они будут произносить наизусть («без тетрадки») краткие проповеди или поучения, направленные против лености и праздности, против пьянства и невоздержанной жизни. Любопытно, что, согласно воле завещателя, проповеди эти не обязательно должны были быть самостоятельно составленными²².

²⁰Там же. Л. 11–11об.

²¹Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 306.

²²РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 4.

Судя по всему, капитал с премии И.А. Покровского вплоть до 1914 г. не использовался или использовался, но незначительно, т.к. к рассматриваемому моменту капитал премии составлял уже 11693 руб. 22 к.²³ Учитывая близость целей пожертвований А.А. Ефремовского и И.А. Покровского, Евсеев предложил объединить имеющиеся суммы для скорейшего открытия новой академической кафедры.

Рассмотрение доклада Евсева и решений комиссии состоялось на заседании академического Совета 12 мая 1914 г. Существенных возражений со стороны других членов корпорации предложения комиссии не вызвали. Тем не менее, было принято решение отложить окончательное суждение по данному вопросу до начала нового учебного года. Доклад Евсева, а также текст завещания были опубликованы в виде небольшой брошюрки, каждый экземпляр которой был роздан всем членам совета для более внимательного и тщательного изучения. Во время очередного рассмотрения вопроса об учреждении кафедры предполагалось, что члены корпорации выскажут свои мнения по следующим наиболее важным вопросам: 1) название кафедры; 2) предмет и задачи новой кафедры и 3) способ замещения кафедры²⁴.

Безусловно, щедрый дар завещателя вызвал обсуждение темы в церковной среде. Один из членов корпорации Виктор Адрианович Беляев в 1914 г. в «Церковном вестнике» поместил статью с говорящим заголовком: «Почему безмолвен русский священник?». Предваряя свои рассуждения на эту тему, молодой учёный отмечал: «Церковная проповедь, по общему сознанию, без сомнения, составляет одну из самых слабых сторон церковной жизни. На эту тему сказано и написано очень много речей, часто негодующих, исполненных стыда и скорби. Особенно достается бедным сельским священникам. Их принято упрекать в ленности, бесталанности, стыдить примером протестантских пасторов, которые де все прекрасные проповедники»²⁵. Далее автор говорит о своеобразии церковной архитектуры, о красоте православного искусства, которые проповедают истину Православия самим своим наличием. Таким образом, по мнению автора статьи, церковное искусство иногда может сказать гораздо больше, чем многочисленные слова проповедников. Сложно сказать, была ли эта статья ответом на дис-

²³ Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 306.

²⁴ Там же. С. 308.

²⁵ Беляев В. Почему безмолвен русский священник? (К психологии Православия) // Церковный вестник. 1914. № 6. Стлб. 164.

куссии, развернувшиеся в кулуарах академического совета, или же совершенно случайно затронула острую и болезненную тему.

Если со статьей Беляева не совсем всё ясно, то приводимые ниже слова профессора протоиерея Иакова Галахова совершенно точно относятся непосредственно к проектируемой кафедре. Отмечая важность новой дисциплины, отец Иаков, тем не менее, вполне справедливо заявлял, что он не разделяет всех радужных ожиданий от учреждения кафедры, которая должна была стать едва ли не главной и единственной панацеей от проблем в области церковной проповеди: «От проповедника веры и нравственности требуется не одно умение говорить экспромтом. Необходимо, чтобы речь, им произносимая, шла от сердца и говорила сердцу. Католические и протестантские проповедники говорят за каждой службой по полу-часу, часу и даже более. Они говорить умеют, прошли для этого необходимую школу. Но и у них речи и проповеди, захватывающие внимание, очень редкое явление. Умение говорить не обеспечивает влияния и должного воздействия. <...> Да, — для церкви необходимо что-то больше простой декламации, а проповедь церковная не должна заключаться в простой говорильне»²⁶. Излив, наверное, необходимую порцию критики, отец Иаков, вместе с тем, заканчивает свою публикацию одобрением запланированного проекта, и говорит о большой важности дара Ефремовского и том, что голос этого дворянина является голосом, идущим от интеллигенции, «жаждущей живого слова от служителей Слова»²⁷.

Очередное обсуждение вопроса о новой академической кафедре состоялось уже в новом учебном году на заседании совета 29 сентября 1914 г. под председательством ректора академии епископа Анастасия (Александрова). Существенных возражений против положений, выработанных комиссией еще весной 1914 г., не прозвучало, если не считать выступления профессора И.Г. Троицкого. Почтенный учёный обратил внимание своих коллег на необходимость максимально буквального прочтения текста завещания. Согласно воле А.А. Ефремовского, необходимо было учредить кафедру, которая бы служила улучшению церковного чтения и церковного учительства со стороны внешних технических условий. Поэтому, по мнению Троицкого, «при начертании объема тех сведений, которые должны составлять содержание проектируемой дисциплины, следует включить сюда все то, что необходимо знать для постановки церковно-

²⁶Галахов И., *прот.* Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1030.

²⁷Там же.

го чтения и церковной проповеди со стороны их внешней техники. В частности, сюда следует включить правила относительно правильного, ясного, отчетливого и логически осмысленного чтения в храме, в частности — т.н. псалмодического чтения, и правила церковной декламации, — с практическими упражнениями как в чтении, так и в произношении. В виду выраженного в завещании желания относительно упражнения в импровизации, следовало бы, при ведении практических упражнений в произношении, приучить к составлению речей на темы импровизированные и экспромтом (без тетрадки). С таким научным содержанием проектируемая дисциплина могла бы быть названа: «Церковное чтение и произношение»²⁸. В отношении всех других предложений, представленных комиссией, Троицкий изъявлял полное согласие.

Итак, вопрос, поставленный профессором И.Г. Троицким, касался не только и не столько целей и предмета новой кафедры, сколько ее наименования. После состоявшейся дискуссии между членами академического совета большинством голосов было принято решение новую кафедру назвать следующим образом: «Церковное живое слово и чтение»²⁹.

По итогам своего осеннего заседания Совет академии обратился на имя митрополита Санкт-Петербургского Владимира (Богоявленского) с просьбой ходатайствовать об учреждении новой кафедры перед Св. Синодом. Действительно, в канцелярии столичного митрополита было составлено соответствующее представление от 28 октября 1914 г.³⁰ Рассмотрение вопроса Св. Синодом состоялось 5 ноября того же 1914 г. Правда, нужно отметить, что к осени 1914 г. цена за пожертвованные акции серьезно упала. Так, на проекте митрополичьего представления в Синод карандашом на полях, возможно, одним из чиновников, написано, что «в настоящее время приблизительная цена акции от 170 до 180 руб.»³¹ Понятно, что в таком случае итоговой суммы было совсем недостаточно, даже с привлечением премии Покровского.

Решение высшей церковной власти было неприятным для академической корпорации, но вполне ожидаемым и понятным в свете тех событий, которые переживало все российское государство. Принимая во внимание, что выгодная реализация в ближайшее время пожертвованных акций, особенно по указанной в завещании цене в 300 рублей за акцию, являлась, в виду военных обстоятельств,

²⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Л. 2–2об.

²⁹Там же. Л. 2об.

³⁰Там же. Л. 1–3об.

³¹Там же. Л. 1.

невозможной, Св. Синод определил: «Окончательное суждение об учреждении в Императорской Петроградской духовной академии кафедры «Церковное живое слово и чтение» отложить до того времени, когда помянутые акции будут обращены в государственные процентные бумаги»³².

Решение Св. Синода было вполне оправдано текущими событиями в Церкви и в государстве. Хотя тот же Розанов, еще когда процесс открытия новой кафедры только был запущен, говорил, что такие же кафедры необходимо открыть во всех четырех духовных академиях и за счет синодальных сумм: «Можно бы учредить хоть в Московской духовной академии еще *такую же* кафедру; ибо капитал дает в процентах сумму, достаточную доцентур; уж небольшое недостающее Св. Синод мог бы добавить из своих специальных сумм. Да, Синоду вообще следовало бы озаботиться учреждением *таких именно кафедр*, экспромта и дикции, во всех 4-х академиях!! Это с *его собственной точки зрения*, — что задача духовного образования главнее всего состоит в приготовлении пастырей церкви, священно- и церковнослужителей, — совершенно необходимая и даже неизбежная последовательность. Ефремовский своей частной инициативой только *подсказал* то, что духовное ведомство давно должно было *само* сказать себе...»³³

Как бы то ни было, итог этой чрезвычайно интересной и важной попытки учредить кафедру «Церковного живого слова и чтения» в Санкт-Петербургской духовной академии известен — кафедру учредить не успели, имена жертвователя и его родных в академической церкви были забыты.

Что же касается состояния православной гомилетики в последующие годы XX столетия, то здесь вполне уместно привести слова А. Краснова-Левитина: «Питер 20-х годов. Только недавно закрылись Петроградская духовная академия и семинария, закрылись все духовные журналы, издательства, богословские и философские общества. И все профессора, магистры, кандидаты богословия, церковные писатели — все хлынули на приходы. Стали невозможны диссертации, богословские статьи, монографии, единственное, что осталось — церковная кафедра. Она была в то время еще относительно свободной: проповедь не запрещалась, если в ней не было непосредственных политических призывов. Церковная смута способствовала оживлению церковной проповеди»³⁴.

³² Там же. Л. 15об.

³³ Розанов В.В. О важнейшей нужде церкви... С. 109.

³⁴ Левитин-Краснов А.Э. Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1977. С. 73–74.

Впрочем, это оживление церковного красноречия, этот внезапный ренессанс православной гомилетики был обречен на кратковременность. Дальнейшее свидетельствование о православной вере осуществлялось уже не словами, а делами и мученической кровью.

Источники и литература

1. *Беляев В.* Почему безмолвен русский священник? (К психологии Православия) // Церковный вестник. 1914. № 6. Стлб. 164–166.
2. *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Ответственный редактор С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М.: Время, 2011. 800 с., ил. — («Диалог»).
3. *Галахов И., прот.* Кафедра экспромта и дикции // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1029–1030.
4. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 21. Стлб. 644–645.
5. Журналы заседаний Совета Императорской Петроградской духовной академии за 1913–1914 учебный год. Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. 619 с.
6. Журналы заседаний Совета Императорской Санкт-Петербургской духовной академии за 1912–1913 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
7. *Левитин-Краснов А.Э.* Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1977. 460 с.
8. РГИА. Ф.796. Оп. 198. 1 отд. 2 ст. Д. 1914. Об учреждении в Императорской духовной академии новой кафедры.
9. *Розанов В.В.* Собрание сочинение. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с.

К.А. Соловьев

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ВЫСОЧАЙШЕМ МАНИФЕСТЕ ОТ 26 ИЮЛЯ 1914 г.

В статье приводится анализ текста манифеста от 26 июля 1914 г., в котором объявлялось о вступлении Российской империи в Первую мировую войну. Сопоставление завершающей части манифеста с библейскими текстами показывает, что символика манифеста опирается на семантику образов Псалтыри, книг Иудифи, Есфири и пророка Исаии, то есть тех ветхозаветных Писаний, в которых повествуется о торжестве справедливости в борьбе с врагами.

Ключевые слова: манифест от 26 июля 1914 г., император Николай II, Первая мировая война, Библия, ветхозаветные тексты, легитимация справедливой войны.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну было официально оформлено изданием двух манифестов: от 20 июля и от 26 июля 1914 г. Манифест в данном случае — важнейший инструмент легитимации решения верховной власти, формирования представлений о войне как справедливом деянии.

Манифесты имеют одинаковую структуру. Первая часть — интитуляция, вторая — констатирующая часть и третья — призыв. В довершение — реквизиты документа. Две содержательные части: констатация и призыв. Констатация содержит объяснение событий, предшествующих решению, и мотивов его принятия. Она необходима для достижения эффекта, который Ж.П. Лиотар назвал «социо-политической легитимацией знания посредством определенного типа наррации»¹, другими словами, — для того, чтобы при чтении манифеста смысл написанного не вступал в противоречие с уже сформировавшимся образом России как государства, защищающего братский народ и стоящего на страже справедливости. Применительно к текстам рассматриваемых манифестов, в этой части простым и доступным каждому языком излагаются события, произошедшие вокруг конфликта между Сербией и Австрийской империей. Излагаются они таким образом, чтобы оттенить правоту российской верховной власти (и её мирные намерения) и неправоту противников: Австро-Венгрии и Германии.

Константин Анатольевич Соловьев — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (ksoloviov@sra.msu.ru).

¹ Лиотар Ж.П. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 76–77.

Последняя часть (призыв) необходима для того, чтобы побудить читателей и слушателей манифеста к определенной реакции как на свершившиеся события, так и на те, что должны произойти в будущем. Об этой части нарративной структуры манифестов (главным образом, манифеста от 26 июля) и тех аллюзиях, которые должны быть вызваны у читателей и слушателей при знакомстве с текстом, и пойдет речь в статье.

Вот как выглядит «призыв» в манифесте от 20 июля:

«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно станут все верные наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысл, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение»².

Большинство семантических единиц этой части имеет обобщенно-патетический («дружно», «самоотверженно», «единение», «как один человек», «грозный час», «дерзкий натиск») или «державный» характер. Особо важна именно «державная» лексика, не имеющая прямых и явных коннотаций с конкретными текстами или событиями в прошлом. Среди них: «честь, достоинство и целостность», «великие державы», «Русская земля», «доблестные войска». В качестве опорных семантических единиц в этой части выступают идиомы и выражения, уже использованные ранее в манифестах российских монархов. Так, выражение «верные подданные» любила применять в своих актах еще императрица Анна Иоанновна³. В частности, в «Манифесте, сочиненном графом Остерманом, о назначении императрицею Анной принца Иоанна наследником русского престола» от 5 октября 1740 г. этот оборот (в двух вариантах «верные подданные» и «верные наши подданные») был использован двенадцать раз⁴. А в

²Манифест Николая II от 20 июля 1914 г. о вступлении России в войну // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 125–126.

³См.: Законодательство Анны Иоанновны. М., 2009.

⁴*Пекарский П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1868. С. 619–622.

манифестах, подписываемых Николаем II, этот оборот в качестве обращения к населению страны стал уже обязательным.

Оборот «Святая Русь», используемый еще в исторических песнях XVI–XVII веков и введенный в литературный оборот Н.М. Карамзиным⁵, был использован в манифесте Николая I от 14 марта 1848 г. «О событиях в западной Европе», что вызвало отклики выдающихся русских литераторов П.А. Вяземского (стихотворение «Святая Русь») и В.А. Жуковского (письмо к Вяземскому)⁶. Сам Николай II использовал этот оборот в манифесте «О кончине императора Александра III и присяге» от 20 октября 1894 г.⁷

Встречаются здесь и другие речевые конструкции, привычные языку манифестов Николая II. Так, семантическая конструкция «единение царя с народом» близка к той, что была использована в манифесте «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г.: «при тесном единении всех верных сынов отечества»⁸ и полностью воспроизводит первую часть расширенной формулировки идеологемы о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем» из манифеста «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 года»⁹.

С полной уверенностью можно утверждать, что набор «общих мест» торжественно-державного содержания был если не полностью исчерпан первым июльским манифестом, то, по крайней мере, задействован в очень большом составе. Кроме того, второй манифест июля 1914 г. готовился в осознании того, что локальный конфликт явным образом перерос в мировой, и масштаб события увеличился в разы. Необходимы были новые семантические ресурсы, использование которых в манифесте могло вызывать ответную реакцию у народа. С учетом того, что значительная часть населения Российской империи была неграмотна, манифесты, по традиции, зачитывали в церкви, где священник мог дать свой комментарий. Эти ресурсы могло дать обращение к книгам Библии и, прежде всего, если речь идет о борьбе с врагом, — Ветхого Завета. Именно

⁵См.: *Сретенский В.М.* Псевдолотоман. Историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010. С. 94–95.

⁶*Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007.

⁷Высочайший манифест // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1894. Т. III. С. 13–14.

⁸Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIII. № 22581. 26 февраля 1903 г.

⁹Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. Ст. 26656. С. 637–638.

так и поступил автор текста манифеста от 26 июля в той части, которую мы обозначили как «призыв»:

«Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей её России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенной силой растёт на встречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твёрдостью встанет перед врагом вызванная им на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мировой славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов Мы не одни: вместе с нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце»¹⁰.

Рассмотрим наиболее значимые библейские аллюзии в этом тексте.

1. «...обнажившая... меч». Текст первого предложения «призыва» отсылает читателя и слушателя к нескольким местами из Библии. Но самая прямая отсылка — к псалму 36: «Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежет на него зубами своими: Господь же посмеивается над ним, ибо видит, что приходит день его. Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить идущих прямым путем: меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся» (Пс 36:12-15).

Отметим, что это псалом Давида, поразившего Голиафа, что сразу же дает необходимую точку отсчета: политика «немецких держав» соотносится с агрессией филистимлян. Политика же России, «идущей прямым путем», справедлива. Одновременно закладывается вектор исторического движения: меч, обнаженный нечестивым, ему же в сердце и вонзится. Что, в свою очередь, должно напоминать слова Иисуса Христа: «...возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:52), отразившееся, в свою очередь, в Откровении Иоанна Богослова: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» (Откр 13:10). Таким образом, семантика «обнаженного меча» недвусмысленно указывает на «непра-

¹⁰Манифест Николая II от 26 июля 1914 г. // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 126.

ведную» позицию противников России и, посредством образа Давида, предсказывает грядущие победы.

2. «Силы неприятеля *умножаются*: против России и всего славянства *ополчились...*». Здесь мы могли бы обратиться еще к одному псалму: «Господи, почему умножились теснящие меня? Многие восстают на меня, многие говорят душе моей: нет спасения ему в Боге его. ...Не убоюсь множеств людей, кругом нападающих на меня. Восстань, Господи, спаси меня, Боже мой, ибо Ты поразили всех враждующих против меня тщетно, зубы грешников Ты сокрушил. От Господа спасение и к народу Твоему — благословение Твоё» (Пс 3:2–9).

Этот псалом предуведомляется словами: «Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего», и служит иллюстрацией смуты в Израиле в годы глубокой старости Давида. Аллюзии, вызываемые эти псалмом (мятежи сыновей Давида Авессалома и Адонии, восстание под руководством Савея) не очень подходят стране вступающей в войну и нуждающейся в единстве. Поэтому вряд ли автор текста рассчитывал именно на такую трактовку, когда писал об умножающихся силах противников. Здесь нужны иные коннотации. И они находятся в книге Иудифи: «Вот, Ассирияне умножились в силе своей, гордятся конем и всадником, тешеславятся мышцею пеших...» (Идф 9:7). Именно в девятой главе этой книги содержится описание того, чем грозит стране грядущая война.

Книга Иудифи повествует о борьбе жителей города Ветилуя с войском Олоферна, военачальника ассирийского царя Навуходоносора, и подвиге молодой вдовы Иудифи, хитростью проникшей в лагерь агрессоров и отрубившей голову Олоферна его же мечом. Тем самым зарифмовывается метафора «обнаженного меча», использованная чуть выше. Книга Иудифи дает богатые возможности комментаторам манифеста для создания образа страны — укрепленной крепости, стойко выдерживающей осаду иноземцев. А образ Иудифи, в какой-то мере, может быть соединен с образом России, которой предстоит «овдоветь» после смерти солдат, отправляющихся на фронт. Это еще не образ «Родины-Матери», но некоторое движение к нему.

3. «...*справедливый гнев мирных народов...*» — словоформы «справедливость/справедливый» и слово «гнев» постоянно присутствуют в текстах как Ветхого, так и Нового Заветов. Однако словосочетание «справедливый гнев» нигде не встречается. Более того, слово «гнев» имеет отрицательную коннотацию по отношению к деяниям людей («гнев губит и разумных», Притч 15:1), но положительную коннотацию возмездия за грех — по отношению к Богу. Поэтому выражение «справедливый гнев» — это новация по отношению к семанти-

ческому ряду библейских текстов. Оправдать ее можно только перенеся саму возможность «гнева» с человека (людей, народов, государств) на Бога и придав «гневу» характер восстановления Божественной справедливости.

Такого рода стремление проявляется в семантическом поле оборота «гнев мирных», особенно если обратиться к молитве Иудифи: «Господь — имя Тебе; сокруши же их крепость силою Твоею, и уничтожь их силу гневом Твоим, ибо они замыслили осквернить святилище Твое, поругаться над мирным селением имени славы Твоей и железом сокрушить рог Твоего жертвенника. Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я» (Идф 9:8–9). Здесь — моление о том самом гневе возмездия — и объяснение того, почему этот гнев должен обрушиться на войско Олоферна: за желание «поругаться над мирным селением». Кроме того, в этой молитве упоминается железо (металл войны). И это железо появится затем в тексте манифеста.

4. «...вызванная на брань Россия...». Здесь нам придёт на помощь Третья книга Ездры: «Слушай слово, народ мой: готовьтесь на брань, и среди бедствий будьте как пришельцы земли» (3 Езд 16:41). Этот текст — сам по себе сильнейший призыв к борьбе с врагами: «Продающий пусть будет как собирающийся в бегство, и покупающий — как готовящийся на погибель; торгующий — как не ожидающий никакой прибыли, и строящий дом — как не надеющийся жить в нем. Сеятель пусть думает, что не пожнет, и виноградарь, — что не соберет винограда; вступающий в брак, — что не будут рождать детей, и не вступающие, — как вдовцы. Посему все трудящиеся без пользы трудятся, ибо плодами трудов их воспользуются чужеземцы, и имущество их расхитят, дома их разрушат и сыновей их поработят, потому что в плену и в голоде они рожают детей своих» (3 Езд 16:42–47). «Брань» (сражение) — один из самых экспрессивных семантических единиц текста. «Вызов на брань» не оставляет вариантов для развития событий, потому что если не будет брани, будет избиение. Вызванный на брань не может остаться в стороне, иначе ему придется испытать все то, о чем повествуется в вышеприведенной цитате.

5. «суетной мирской славы...» — явная отсылка одному из наиболее известных высказываний в христианском богословии («sic transit gloria mundi») — фразе Фомы Кемпийского из третьей главы книги «О подражании Христу» (ок. 1427 г.): «О, как скоро слава мира проходит! Когда бы жизнь их согласна была с их наукою, тогда бы по правде изучали они науку и по правде читали бы. Как много погибающих в нынешнем веке от суетной науки, оттого, что мало забо-

тились о служении Богу. Оттого, что хотели быть великими, а не смиренными, оттого исчезоша в помышлениях своих»¹¹. Пафос этого высказывания направлен против «умствования» в достижении истины и никак не связан с войной или каким-либо иным насилием. Но сам по себе оборот «мирская слава» указывает на ложную цель: «хотели быть великими». Семантический ряд этого высказывания выстраивается через отсылку на Послание к Римлянам ап. Павла: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели...» (Рим 1:18–22). Тем самым, обобщенная оценка стремящихся к «мирской славе» указывает на «безумство», возникающее от «гордыни», что вполне подходило к характеристике государств «обнаживших меч».

6. «...боремся за правое дело». Словосочетание «правое дело», а точнее — «делающий правое», содержится в апокрифической книге «Псалмы Соломона»: «Боже, дела наши — выбор и власть души нашей, совершить правое или неправое делами рук наших. Ты же в правде Своей будь милостив к сынам человеческим! Делающий правое готовит себе жизнь подле Господа, делающий же неправое сам повинен в гибели души своей» (IX:7–9). Русский перевод «Псалмов Соломона» появился в 1896 г.¹² и широко известен, видимо, не был. Поэтому, вероятно, можно говорить о том, что автор манифеста был человек чрезвычайно сведущий в библейской литературе самого разного состава.

7. «В предстоящей войне народов Мы не одни...». Словосочетание «война народов», безусловно, отражает понимание масштабности конфликта, в который входит страна. Но у него есть и библейская основа: сон Мардохея. Тут необходимо обратиться к книге Есфири. Мардохей, пленник царя Навуходоносора, видел сон такого содержания: «...вот ужасный шум, гром, и землетрясение и смятение на земле; и вот, вышли два больших змея, готовые драться друг с другом; и велик был вой их, и по вою их все народы приготовились к войне, чтобы поразить народ праведных; и вот — день тьмы и мрака, скорбь и стеснение, страдание и смятение великое на земле; и смутился весь народ праведных, опасаясь

¹¹ *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. Одесса, 2007. С. 13.

¹² *Смирнов А., прот.* Псалтырь Соломона // Православный собеседник. 1896. № 10.

бед себе, и приготовились они погибнуть и стали взывать к Господу; от вопля их произошла, как бы от малого источника, великая река с множеством воды; и воссиял свет и солнце, и вознеслись смиренные и истребили тщеславных» (Есф Неканоническое вступление). Сон Мардохея наполнил символикой «войны народов», в которой «смиренные» побеждают «тщеславных», что, в свою очередь, перекликается с характеристикой России борющейся за «правое дело», и Германии с Австро-Венгрией, ищущих «суеты мирской славы». Пафос книги Есфири — в торжестве народа «праведных» над всеми врагами: «И избивали иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле» (Есф 9:5). Символика «обнаженного меча» доходит здесь до своего апофеоза: все враги повержены, наступает время праздника: «Это было в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день сего же месяца они успокоились и сделали его днем пиршества и веселья» (Есф 9:17). Угроза вытесняется надеждой. И эта надежда укрепляется следующей и последней из обнаруженных библейской аллюзией.

8. «...да поднимется вся Россия на ратный подвиг *с железом в руках*, с крестом в сердце». Помня, что «железо», правда, в руках врагов, мы встречали в книге Иудифи, обратимся к еще одной книге — пророка Исаии: «Посему так говорит Господь, Господь Саваоф: народ Мой, живущий на Сионе! не бойся Ассура. Он поразит тебя железом и трость свою поднимет на тебя, как Египет. Еще немного, очень немного, и пройдет Мое негодование, и ярость Моя обратится на истребление их. ... Вот, Господь, Господь Саваоф, страшную силою сорвет ветви дерев, и величающиеся ростом будут срублены, высокие — повержены на землю. И посечет чашу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего» (Ис 10:24–25, 33–34).

Пророчество о «железе», секущем «чашу леса» становится последним в ряду библейских образов манифеста. За ним следует метафора «креста в сердце», не встречающаяся в библейских текстах. Символика *сердца* в Библии подробно исследована. По П.Д. Юркевичу, сердце «есть средоточие душевной и духовной жизни человека. Так, в сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки; в нем возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли и ее хотений»¹³. Б.П. Вышеславцев указывал на сердце как на «основной орган религиозных переживаний»¹⁴. И та, и

¹³ Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. С. 69.

¹⁴ Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь. Париж, 1925. №1. С. 79–98.

другая трактовка символики сердца говорят нам о том, что, переводя религиозное чувство в область военного действия, автор текста манифеста задавал тон в восприятии начинающейся войны как духовного подвига.

Таким образом, текст той части манифеста от 26 июля 1914 г., которую мы обозначили как «призыв», можно характеризовать как сложно оркестрованное произведение, образная система которого опирается на книги Ветхого и Нового Завета. Ключевые образы этой части — это герои-победители многочисленных и сильных врагов: Давид, Иудифь, Есфирь. Причем женские образы здесь более важны, чем мужские, что соответствует женскому образу России в сознании воинов-защитников. Символика этой части опирается на образ «обнаженного меча», который в руках врага олицетворяет угрозу, а затем обращается против агрессора и, в аллюзиях на книгу Есфири и книгу пророка Исаии, переходит в пророчество о гибели врагов.

Метафоры, использованные в тексте манифеста, остались в памяти многих людей, впечатленных событиями начала Первой мировой войны. Так, уже в 1915 г. в печать вышли две книги с одним названием «С железом в руках, с крестом в сердце»¹⁵, повествующие о фронтовом опыте первого года войны. Рефрен в поэме «Двенадцать» А.А. Блока: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!» — явный парафраз той же самой фразы, но вывернутой наизнанку. Люди, уходившие на войну «с крестом в сердце», вернулись с нее «без креста». А слова, завершающие речь народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова, прозвучавшие по радио 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» — через оборот «наше дело правое» возрождали библейскую символику и образную систему манифеста от 26 июля 1914 г. в сознании слушателей.

¹⁵ *Муйжель В.В.* С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-прусском фронте). Пг., 1915; *Соколов С.А.* С железом в руках, с крестом в сердце. Записки офицера. Пг., 1915.

Источники и литература

1. *Вьшеславцев Б.П.* Значение сердца в религии // Путь. № 1. Париж, 1925. С. 79–98.
2. Законодательство Анны Иоанновны. М., 2009.
3. *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007.
4. *Лиотар Ж.П.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.
5. Манифест Николая II от 20 июля 1914 г. о вступлении России в войну // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 125–126.
6. Манифест Николая II от 26 июля 1914 г. // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 126.
7. *Муйжель В.В.* С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-прусском фронте). Пг., 1915.
8. О кончине императора Александра III и присяге // Богословский вестник. Т. III. Сергиев Посад, 1894. С. 13–14.
9. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIII. № 22581. 26 февраля 1903.
10. Об учреждении Государственной Думы от 6 августа 1905 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. Ст. 26656. С. 637–638.
11. *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1868.
12. *Смирнов А., прот.* Псалтырь Соломона // Православный собеседник. 1896. № 10.
13. *Соколов С.А.* С железом в руках, с крестом в сердце. Записки офицера. Пг., 1915.

14. *Сретенский В.М.* Псевдолотоман. Историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010. С. 94–95.
15. *Фома Кемпийский* О подражании Христу. Одесса, 2007.
16. *Юркевич П.Д.* Философские произведения. М., 1990.

М.В. Шкаровский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И ЕЕ ОБЩИНЫ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Статья посвящена деятельности руководящих органов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и истории русских церковных общин в Югославии в годы Второй мировой войны. В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников, и общины РПЦЗ в этой стране стали претерпевать различные стеснения в своей деятельности. В среде русской эмиграции произошел раскол: часть паствы РПЦЗ вступила в различные антикоммунистические формирования, прежде всего – в Русский корпус, другая часть негативно относилась к немцам. Священноначалие РПЦЗ старалось занимать в целом нейтральную позицию, пытаясь принять активное участие в религиозном возрождении на оккупированной территории СССР, однако немецкие власти не пустили русских эмигрантских священнослужителей на Родину. Осенью 1944 г. из-за приближения советских войск Архиерейский Синод эвакуировался в Германию, где с некоторыми перемещениями оставался до конца войны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, церковная эмиграция, Югославия, Вторая мировая война, Германия.

В дни оккупации для русских эмигрантов в Белграде духовным центром стала их приходская церковь Пресвятой Троицы. Здесь в августе 1941 г., после принятия монашеского пострига, был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха будущий епископ Западно-Европейский и Женевский Леонтий (в миру Лев Георгиевич Бартошевич, 1914–1956). 20 июля 1941 г. принял монашеский постриг, 27 июля был рукоположен митрополитом Анастасием во иеродиакона и 19 августа 1941 г. — во иеромонаха брат о. Леонтия — выпускник богословского факультета Белградского университета о. Антоний (Бартошевич, будущий архиепископ). 13 сентября 1941 г. владыка Анастасий, узнав из рапорта директора 1-го Русского кадетского корпуса в Белой Церкви генерал-майора А.Г. Попова об отрицательном отношении к законоучителю о. Иоанну Гандурину, предложил ему другого кандидата — иеромонаха Антония (Бартошевича), и с февраля 1942 г. о. Антоний стал служить законоучителем в этом кадетском корпусе¹.

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

* Окончание. Начало см.: Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 207–254.

¹СА. Д. 18/41.

10 октября Первоиерарх РПЦЗ написал настоятелю монастыря прп. Иова архимандриту Серафиму (Иванову) о том, что на днях постриг в Свято-Троицкой церкви с именем Никон работавшего до 1941 г. редактором газеты «Царский вестник» Н.П. Рклицкого (будущего архиепископа), а игумен Лука с возглавляемыми им братьями и сестрами пока находится в Земуне, оставаясь в сербской юрисдикции, но, вероятно, вскоре переедет в Белград².

21 октября 1941 г. в Свято-Троицкой церкви был рукоположен во диакона, а 25 марта 1942 г. митрополитом Анастасием во иерея выпускник богословского факультета Белградского университета, с 23 сентября 1936 г. работавший законоучителем VI мужской реальной гимназии и V женской гимназии в Белграде, будущий архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Савва (в миру Федор Федорович Раевский, 1892–1976). До апреля 1944 г. он служил сверхштатным священником в храме Пресвятой Троицы, а затем уехал в Германию³.

Также в Свято-Троицкой церкви 9 октября 1942 г. был рукоположен во диакона, а 14 октября во иерея известный славист, палеограф и византинист, бывший доцент Белградского университета и преподаватель истории в русской мужской гимназии Владимир Алексеевич Мошин. Он был связан и с Русским научным институтом, где, несмотря на оккупацию, систематически преподавались курсы по истории русской общественной мысли, русской литературы и византиноведению⁴.

Так как богословский факультет Белградского университета с началом оккупации был закрыт, оба его русских профессора оказались без работы. Один из них — славист Степан Михайлович Кульбакин скончался в Белграде 22 декабря 1941 г. и был похоронен на русском участке Нового кладбища Белграда, у Иверской часовни, а второй — известный специалист в области канонического права Сергей Викторович Троицкий в дальнейшем вернулся к преподаванию в Белградском университете.

С начала 1940 г. в Югославии проживал крупнейший православный патролог, известный в Западной Европе и Америке богослов и философ протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), избранный в 1939 г. членом-

²Там же. Д. 15/41.

³АС. Г/3, 1-796/1941; *Протопопов М., протопр.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999. С. 15–16.

⁴*Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. С. 186.

корреспондентом Русского научного института в Белграде. В 1940–1942 гг. он преподавал историю религии и был духовником Крымского кадетского корпуса и Донского Мариинского девичьего института в Белой Церкви. В начале апреля 1941 г. в ходе одного из налетов немецкой авиации на Белград был уничтожен склад, где хранились почти все экземпляры напечатанной в Югославии книги о. Георгия «Пути русского богословия». Решением Архиерейского Синода от 21 июня 1941 г. протоиерей был награжден золотым наперсным крестом⁵. В 1942 г. Флоровские переехали в Белград, где о. Георгий преподавал Закон Божий в мужской и женской русско-сербских гимназиях. Позднее он вспоминал, что условия жизни в период немецкой оккупации были таковы, что заниматься исследовательской и литературной работой оказалось трудно, а порой и невозможно⁶.

Только в октябре 1944 г. о. Георгий вместе с женой переехал из Белграда в судетский г. Франценсбад (Франтишковы Лазни). 11 октября он написал в Рейхсминистерство церковных дел, что все его вещи остались в Белграде, ему не на что жить, и попросил об оказании помощи⁷. 23 октября сотрудник министерства В. Гаугг запросил об о. Г. Флоровском у Берлинского митрополита Серафима (Ляде), и 2 ноября владыка отправил в РКМ благоприятный отзыв, подчеркнув: «Я хочу только заметить, что протоиерей Г. Флоровский, которого я лично хорошо знаю, может быть использован лишь как ученый, для службы в качестве приходского священника он совсем не подходит»⁸. В дальнейшем о. Георгий переехал в Прагу, а в 1945 г. — в Париж, где вновь стал профессором Свято-Сергиевского института⁹.

Большую активность также проявлял приехавший в Белград в начале 1941 г. из Ужгорода (в связи с венгерской оккупацией Закарпатья) духовник митрополита Анастасия игумен Аверкий (будущий архиепископ, в миру Александр Павлович Таушев, 1906–1976). Он служил вторым священником в Свято-Троицкой церкви, преподавал пастырское богословие и гомилетику на миссионерско-пастырских курсах, читал систематический курс лекций на духовные темы в Русском доме, был председателем просветительного отдела Белградского приходского совета, организовывал религиозно-просветительские

⁵СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

⁶Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 74–76.

⁷РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 11. Л. 221.

⁸Там же. Л. 222, 224.

⁹Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. С. 76.

собрания и, кроме того, после смерти в июне 1943 г. архиепископа Курского Феофана являлся хранителем чудотворной Курско-Коренной иконы Знамения Божией Матери, с которой во время бомбежек бесстрашно посещал дома русских белградцев и служил молебны. 5 апреля 1944 г. Архиерейский Синод решил игумену Аверкию носить наперсный крест с украшениями, а конце этого года возвел его в сан архимандрита¹⁰.

В.А. Маевский так охарактеризовал поведение священнослужителей РПЦЗ в период немецкой оккупации: «...русское духовенство в Югославии в эти печальные годы было на большой высоте и держало себя с исключительным достоинством. Не смотря на гонения, обыски, угрозы и аресты, — а от красных партизан также побои, издевательства и смерть, — все русские священнослужители проявили незаурядное мужество и непоколебимую любовь к своей родине, достойно поддерживая измученную, запуганную и растерявшуюся паству свою»¹¹.

30 октября 1941 г. закончились продолжавшиеся несколько месяцев (с лета) и вызвавшие большой интерес у русских белградцев занятия богословско-миссионерских курсов (планировалось, что они подготовят церковных деятелей для миссионерской работы в России)¹². Целый ряд талантливых лекторов согласился безвозмездно читать лекции и проводить со слушателями семинары. Особенный успех имел курс богослужебного устава, прочитанный протоиереем Владиславом Неклюдовым. Заведующим курсами был профессор-протоиерей Георгий Флоровский, а в число лекторов, помимо отцов Владислава и Георгия, входили: переехавший в Белград из Дечанского монастыря епископ Митрофан (Абрамов), профессора А.И. Щербаков, С.В. Троицкий, А.В. Соловьев и В.А. Мошин, а также миряне П.С. Лопухин, Б.Р. Гершельман и К.Н. Николаев. Почти все слушатели хорошо сдали экзамены, из них даже образовался небольшой церковный хор, поющий на левом клиросе Троицкой церкви¹³. В 1942 г. богословско-миссионерские курсы работали вновь. В этом году их, в частности, закончил будущий ефрейтор Русского корпуса Олег Беляев, рукоположенный весной 1945 г. во диакона¹⁴.

¹⁰СА. Личное дело архиепископа Аверкия (Таушева).

¹¹Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 284–285.

¹²Церковное обозрение. 1941. № 10–12. С. 8.

¹³Миссионерские курсы в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 12.

¹⁴СА. Д. 51/44.

Позднее протоиерей Владимир Мошин так вспоминал о работе этих курсов и общей ситуации в русской общине Белграда: «В эти годы глубокой подавленности под гнетом оккупации, в мыслях о страданиях Родины в борьбе с фашизмом, люди все сильнее тянулись к Церкви. Мы с Олей жили сравнительно недалеко от храма (в 20 минутах хода), и для нас обеих русская церковь стала главным духовным прибежищем. Ходили туда почти ежедневно и утром и вечером, постоянно участвуя в пении любительского хора на левом клиросе, благодаря чему хорошо усвоили все церковные службы. Я часто руководил хором на левом клиросе. В связи с тяготением русского общества к Церкви при благословении митрополита Анастасия были организованы богословские курсы для популяризации знаний догматического богословия, истории русской церкви и канонического права, как и для изучения церковного устава... Параллельно с тем у митрополита Анастасия проходили закрытые собрания кружка видных ученых и общественных деятелей с информационными докладами и беседами по злободневным проблемам мировой политики и церковной жизни, в частности, в связи с вопросами о фашизме, национал-социализме... нацистскими теориями Розенберга и другими. После закрытия богословских курсов несколько выдающихся слушателей приняли церковный сан...»¹⁵.

29 декабря 1941 / 11 января 1942 гг. русская церковная община в Белграде устроила новогоднюю елку для бедных детей, которым вручили подарки и иконки. Учащиеся основной школы под руководством своего законоучителя протоиерея Виталия Тарасьева продекламировали стихотворения и пропели рождественские песни, кроме того играл музыкальный оркестр и показывали кинофильм. На елке присутствовали митрополит Анастасий, начальник Бюро русской эмиграции генерал В. Крейтер и начальник Русской охранной группы генерал Б. Штейфон¹⁶.

В начале ноября 1942 г. В. Крейтером был учрежден Комитет по оказанию зимней помощи нуждающимся русским эмигрантам под покровительством митрополита Анастасия. Особым посланием к православным русским людям владыка призвал их широко пойти навстречу деятельности комитета и помочь перенести тяготы зимы бедным эмигрантам. 21 ноября в Белграде был устроен церковный концерт с чаепитием в пользу зимней помощи. Работой комитета руководил профессор Новиков, но все важнейшие заседания проходили под председательством Первоиерарха РПЦЗ. По всему Белграду был проведен

¹⁵ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 1999. С. 199–200.

¹⁶ Елка русской церковной общины в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 12–13.

сбор денег, топлива, продуктов и вещей, самое активное участие в нем приняли церковно-благотворительные учреждения¹⁷.

13 ноября 1942 г. Архиерейский Синод постановил, «в связи с разделением Югославии», заменить в названии Епископского совета при управляющем русскими православными общинами в Югославии (то есть митрополите Анастасии) последнее слово на Сербию, «сохранив без изменений границы подведомственной ему церковной области». Секретарем Епископского совета, который в основном занимался вопросами назначения священнослужителей на приходы и бракоразводными делами, в годы войны был Алексей Александрович Юденич¹⁸.

11–13 декабря 1942 г. владыка Анастасий в сопровождении игумена Леонтия (Бартошевича), протоиерея Владислава Неклюдова и диакона Александра Качинского ездил в г. Белая Церковь для посещения Русского кадетского корпуса. 12 декабря митрополит осмотрел новое помещение корпуса и посетил уроки Закона Божия в некоторых классах, а на следующий день совершил литургию в корпусной церкви¹⁹. В том же году в Белграде, под редакцией о. Владислава Неклюдова (награжденного 16 февраля 1943 г. золотым наперсным крестом), был издан сборник статей «Пастырь добрый», в память скончавшегося в 1940 г. настоятеля Свято-Троицкой церкви протопресвитера Петра Беловидова и в связи с 20-летием существования русской церкви в столице Югославии.

12 мая 1943 г. митрополит Анастасий переслал на отзыв пяти архиереям РПЦЗ выработанный им совместно с архиепископом Феофаном (Гавриловым) проект постановления Синода «Об управлении Русской Православной Церкви Заграницей в военное время». В нем отмечалось, что в настоящее время невозможно созвать Архиерейский Собор и поддерживать связь с рядом областей, в которых до восстановления сношений с Синодом дела должны решаться на основании постановления Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 г. (о самоуправлении таких областей). Сам Архиерейский Синод состоит лишь из председателя (владыки Анастасия), секретаря (архиепископа Феофана) и еще двух членов, которые могут только присылать письменные отзывы: митрополита Серафима (Ляде) и архиепископа Серафима (Соболева). Поэтому в проекте постановления предлагалось: 1. Оставить Си-

¹⁷Зимняя помощь в Белграде // Церковная жизнь. 1942. № 11. С. 170; Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 6.

¹⁸СА. Д. 18/41.

¹⁹Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий в Белой Церкви // Церковная жизнь. 1942. № 12. С. 187–188.

нод в нынешнем составе из-за фактической невозможности его пополнить; 2. По важнейшим вопросам председатель Синода письменно опрашивает его членов и принимает решения в соответствии с их отзывами. В других случаях председатель в соответствии с постановлением от 20 ноября 1920 г. решает вопросы лишь совместно с архиепископом Феофаном; 3. Если вопрос относится к компетенции Архиерейского Собора, то опрашиваются все архиереи РПЦЗ, с которыми возможны сношения. В случае срочности вступает в силу пункт 2 при условии утверждения принятого решения Собором при первой возможности. Все пять запрошенных архиереев прислали свое письменное согласие, и постановление вступило в силу²⁰. Вскоре митрополит Анастасий, и так вынужденно сосредоточивший в своих руках почти всю высшую церковную власть, остался единственным проживавшим в Югославии членом Синода.

18 июня 1943 г. скончался переехавший в Белград из Хоповского монастыря 15 октября 1942 г. и оставивший по себе добрую память архиепископ Курский и Обоянский Феофан (в миру Федор Георгиевич Гаврилов, 1876–1943), хранитель чудотворной Курско-Коренной иконы Знамения Божией Матери, вывезший ее из своей епархии за границу. Перенесенному на следующий день в Свято-Троицкую церковь праху владыки поклонились председатель Сербского Синода митрополит Иосиф и все бывшие в городе сербские архиереи, присутствовавшие 19 июня на отпевании. 20 июня архиепископ Феофан был погребен на русском участке Нового кладбища, около алтаря Иверской часовни²¹.

После его кончины Курско-Коренная икона всецело перешла в ведение Архиерейского Синода, который постановил поместить ее для хранения и поклонения в белградскую Свято-Троицкую церковь, а 14 мая 1944 г. обязал причт храма вести особый учет дохода от молебнов перед иконой на дому, отчисляя одну треть Синоду²². Новым членом Архиерейского Синода вместо покойного владыки Феофана митрополит Анастасий, с согласия владык Секрафима (Ляде), Серафима (Соболева) и Серафима (Лукьянова), 17 июля 1943 г. назначил епископа Венского Василия (Павловского), в качестве представителя Западно-Европейского митрополичьего округа²³.

В июле 1943 г. при приходском совете Свято-Троицкой церкви в Белграде были организованы иконописные курсы, которые возглавил иеромонах Ан-

²⁰СА. Д. 29/43.

²¹Церковное обозрение. 1943. № 6. С. 8; Гласник. 1943. № 9. С. 70–71.

²²СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

²³Там же. Личное дело епископа Василия (Павловского).

тоний (Бартошевич). В это же время митрополит Анастасий командировал его брата — игумена Леонтия (Бартошевича) в Швейцарию, в помощь болеющему настоятелю русской Крестовоздвиженской церкви Женевы протопресвитеру Сергию Орлову. А в августе Архиерейский Синод наградил за отлично-усердное служение протоиереев Троицкой церкви: о. Владислава Неклюдова — золотым наперсным крестом с украшениями и о. Виталия Тарасьева — палицей²⁴.

8–11 октября 1943 г. владыка Анастасий снова ездил в г. Белая Церковь. Он совершил богослужение в престольный праздник в местном русском храме св. апостола Иоанна Богослова, а также посетил уроки Закона Божия в Крымском кадетском корпусе и служил литургию в корпусной церкви²⁵.

В конце 1943 г. белградские иконописные курсы завершили свою работу, по итогам которой 19 декабря была устроена выставка икон, которую посетил митрополит Анастасий (вторая подобная выставка с благодарственным молебном и выдачей свидетельств об окончании курсов была намечена на 17 января 1944 г.). В этот же день — 19 декабря в помещении церкви Русского дома под председательством владыки Анастасия состоялось торжественное собрание, посвященное 1600-летию кончины свт. Николая Чудотворца. После молебна свои доклады о святителе прочли игумен Аверкий (Таушев) и П.С. Лопухин²⁶.

Отношение оккупационных властей к русской церковной эмиграции в Югославии в целом продолжало оставаться настороженным. Показательно, как 10 марта 1942 г. немецкий цензор исправил статью Г.П. Граббе «Сербская Церковь против коммунизма», опубликованную затем в белградской газете «Наша Борба». В этой статье управляющий делами Синода достаточно объективно и в то же время лояльно по отношению к немецкой политике проанализировал отношения Сербской и Русской Церквей в новейшее время. Цензор вычеркнул из статьи несколько слов, показавшихся ему вредными и опасными: «вечная, великая, славянская Россия» и «Югославия»²⁷.

В марте 1942 г. белградское гестапо завело на Г.П. Граббе личное дело, где он был назван «секретарем РПЦЗ в Сербии»²⁸. Дело появилось в связи со статьей Граббе, где он упоминал «великую Россию», и в основном содержит

²⁴Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 4.

²⁵Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий в Белой Церкви // Церковная жизнь. 1943. № 10. С. 144–145.

²⁶Церковная жизнь. 1944. № 1. С. 11.

²⁷Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции... С. 50.

²⁸Архив града Београда (АГБ). Ф. Немачка служба безбедности, Досије Г. Граббе (Д. G-148).

материалы о взаимоотношениях управляющего делами Архиерейского Синода с немецкими органами власти и цензуры; факт сотрудничества Граббе с СД в качестве секретного сотрудника в нем не зафиксирован. В целом со стороны германских органов безопасности к Граббе проявлялось благожелательное внимание, но оно не переходило границы обычного отношения к фольксдойче (лицу немецкой национальности) и известному антикоммунисту²⁹.

Впрочем, благожелательное отношение некоторых германских ведомств к Г.П. Граббе существовало еще до оккупации Югославии. Сотрудник Антикоминтерна православный немец П. Хёке 29 сентября 1939 г. отправил в Рейхсминистерство церковных дел рекомендацию выполнить ходатайство Граббе, который просил помочь его семье, оказавшейся на территории Польши (Волыни), отошедшей к СССР. В этой рекомендации отмечалось: «Относительно служащего Георга Граббе можно заметить: он состоит при нас посредником с Рейхсминистерством пропаганды. Он в самом высоком смысле постоянно действует в пронемецком духе, и пронемецкая позиция всей Русской Православной Церкви Заграницей в значительной степени исходит от него. По этой причине я рекомендую оказать поддержку в его нынешнем деле»³⁰. В результате сотрудник министерства В. Гаугг согласился помочь и 30 сентября 1939 г. написал об этом верховному командованию вермахта³¹.

В журнале Архиерейского Синода «Церковная жизнь» в период оккупации изредка публиковались антиеврейские статьи, и все они, очевидно, вышли из-под пера Г.П. Граббе. В одной из них (от 1 мая 1942 г.), подписанной инициалами Г.Г. и посвященной последнему периоду жизни Ленина, говорилось: «Теперь не приходится доказывать еврейское происхождение большевизма, как равно и то, что в созданной Лениным тюрьме для Русского народа тюремщиками по преимуществу являются именно евреи. И вот тут интересно вспомнить, что по талмудическому учению все не евреи — гои, акумы, как они там называются, это не люди, а человекообразные существа, созданные для служения евреям. Те гои, которые не желают выполнять это служение, подлежат избиению. Эта вера получает яркое проявление в т.н. «Протоколах сионских мудрецов», рисующих план создания для неевреев некоторого подобия той тюрьмы, о которой мечтал Ленин. Но если можно понять, что о такой тюрьме для прочих народов мечтают талмудисты, приходящие к этой мысли на основании своей сатанинской рели-

²⁹ Там же.

³⁰ РГВА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 1.

гии, то нееврей может придти к такой мысли только на почве расстроенного атеизмом и одержимостью мозга»³².

В 1943 г. Г.П. Граббе даже написал под псевдонимом две антисемитские брошюры: одна из них — «Под шестиконечной звездой. Иудаизм и масонство в прошлом и настоящем» (49 страниц, с предисловием известного сербского националистического политика Дмитрия Льотича) вышла в Белграде на сербском языке в марте 1943 г.³³, другая была написана по-русски в конце 1943 г. — «На закате жидовской силы» (16 страниц)³⁴.

Впрочем, Граббе был в подобных взглядах не одинок. Упоминавшийся протоиерей Владимир Востоков в своем написанном 30 мая 1943 г. как бы от лица Сталина памфлете писал: «Мы развратили часть наших, особенно юных красноармейцев до нераскаянного соединения с нами в нашем организованном преступлении, и они-то в полном умственном помрачении и неисцелимом сердечном иступлении, сейчас защищают упорно под видом Родины жидовскую вотчину в России и злейших врагов народа... Они-то и замедляют кровопролитнейшую войну, страшную не только России, но и всему человечеству... И мы знали все эти планы адские и злодеяния сатанинские интернационального иудомасонского коммунизма и работали с ним подло, злобно, долго, сознательно под его контролем, помощью и защитой.

При последних словах товарищ Джугашвили-Сталин, естественно, должен горько заплакать, стать на колени перед народом и воскликнуть: «Падаю пред тобою, великий страдалец, долготерпеливец-русский народ! Не прошу у тебя ни пощады, ни милости... Не смею просить, ибо до сих пор я был не человек, а червь-кровосос, поношение и унижение человеков. Сейчас я весь, вместе со своей правящей тобою 26 лет жидо-масонской бандой в твоей власти...». Вот если так скажет и сделает Джугашвили-Сталин, то и я поверю ему, бывшему зверю. Что скажет ему в ответ на покаянный вопль народ? Думаю, что народ поймет: коммунизм в России действительно падает, пропадает...»³⁵.

В немецких архивных документах говорится, что в том же 1943 г. 75-летний протоиерей Владимир Востоков из Вршаца лично писал Гитлеру и предлагал свою службу в области пропаганды. Впрочем, согласно письму германско-

³²Г.Г. Одержимый тюремщик // Церковная жизнь. 1942. № 5. С. 69–70.

³³*Georgije Pavlović. Pod zvezdom šestokrakom. Juduczam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.*

³⁴СА. Личное дело епископа Григория (Граббе).

³⁵Церковное обозрение. 1943. № 7. С. 5.

го МИДа от 5 ноября 1943 г., информаторы СД полагали, что этот священник заинтересован, прежде всего, в немецкой визе, чтобы приехать к своей дочери в Берлин³⁶.

С другой стороны, многие представители русской церковной эмиграции подвергались гонениям со стороны оккупантов и поддерживавших их албанских и хорватских националистов. В апреле 1943 г. в Белград из-за жестокого преследования усташей и хорватских властей вынужденно переехали около 40 сестер Хоповской (бывшей Леснинской) русской монашеской общины. Они поселились в двух комнатах русского дома (общежития) престарелых на городской окраине Сеньяк, где был небольшой домовый храм, настоятелем которого по указу митрополита Анастасия до сентября 1944 г. служил внештатный священник белградской Свято-Троицкой церкви протоиерей Даниил Думский. Здесь сестры испытали тесноту, голод, бомбардировки англо-американской авиации. Однажды шесть больших бомб, каждая весом по 250 килограмм, упали во дворе общежития, но ни одна из них не разорвалась. Описывая этот случай в письме протоиерею Евгению Яржемскому от 11 июля 1944 г., Г.П. Граббе отмечал: «Монахини справедливо объясняют это заступничеством Пресвятой Богородицы, коей чудотворная икона Леснинская хранится у нас»³⁷. В сентябре 1944 г. сестры переселились в центр города в бывшее общежитие русских студентов. В октябре, во время боев за освобождение Белграда рядом с этим зданием была установлена советская «катюша», которую обстреливала немецкая артиллерия. Один из ее снарядов попал в ту часть здания, где находились кельи, однако инокини опять не пострадали³⁸.

Возглавлявшая русский по составу сестер Кичевский монастырь Благовещения Пресвятой Богородицы (в Македонии) игуменья Диодора (Дохторова) в период оккупации предоставляла в своей обители убежище участникам движения сопротивления, не обращая внимание на предупреждение немцев, что за связь с партизанами монастырь будет уничтожен. Когда оккупанты узнали, что она принимала партизан, то занесли игуменью в список приговоренных к смерти. Мать Диодору спас болгарский полковник, часто беседовавший с ней

³⁶ АА. Inland I-D, 11/3-17, 20/9, R98817.

³⁷ СА. Д. 41/43.

³⁸ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 62–63; Черкасов-Георгиевский В. Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 156.

и бравший от нее духовные книги. Он предупредил игумению о предстоящем аресте и расстреле, и она скрылась в безопасное место³⁹.

Некоторые русские священнослужители все же погибли от рук оккупантов и их сторонников. Среди них был игумен Иулий — настоятель Карпинского монастыря Пресвятой Богородицы вблизи г. Куманово Скопленской епархии. В 1944 г. он был обвинен в том, что укрывал в монастыре партизан и помогал им, арестован, вывезен в с. Страцин, где после пыток убит. Другой русский эмигрант — игумен Вениамин — настоятель монастыря св. Наума Битольско-Охридской епархии в 1942 г. был убит по дороге из Пресны в с. Трпейца, вблизи г. Охрида, вероятно, сотрудничавшими с итальянскими оккупантами албанскими националистами⁴⁰.

Неблагоприятные для III рейха перемены в позиции Православных Церквей Юго-Востока Европы на завершающем этапе войны, в конце концов, заставили германские ведомства внести некоторые коррективы в свое отношение к РПЦЗ. Проводившаяся с начала войны политика по возможности полной изоляции Архиерейского Синода в Белграде неукоснительно осуществлялась до сентября 1943 г. Все попытки членов Синода получить разрешение на встречу с архиереями оккупированных областей СССР или даже с епископами своей Церкви в других европейских странах оканчивались безрезультатно. Даже митрополит Серафим (Ляде) только один раз смог приехать в Белград с докладом, да и то не на заседание Синода.

Митрополит Анастасий внимательно следил за церковной ситуацией на Востоке и в переписке постоянно просил владыку Серафима как можно подробнее информировать его о ней. Глава РПЦЗ с большой радостью воспринял первые сообщения о бурном религиозном возрождении на занятых вермахтом территориях и этим отчасти объясняются некоторые прогерманские нотки в его посланиях начального этапа войны. Так, в Пасхальном послании 1942 г. митрополит писал: «Мы видим и лобзаем тебя издали, наша родная Православная Русь, и до земли кланяемся твоим страданиям... Разделенные с вами в течение более двадцати лет, мы не забыли вас, дорогие братья, ибо жили одной жизнью с вами. Мы видели свое лучшее призвание на чужбине в том, чтобы сохранять целым и неповрежденным для лучших времен священный залог, полученный нами

³⁹ *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 322.

⁴⁰ *Николай (Трайковский), игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 45–46.

от Родной земли... Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел расцечь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела... “Христос воскрес”»⁴¹.

Уже вскоре до владыки стали доходить сведения и о жестокостях нацистской оккупационной политики, и в его обращениях к верующим появились призывы к прекращению страшного пожара войны, признания в ошибочности некоторых своих прежних надежд. В частности, в Рождественском послании декабря 1942 г. говорилось: «К нашим обычным единодушным мольбам о восстановлении нашего страждущего отечества присоединим и наши молитвенные прошения об умирении всего мира, объятого пожаром войны, об укрощении языков, брани хотящих, о торжестве истины и правды, как незыблемом основании прочного международного мира, об умножении и укреплении Христовой веры и любви... Сколько раз в эти судьбоносные, отрадные для нас годы мы пытались читать в грядущих судьбах нашей Родины, строили определенные планы, приуроченные к тем или другим срокам, и с горечью должны были видеть, как жизнь разрушала наши мечты и гадания, как паутину, и шла своими, непредвиденными нами путями, а не теми, какие мы предназначали для нее»⁴².

С иерархами возникших автономных Украинской и Белорусской Церквей, несмотря на всевозможные препятствия, РПЦЗ в 1942 г. установила связь и поддерживала их, так как они рассматривались в качестве составных частей единой Русской Церкви. Определенные непрочные и непостоянные контакты удалось установить и с духовенством оккупированных областей России. В полемичной книге С.В. Троицкого можно встретить утверждение, что к Средне-Европейскому Митрополичьему округу РПЦЗ были присоединены Смоленск и Орловская епархия⁴³.

Это абсолютно не соответствует действительности. Дело в том, что в журнале «Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима Митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского Митрополичьего округа» от 20 сентября 1942 г. были опубликованы привлекшие внимание Архи-

⁴¹ Церковная жизнь. 1942. № 4. С. 49–51.

⁴² Там же. № 12. С. 177–180; Парижский наблюдатель. Париж. 1943. 16 января.

⁴³ Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960. С. 112.

ерейского Синода сообщения из России. В них говорилось, что верующие Смоленска считают себя молитвенно-канонически и жизненно связанными с РПЦЗ через митрополита Берлинского, а священнослужители Орла просили владыку Серафима прислать к ним правящего епископа. Исходя из этих сообщений, Синод принял 18 ноября 1942 г. решение: «...предложить Преосвященному митрополиту Берлинскому и германскому Серафиму принять возможные меры к выяснению возможности посылки епископов в Смоленск и Орел на предмет организации там церковной жизни»⁴⁴. Но, конечно, никаких возможностей послать епископов из-за противодействия германских властей не было. А Смоленская епархия вошла в состав Белорусской Православной Церкви.

В начале марта 1942 г. митрополит Анастасий встретился с посетившим его главой международной службы Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии епископом Теодором Хекелем, который приезжал в Белград оформлять присоединение местной евангелической общины к своей Церкви⁴⁵. Однако из всех государственных немецких ведомств Первоиерарх РПЦЗ изредка переписывался лишь с Министерством церковных дел, как и в 1930-е гг. занимавшим относительно благожелательную позицию к Русскому Православию. Например, 24 ноября 1942 г. ландгерихтсрат РКМ В. Гаугг попросил владыку сообщить «по возможности точные сведения об отношении отдельных Православных Церквей к прессе»⁴⁶.

Эти сведения были посланы в Берлин 15 февраля 1943 г. Среди прочего указывалось, что с конца 1941 г. в Белграде возобновлен выпуск официального органа Синода «Церковная жизнь», а также частного журнала бывшего секретаря Синода Е.И. Махароблидзе «Церковное обозрение». 7 августа 1943 г. митрополит Анастасий написал в Берлин владыке Серафиму в связи с проведением Ватиканской радиостанцией пропагандистских передач на русском языке: «...я просил бы Вас обратить внимание германских властей на опасность такой пропаганды, как попытки внедрения католичества среди русского народа и необходимость нечто ей противопоставить. Я полагал бы, что противопоставить надо миссионерские передачи по немецкому радио». Митрополит Серафим 22 августа передал это письмо в РКМ, правда, никакой реакции не последовало⁴⁷.

⁴⁴СА. Д. 15/41. Л. 35.

⁴⁵Церковное обозрение. 1942. № 7–8. С. 7.

⁴⁶СА. Д. 15/41. Л. 41–50, 52.

⁴⁷ВА. R901/22183, Вл. 121–122.

Министерство церковных дел поддерживало некоторые издательские проекты РПЦЗ. Так 5 июля 1943 г. епископ Потсдамский Филипп (Гарднер) при содействии РКМ отправил в Министерство занятых восточных территорий ходатайство об издании православного требника с его описанием (литургии, рукоположения, хиротонии, освящение антиминса, мироосвящение и т.д.). 7 октября начальник канцелярии Восточного министерства сообщил РКМ, что ее чиновники обсудили вопрос о субсидировании издания с В. Гауггом и пришли к положительному решению: «Я согласен с тем, что делом требника в дальнейшем будете заниматься вы. Насколько позволят военно-экономические обстоятельства, я из-за пропагандистских соображений приветствую переиздание требника с помощью рейха. При печатании требника я был бы благодарен за соответствующие сообщение, чтобы через рейхскомиссаров известить православных епископов на занятых восточных территориях об этом и установить, сколько экземпляров необходимо для Православной Церкви на занятых восточных территориях»⁴⁸. Требник должен был печататься в типографии русского монастыря прп. Иова Почаевского в Словакии, однако, состоявшееся в конце октября 1943 г. Венское Архиерейское совещание РПЦЗ рекомендовало вместо требника напечатать другие богослужебные книги, которые теперь более необходимы, о чем митрополит Серафим (Ляде) 26 ноября известил РКМ⁴⁹.

Видимо, стремясь преодолеть свою изоляцию и испытывая тревогу по поводу своей дальнейшей судьбы, Архиерейский Синод в 1943 г. впервые за годы войны сделал то, что не позволял себе раньше (да и потом): отправил несколько поздравлений представителям оккупационных властей и получил ответы с благодарностями. 16 февраля 1943 г. Синод заслушал письма адъютанта главнокомандующего немецкими войсками в Сербии, фельдкоменданта и германского консульства в Белграде с выражением благодарности за поздравление к Рождеству Христову, а 17 мая того же года слушал письма главнокомандующего немецкими войсками в Сербии генерала Бадера и представителя МИДа в Белграде Бенцлера «с благодарностью за приветствие по поводу дня рождения Вождя Германского народа А. Хитлера»⁵⁰.

В связи со смертью 18 июня 1943 г. архиепископа Феофана численный состав Синода сократился до двух человек — митрополитов Анастасия и Серафима, возникла острая необходимость их встречи и обсуждения персональных

⁴⁸РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 11. Л. 171, 174–175.

⁴⁹Там же. Л. 176–177.

⁵⁰СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

вопросов с целью пополнения Синода. Ценой больших усилий Министерству церковных дел удалось убедить ведомство шефа полиции безопасности и СД в необходимости такой встречи, и 23 июля последнее отправило соответствующее письмо в МИД, указав, что теперь «отстаиваемая нами прежде позиция о нежелательности поездки митрополита Анастасия для обсуждения церковных вопросов на территорию рейха отпадает»⁵¹. Кроме того, шеф полиции безопасности и СД выразил согласие с ходатайством о разрешении переезда епископа Венского Василия (Павловского) в Белград в качестве секретаря и нового члена Архиерейского Синода⁵².

Однако на письмо от 23 июля МИД ответил 11 августа, как и раньше, категорическим отказом разрешить поездку митрополита Анастасия в Германию. Затем последовало еще два убеждающих письма из ведомства шефа полиции безопасности и СД от 8 и 17 сентября 1943 г. Вероятно МИД не изменил бы своей позиции, если бы не произошли поразившие нацистское руководство события в СССР — прием 4 сентября Сталиным руководства Московской Патриархии и выборы 8 сентября Архиерейским Собором в Москве Патриарха Сергия (Страгородского). Под их впечатлением референт Колреп отправил 23 сентября телеграмму в Белград Бенцлеру о том, что запланированные в Вене переговоры митрополитов Анастасия и Серафима «в связи с избранием Сергия имеют известное политическое значение», и сам Колреп теперь намерен с поездкой главы РПЦЗ согласиться, «тем более что этим нам предоставляется единственная в своем роде возможность для получения влияния на Белградский Синод»⁵³.

В положительном ответе ведомству шефа полиции безопасности и СД от 9 октября Колреп подчеркнул, что для германской зарубежной пропаганды решение Архиерейского Синода о событиях в Москве имеет «огромное значение»⁵⁴. Уже в сентябре МИД развернул широкую международную кампанию против признания выборов Патриарха Сергия. В начале октября выяснилось, что согласие с выборами выразили Константинопольский Патриарх Вениамин, Александрийский Патриарх и проживавший в Лондоне в эмиграции греческий архиепископ. Против же высказались лишь некоторые православные архиереи на занятых восточных территориях, в Париже, Варшаве и Загребе. 7–9 октября МИД получил телеграммы от своих представителей в Болгарии, Греции, Сер-

⁵¹ АА. Inland I-D, 4798.

⁵² РГВА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 17. Л. 115.

⁵³ АА. Inland I-D, 4798.

⁵⁴ Ebid.

бии о том, что организовать осуждение избрания Патриарха Сергия местными Православными Церквями пока не получается, поэтому резолюции Архиерейского Синода и придавалось такое значение. Во внутренней переписке МИДа от 2 октября говорилось: «Акция служит цели противостоять... воздействию поездки архиепископа Йорского в Москву, затруднить установление контактов Православной Церкви в Советском Союзе с границей и вообще разжечь сопротивление церковной политике Сталина»⁵⁵.

Исходя из тех представлений, которые были высказаны Собором русских зарубежных епископов задолго до войны, митрополит Анастасий по своей собственной инициативе, без всякого немецкого давления еще 14 сентября сделал заявление о непризнании выборов Московского Патриарха, в котором говорилось: «Надо быть слепым, чтобы не видеть, по какому опасному пути ведет Русскую Церковь ее нынешний кормчий. Он неминуемо приведет церковный корабль к крушению, если своевременно не откажется от своих заблуждений и не придет в разум истины. К сожалению, он привык издавна более приспособляться к духу века сего, чем внимать голосу нелицемерной истины и церковной правды. На всех, кто дерзает ему противостоять на этом пути или, по крайней мере, не соглашаться с ним, он старается действовать более угрозами и принуждением, чем разумным убеждением. Но непобедима сила Небесного Кормчего Христа... Прещения же, изнесенные лукавыми пастырями на всех, не желающих покориться их неправде, возвратятся на их собственную голову»⁵⁶. Подобное решение владыка Анастасий хотел вынести и на заседание Синода, 28 сентября он переслал свое заявление для ознакомления его членам — митрополиту Серафиму (Ляде) и архиепископу Серафиму (Соболеву)⁵⁷.

В опубликованной через несколько недель в журнале «Церковная жизнь» значительно более жесткой статье, подписанной инициалами Ю.Г. (вероятно, ее автором был Юрий (Георгий) Граббе) говорилось: «Теперь Церковь якобы поднята в своем положении избранием патриарха, а на самом деле она всецело подчинена гражданской власти безбожников в лице нового комиссара. Церковь патриарха Сергия делается как бы государственной Церковью в безбожном государстве. Она получает официально право на существование и поддержку безбожного государства, но, конечно, постольку, поскольку она этому государству

⁵⁵ Ebid.

⁵⁶ Анастасий (Грибановский), митр. По поводу избрания на патриарший престол б. местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия // Церковная жизнь. 1943. № 9. С. 131–132.

⁵⁷ СА. Д. 36/43.

служит. Церковь Христова таким образом должна служить делу антихриста. Отсюда видно, насколько правы были те исповедники христианства в России, которые вопреки патриарху Сергию утверждали, что в условиях государства, воплощающего начала воинствующего безбожия, Церковь не должна искать своей легализации, что она должна примириться с состоянием гонимости и уходить в катакомбы. Церковную же организацию патриарха Сергия эти исповедники сравнивали с апокалиптическим образом блудницы»⁵⁸.

Не все в заявлении митрополита Анастасия устраивало германские ведомства, в частности, цитирование обращения Сталина к русскому народу, но в целом оно оказалось воспринято МИДом как неожиданное приобретение. В этой связи было позволено провести в Вене не встречу двух митрополитов, а целую архиерейскую конференцию (единственную за годы войны). В докладной записке культурно-политического отдела МИДа от 27 октября 1943 г. о причине разрешения Венской конференции говорилось: «Решающим для этого решения было то, что глава Белградского Синода митрополит Анастасий имел намерение на заседании Синода вынести резолюцию против признания митрополита Сергия патриархом. Такая резолюция могла дать в руки службе германской зарубежной информации ценный пропагандистский материал»⁵⁹.

Конференция, получившая официальное название «Архиерейское совещание иерархов Православной Русской Церкви Заграницей», состоялась в Вене 21–26 октября 1943 г. в помещении Покровской церкви. В ней участвовало 14 человек: митрополиты Анастасий (Грибановский), Серафим (Ляде), Серафим (Лукьянов), епископы Пражский Сергей (Королев), Потсдамский Филипп (Гарднер), Венский Василий (Павловский), настоятель братства прп. Иова Почаевского в Словакии архимандрит Серафим (Иванов), четыре священника из Германии и Бельгии (протопресвитер Александр Шабашев, протоиереи Александр Богачев, Константин Гаврилков, священник Павел Хеке), секретарь совещания Г.П. Граббе, а также два представителя Белорусской Церкви — архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт и архимандрит Григорий (Боришкевич). Присутствие двух последних стало единственным за годы войны случаем допущения встречи иерархов РПЦЗ и оккупированных территорий СССР⁶⁰.

24 октября в Свято-Николаевском храме в Вене была даже совершена по предложению Белорусского Синода хиротония архимандрита Григория во

⁵⁸Церковная жизнь. 1943. № 10. С. 144.

⁵⁹АА., Inland I-D, 4797.

⁶⁰СА. Д. 38/43.

епископа Гомельского и Мозырского. Иерархи РПЦЗ считали это очень важным, как факт определенного проникновения в оккупированные области. С ходатайством о проведении хиротонии в Синод 22 октября обратился владыка Венедикт, его поддержал в своем обращении и митрополит Серафим (Ляде), отметив, что Гродненский архиепископ «непрестанно, насколько это возможно в связи с общей обстановкой, ищет соединения с Русской Зарубежной Церковью в моем лице»⁶¹.

В тот же день — 22 октября Архиерейский Синод постановил: «Признать в целях церковной икономии возможным выполнение просьбы преосвященного архиепископа Белостокского и Гродненского Венедикта, не останавливаясь на уклонениях от канонических норм в положении Православной Церкви в Белоруссии, но веря в то, что митрополит Пантелеимон, засвидетельствовавший ранее свою верность Русской Церкви, устранил все то, что в данное время является несогласным с канонами в положении возглавляемой им области»⁶².

Участники совещания выслушали несколько докладов о церковной ситуации в различных странах и приняли три основных, вскоре опубликованных в церковных изданиях, документа: «Резолюцию по вопросу об избрании патриарха Всероссийского в Москве» о неканоничности этих выборов и невозможности их признания, в которой подчеркивалось: «Избрание митрополита Сергия на престол патриарха Московского и всея Руси является актом не только неканоническим, но и нецерковным, политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти...»⁶³; «Воззвание ко всем верующим Православной Русской Церкви на Родине и в рассеянии сущим» о необходимости борьбы с коммунизмом и «Резолюцию по вопросу о том, чем Церковь может содействовать борьбе с большевистским безбожием». Первый документ готовила комиссия под председательством митрополита Серафима (Лукьянова), а второй — комиссия во главе с митрополитом Анастасием⁶⁴. Принятие именно этих двух документов соответствовало планам германских ведомств, которые пытались косвенным образом воздействовать на участников совещания.

Связанный с этим инцидент произошел в первый же день — 21 октября. На совещание пришли два офицера СД, ранее сопровождавших митрополита Анастасия в поездке из Белграда в Вену. Г.П. Граббе позднее вспоминал: «Я

⁶¹ Там же. Д. 39/43.

⁶² Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 15/28.11.1940–28.10/10.11.1950 гг.

⁶³ Церковная жизнь. 1943. № 11. С. 149–159.

⁶⁴ Там же.

подхожу к ним и говорю: знаете, у нас сейчас заседание. «Да, да», — говорят, и не уходят. Я говорю им, что заседание закрытое и их присутствие на нем невозможно. Они стали спорить. Я, наконец, сказал им: «Как хотите. Ходите сидеть здесь — сидите, но у нас собрания не будет». Тогда они с возмущением ушли»⁶⁵. В дальнейшем свое воздействие нацистские ведомства старались проводить косвенно — через некоторых более связанных с ними архиереев, среди которых открыто пронемецкой позицией выделялся митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукиянов).

В телеграмме Колрепа из Вены в МИД от 24 октября 1943 г. говорилось, что текст проекта резолюции по вопросу избрания патриарха был обсужден представителями полиции безопасности, Рейхсминистерства занятых восточных территорий и МИДа, которые внесли в него ряд изменений. Связанные с германскими ведомствами архиереи должны были представить на совещании эти изменения в качестве своих предложений и добиваться их принятия. Существовали серьезные опасения, что митрополит Анастасий, не подозревавший о германской интриге, не подпишет планируемые документы. В своей телеграмме Колреп отмечал, что тогда вся акция теряет смысл, и подчеркивал: «Анастасия до настоящего времени умышленно не информировали о том, какое политическое значение придается германской стороной его резолюции»⁶⁶.

Текст предложенных нацистами изменений в архиве найти не удалось, поэтому сложно сказать, насколько они были учтены в итоговой резолюции. Но в целом можно констатировать, что совещание не находилось полностью под немецким контролем. Это, в частности, отразилось и в одном из выступлений митрополита Анастасия: «Надо быть признательными и германскому правительству, которое пошло нам навстречу и оказало нам столько помощи и покровительства, причем несколько не пыталось вмешиваться в какие-либо наши внутренние дела»⁶⁷.

Вместо желаемого германским МИДОм призыва ко всем православным христианам мира было принято воззвание к русским верующим, совещание не послало никаких приветствий Гитлеру или другим руководителям III рейха. Неожиданным для нацистских ведомств оказался третий принятый документ. Он фактически содержал критику германской политики в отношении Русской Церкви и включал требования, направленные на предоставление ей большей сво-

⁶⁵ Григорий (Граббе), еп. Завет... С. 330.

⁶⁶ АА. Inland I-D, 4797.

⁶⁷ СА. Д. Совещание в Вене в 1943 г.

боды: «1) Свободное развитие и укрепление Православной Церкви в оккупированных областях и объединение всех православных освобожденных от советской власти церковных областей и Зарубежной Православной Церкви под одним общим церковным возглавлением служило бы залогом наибольшего успеха этих частей Русской Церкви в борьбе с безбожным коммунизмом... 3) Необходимо предоставление русским рабочим в Германии свободного удовлетворения своих духовных нужд. 4) Ввиду большого количества разнообразных русских воинских частей в составе германской армии, необходимо учреждение института военных священников... 6) Более энергичная проповедь православного религиозно-нравственного мировоззрения... 9) Возбудить ходатайство о введении апологетических передач по радио. 10) Организация духовных библиотек при приходах... 13) Предоставление православной церковной власти возможности открытия духовных школ и организации пастырских и религиозно-нравственных курсов»⁶⁸.

После окончания конференции также выяснилось, что ее участники составили и единогласно приняли обращенный к германским властям меморандум, отправленный 3 ноября митрополитом Серафимом (Ляде) в РКМ. Этот документ включал в себя в более развернутой форме важнейшие из приведенных выше пунктов резолюции. В нем также более явно критиковалась политика германских ведомств, в частности содержалось требование «устранения всех препятствий, которые препятствуют свободному сообщению епископов по эту сторону фронта, и, если это отвечает желанию епископов, их объединению»⁶⁹. Вскоре Министерство церковных дел переслало выдержки из меморандума в адрес ряда ведомств: Восточного министерства, верховного командования вермахта и т.д. Впрочем, на церковную политику нацистов меморандум не оказал никакого влияния, идти на существенные уступки РПЦЗ они не собирались.

Стремясь как можно шире пропагандистски использовать совещание, германские ведомства еще во время заседаний делали митрополиту Анастасию настойчивые предложения дать интервью в газеты и выступить по радио, на что он ответил категорическим отказом. Но два богослужения владыки 24 и 25 октября в венской русской церкви были все же записаны на пластинку для трансляции по радио, также оказались сделаны с пропагандистскими целями фотографии совещания, и сотрудникам радиостанции Вены удалось взять интервью у некоторых других архиереев. 27 октября митрополит Анастасий вместе с Г.П. Граббе

⁶⁸Там же. АА, Inland I-D, 4797.

⁶⁹АА. Inland I-D, 4797; BA, R6/178, Bl. 62–63.

и епископом Венским Василием, назначенным на должность секретаря и члена Синода в качестве представителя Западно-Европейского митрополичьего округа, вернулся в Белград⁷⁰. 3 ноября постановления совещания были разосланы Константинопольскому и Румынскому патриархам, наместнику-председателю Болгарского Синода и заместителю Сербского патриарха митрополиту Иосифу, но ответа ни от кого не последовало⁷¹.

Таким образом, Венское совещание стало заметным событием для Русской Православной Церкви Заграницей, но оно отнюдь не завершает, как считает немецкий историк Г. Зайде, первую фазу ее истории⁷². В конце 1943 – начале 1945 гг. она в целом соответствовала развитию предыдущих лет. Не изменилась существенно и позиция германских ведомств, в основном и после совещания по-прежнему продолжавших политику изоляции Архиерейского Синода. Скорее можно говорить о завершении первой фазы истории РПЦЗ весной 1945 г. в соответствии со значительными изменениями условий ее существования в послевоенном мире.

Также следует опровергнуть высказанную в многотомной «Истории христианства» версию, что в Вене планировалось провести конференцию не только представителей Русской, но и других родственных ей Церквей; а так как на совещании, кроме архиереев РПЦЗ, присутствовал только один епископ из Белоруссии, то эта инициатива не удалась⁷³. На самом деле, по замыслу нацистских ведомств состав участников конференции должен был ограничиваться архиереями РПЦЗ, да и то не всеми. Так, архиепископ Серафим (Соболев) из Болгарии, несмотря на ходатайство митрополита Анастасия, в Вену прибыть не смог. Не был приглашен проживавший в Белграде архиепископ Тихон (Лященко). 16 октября он заявил по этому поводу письменный протест митрополиту Анастасию, отметив, что «неприглашение его является оскорбительным»⁷⁴. 26 октября на заседании Архиерейского Синода митрополит Серафим (Ляде) заявил, что не послал приглашение архиепископу Тихону, «так как знал, что тому не дадут визу». В итоге Синоду пришлось постановить, что поскольку совещание не яв-

⁷⁰АА. Inland I-D, 4797; От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. С. 3.

⁷¹СА, Д. 38/43.

⁷²Seide G. Verantwortung... S. 122.

⁷³Mayeur [Hrsg.] J.-M. Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg — Demokratie und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg-Basel-Wien, 1992. S. 986.

⁷⁴СА, Д. 38/43.

лялось Архиерейским Собором, приглашение владыки Тихона было не обязательным⁷⁵.

Архиепископу Венедикту и архимандриту Григорию удалось приехать в Вену только потому, что территория их Гродненско-Белостокской епархии непосредственно входила в состав III рейха и они могли относительно свободно передвигаться по Германии без дополнительных специальных разрешений и виз. И, конечно, обсуждение на совещании вопросов возобновления церковной жизни в России и связанной с этим миссионерской деятельностью было инициативой исключительно самих архиереев и противоречило замыслам нацистов.

Планы же германских ведомств относительно пропагандистского использования Венской конференции потерпели неудачу. В своей заметке от 31 марта 1944 г. Колреп писал, что развернутая после нее МИДом акция с целью побудить балканские Церкви выступить с заявлением против назначения Патриархом Сергия не удалась, и подчеркивал: «Является фактом, что принятая на Венской архиерейской конференции... резко направленная против неканонического присвоения звания патриарха Сергию резолюция в результате не дала желаемого пропагандистского успеха, особенно у автокефальных Церквей Балкан. Ставшие известными высказывания православных архиереев Балкан подтверждают это впечатление»⁷⁶.

Еще в начале декабря 1943 г. у германского МИДа появилась идея опра­вить митрополита Анастасия в сопровождении Г.П. Граббе в пропагандистскую поездку в Бухарест и Софию с целью побудить священноначалие Румынской и Болгарской Церквей высказаться против выборов патриарха Сергия. Однако в разговоре с уполномоченным МИДа в Белграде Бенцлером владыка Анастасий уклонился от участия в данной акции и предложил для пропагандистской поездки использовать эвакуированного с Украины в Варшаву епископа Житомирского Леонтия (Филипповича), который якобы мог выступить с докладами о церковной политике большевиков. Сообщая об этом в своем письме в МИД от 31 декабря 1943 г. Бенцлер отмечал, что епископ Леонтий, «вероятно, не подойдет, так как принадлежит к автокефальной Украинской Церкви, к которой на Балканах относятся негативно и считают политическим образованием»⁷⁷.

Вскоре выяснилось, что епископ Леонтий принадлежит к автономной Украинской Церкви, и, когда штаб шефа полиции безопасности и СД 20 декабря

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ АА. Inland I-D, 4757.

⁷⁷ Ebid. 4740.

запросил МИД о возможной поездке митрополита Анастасия в Бухарест и Софию, Колреп 22 февраля 1944 г. ответил, что она теперь представляется нецелесообразной и предложил кандидатуру владыки Леонтия. 27 марта Колреп запросил штаб шефа полиции безопасности и СД, подошла ли предложенная кандидатура, и 24 апреля получил ответ, что вопрос еще изучается. 16 мая МИД, со ссылкой на состоявшееся 12 мая 1944 г. совещание в Партийной канцелярии, попросил штаб шефа СД побыстрее назвать подходящее православное духовенство, которое можно было бы использовать с пропагандистскими целями на Балканах. Переписка тянулась до середины июня 1944 г. и закончилась ничем⁷⁸.

Вскоре после возвращения в Белград митрополит Анастасий узнал о бомбардировках Берлина англо-американской авиацией, от которых пострадали прихожане РПЦЗ. 2 декабря 1943 г. он написал митрополиту Серафиму (Ляде): «С глубокой скорбью и волнением мы читали сообщение о террористическом нападении, произведенном на Берлин в недавние дни. Очень беспокоясь о судьбе наших храмов, духовенства и вообще нашей берлинской паствы, я был бы очень признателен Вашему Высокопреосвященству за сообщение, насколько велики понесенные нами от воздушных нападений утраты. Сам Господь да сохранит несчастных жителей Берлина от дальнейших подобных бедствий»⁷⁹.

Изменение военного положения самым непосредственным образом сказалось на судьбе Архиерейского Синода РПЦЗ. С первого дня Пасхи 1944 г. (совершавшаяся в русской Свято-Троицкой церкви пасхальная утренняя передавалась по радио) начались регулярные воздушные налеты на Белград англо-американских бомбардировщиков, которые причиняли большие жертвы и разрушения. Русское духовенство ежедневно обходило с чудотворной Курской Коренной иконой Божией Матери «Знамения» дома прихожан, совершая молебствия. Митрополит Анастасий также навещал раненых, хоронил убитых, стараясь после каждого налета разузнать, не пострадал ли кто-либо из его паствы. Неоднократно налеты происходили во время богослужений в Свято-Троицкой церкви, однако они продолжались своим чередом, и лишь немногие богомольцы уходили в бомбоубежище. Владыка Анастасий никогда не оставлял храм в это время⁸⁰.

⁷⁸Ebid. 4742.

⁷⁹СА. Д. 24/42.

⁸⁰Церковная жизнь. 1944. № 5–6. С. 52; Икона Божией Матери Курская-Коренная Знаменне. Джорданвилль, 1995. С. 18.

В это время в посланиях архиереев РПЦЗ при сохранении их антикоммунистической направленности появились новые ноты. Проживавший в США архиепископ Виталий (Максименко) в начале 1944 г. писал: «Мы усердно молились об избавлении нашего русского народа от нашествия супостатов, а Русской Церкви — от гонений и от надругательств безбожников... Жестокий враг — германцы уже почти изгнаны русским христоролюбивым воинством и оставляют землю русскую, хотя и разоренную. Также и безбожные гонители на веру Христову в России послабили свое тяжкое иго». При этом владыка призывал не идти на поводу у антицерковных агитаторов и предостерегал от подчинения патриарху Сергию⁸¹.

В этом отношении интересно Рождественское послание 1944 г. митрополита Анастасия. В нем помимо мольбы к Богу запретить нынешнюю лютую брань, «умирив нашу жизнь», содержатся слова, которые достаточно ясно осуждают политику III рейха: «Уже теперь очевидно для всех, что те, кто зажигал нынешний пожар или радовались его распространению, не могут ни остановить, ни тем менее погасить его. Нынешние роковые события развиваются с какою-то неудержимой стихийною силой и готовы увлечь в бездну всех, кто так неосторожно будил зверя в человеке». В то же время митрополит называл коммунистов людьми «с сожженной совестью», которые «езде служат сеятелями лжи и неправды и источником смуты умов»⁸².

Позднее, в октябре 1945 г. в своем письме Московскому патриарху Алексию в ответ на призыв к воссоединению с Матерью-Церковью Первоиерарх РПЦЗ так оценивал изменение отношения русских эмигрантов к немецкой политике в России: «Нельзя, конечно, скрывать того ныне общеизвестного факта, что истомленные безысходностью своего положения, доведенные почти до отчаяния царившим в России террором русские люди как за границей, так и в самой России возлагали надежды на Гитлера, объявившего непримиримую борьбу коммунизму, (этим, как известно, и объясняется массовая сдача русских армий в плен в начале войны), но когда стало очевидным, что он стремится на самом деле к завоеванию Украины, Крыма и Кавказа и других богатейших районов России, что он не только презирает Русский народ, но стремится к его уничтожению, что по его приказанию наших пленных морили голодом, что германская армия при своем отступлении сжигала и разрушала до основания встречавшиеся ей на пути русские города и села, истребляла или уводила с собой их население,

⁸¹ Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955. С. 76–77.

⁸² Церковная жизнь. 1944. № 1. С. 2–4.

обрекала на смерть сотни тысяч евреев с женщинами и детьми, заставляла их заранее рыть для себя могилы, тогда сердца всех благоразумных людей обратились против него, кроме тех, кто «хотели быть обманутыми». Тогда всем стало ясно, что Гитлер не только не несет миру новой эры мира и социального и хозяйственного благополучия, как он обещал в своих речах, но готовит гибель себе и своему народу и всем, кто связывал с ним свою судьбу, что и случилось на самом деле...»⁸³.

В то же время, в 1944 г., ввиду приближения советских войск к Югославии антикоммунистическая деятельность митрополита Анастасия даже усилилась, и в этой связи его контакты с германскими ведомствами участились. 18 апреля 1944 г. МИД, очень заинтересованный в любых церковных антисоветских акциях, писал своему уполномоченному в Белград о выделении митрополиту Анастасию в случае необходимости денег и бумаги для выпуска печатных изданий. Правда, 26 мая Бенцлер ответил, что ему о соответствующей просьбе митрополита Анастасия ничего не известно, а Граббе, наоборот, сообщил о практической невозможности издания в Белграде церковной литературы, сославшись на полную загруженность единственной типографии с русским шрифтом заказами охранного корпуса. Архивных документов о передаче Архиерейскому Синоду немецких денег найти не удалось, но согласно косвенным свидетельствам в 1944 г. он все-таки получил 3000 марок, единственный раз за период пребывания в Белграде⁸⁴.

Скорее всего, в данном случае речь могла идти о материальной помощи РКМ в связи с эвакуацией Синода в Германию, так как финансовое положение последнего было нелегким. В частности, на своем заседании 1 июля 1944 г. Архиерейский Синод отмечал, что положенные 10 % от церковной доходности не платят восемь общин: Иверская в Белграде, Белоцерковная, Вршацкая, Земунская, Панчевская госпитальная, Петровградская (в Великом Бечкереке), Сараевская и Цриквеницкая. Правда, с мая 1944 г. Синод получал небольшое денежное пособие от правительства Сербии⁸⁵.

23 июня 1944 г. владыка Анастасий отправил в РКМ последнее письмо с предложениями относительно германской церковной политики, в котором вы-

⁸³ *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 115–116; Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. Под ред. Г. М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.

⁸⁴ АА. Inland I-D, 4799.

⁸⁵ СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

ражалась тревога по поводу ситуации на Украине. Дело в том, что 26 апреля в Белград прибыл со своим келейником эвакуированный из Одессы архиепископ Херсонский и Николаевский Антоний (Марценко), представивший 10 мая Архиерейскому Синоду подробный доклад о церковной жизни в своей и соседней епархиях. В частности, владыка Антоний написал, что согласно конфиденциальному сообщению ему начальника канцелярии рейхскомиссара Украины Хестлера, Первоиерарха автономной Украинской Церкви митрополита Волынского Алексия (Громадского) убили националисты (бандеровцы). Они же убили много других священнослужителей этой Церкви, и сам архиепископ Антоний «чудом избежал» гибели, незаметно убежав из Ковеля в Николаев, когда на улицах уже были расставлены караулившие его убийцы. Владыка просил Синод РПЦЗ «осудить самосвятских украинских автокефалистов как злостную ересь и оповестить об этом германское Министерство церковных дел и всех глав Православных автокефальных Церквей», а также «принять под свое покровительство нашу иерархию и всю Украинскую Православную Церковь»⁸⁶.

В тот же день — 10 мая 1944 г. Архиерейский Синод постановил не допускать клириков автокефальной Украинской Православной Церкви к священнослужению в русских храмах и не вступать в молитвенное общение до их покаяния. Принимать в общение с РПЦЗ их могли только как мирян и лишь в исключительных случаях совершать новое рукоположение во диакона и священника. Кроме того было решено предупредить Поместные Православные Церкви и германское Министерство церковных дел о неканоничности украинских автокефалистов, а также «оказать всякое содействие иерархам Украинской Автономной Церкви»⁸⁷.

Первые полтора месяца владыка Антоний со своим келейником Г.Я. Цариком жил в покоях митрополита Анастасия, пока Синод не выделил ему деньги для снятия квартиры⁸⁸. В мае владыки Анастасий, Антоний и епископ Венский Василий отслужили панихиду по экзарху Московской Патриархии в Прибалтике Сергию, митрополиту Волынскому Алексию и всем другим «убитым за последнее время большевиками архиереям и священникам» (хотя к убийствам владык Сергия и Алексия советские власти не имели никакого отношения)⁸⁹.

⁸⁶ Там же. Д. 42/44.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

⁸⁹ Церковная жизнь. 1944. № 5–6. С. 52, 55–56.

Согласно определению Архиерейского Синода от 10 мая в конце июня были отправлены послания на имя Константинопольского патриарха Вениамина, заместителя Сербского патриарха митрополита Иосифа и наместника-председателя Синода Болгарской Церкви митрополита Неофита о неканоническом характере вмешательства первоиераха Церкви в польском генерал-губернаторстве митрополита Дионисия (Валединского) в дела Православной Церкви на Украине и неосновательности ссылок украинских автокефалистов на Томос вселенского патриарха от 13 ноября 1924 г.⁹⁰

В своем письме в РКМ от 23 июня митрополит Анастасий предостерегал немцев от поддержки неканоничной автокефальной в ущерб законной автономной Украинской Церкви, делая вывод, «что так называемая Украинская автокефальная Церковь является группой с настоящим сектантским характером, чье фаворизирование со стороны германских ведомств никоим образом не рассматривается верующими в качестве признака внимания по отношению к Православной Церкви». К письму владыки был проявлен определенный интерес, 31 июля копии его были пересланы в МИД, РСХА, Партийную канцелярию, а 17 августа в РМО⁹¹. Но никакого реального воздействия оно не оказало. Рейхсминистерство занятых восточных территорий и далее продолжало поддерживать именно автокефальную Церковь.

1 августа 1944 г. митрополит Анастасий отправил резко антикоммунистическое письмо в Копенгаген лютеранскому епископу Фуглзанду, в котором писал: «Ваше Преосвященство. Долг христианской любви повелевает каждому из нас предупреждать своих близких об опасности, которая им угрожает... Мы считаем, что на нашем народе, как первой и наиболее пострадавшей от коммунистов жертве, лежит и теперь священный долг неустанно предупреждать мир о том, чем ему угрожала бы победа коммунизма, который воистину может быть уподоблен страшному апокалиптическому зверю... Советская власть воплощает в себе поистине антихристианские начала и несет всему миру разрушение христианской культуры и жесточайшее рабство, какого еще никогда не знала история. Поэтому мы, по долгу христианской любви и исторической дружбы наших народов, почли своей нравственной обязанностью послать Вашему Преосвященству слово предупреждения перед надвигающейся для всего мира страш-

⁹⁰The Archives of the Orthodox Church in America, Syosset (OCA Archives). Ф. протоиерея Дмитрия Константинова. Box 1.

⁹¹BA. R5101/22183, Bl. 136-139; AA. Inland I-D, 4797, Bl. 3.

ной опасностью в надежде, что Вы сообщите его Вашей пастве, если признаете это целесообразным»⁹².

8 сентября 1944 г., за несколько недель до вступления советских войск в Белград, Архиерейский Синод со своими служащими эвакуировался в Вену. Вопрос о переселении Синода в Германию поднимался еще на Венской конференции в октябре 1943 г., и митрополит Серафим (Ляде) подал об этом заявление в германские ведомства. Но его поддержало тогда только РКМ, все остальные заняли отрицательную позицию. 24 апреля 1944 г. уже Ф. Бенцлер прислал в МИД телеграмму с предложением об эвакуации Синода по желанию последнего в Карлсбад, указав, что его позицию в этом вопросе разделяет не только РКМ, но и белградское СД. Однако ведомство шефа полиции безопасности и СД 25 апреля сообщило своим офицерам в Белграде, что вопрос об эвакуации вообще не может ставиться. В качестве обоснования приводился довод, «что при переселении Белградского Синода в Карлсбад, этот город, принимая во внимание большое число восточных рабочих в рейхе, рано или поздно станет местом паломничества православных верующих»⁹³.

Не зная об этой переписке, митрополит Серафим (Ляде) в письме от 7 августа уверял владыку Анастасия, что «нами будет сделано все, чтобы предоставить Вашему Высокопреосвященству и Архиерейскому Синоду возможно более удобное местопребывание в пределах нашей епархии... в уверенности, что германские власти пойдут нам навстречу»⁹⁴. Но игравший ключевую роль германский МИД полностью разделял позицию шефа полиции безопасности и СД, и еще 12 сентября 1944 г. он указывал своему уполномоченному в Белграде оставить митрополита Анастасия и его сотрудников на месте так долго, как позволит военное положение на Балканах. Эта позиция, помимо ссылок на интересы немецкой внешней политики, объяснялась необходимостью препятствовать тесным контактам митрополитов Серафима (Ляде) и Анастасия⁹⁵.

Между тем, уже в начале сентября угроза Белграду со стороны советской армии стала очевидной, и Синод смог, наконец, при активной поддержке Министерства церковных дел, посылавшего обеспокоенные телеграммы в различные ведомства, и уполномоченного МИДа в Белграде Бенцлера переехать в Вену. При этом ящик с документами канцелярии Синода был в спешке оставлен

⁹²СА. Д. 6/47.

⁹³АА. Inland I-D, 4799.

⁹⁴СА. Д. 48/44.

⁹⁵АА. Inland I-D, 4799.

на перроне белградского вокзала⁹⁶. Интересные детали получения разрешения на выезд содержатся в письме сына Г.П. Граббе — Константина архиепископу Антонию (Бартошевичу) от 6 января 1987 г.: «...сколько раз папа рисковал жизнью, чтобы вывезти Синод из Белграда, а потом из Карлсбада... папа уже при полном развале шел сутки пешком через поля и большой лес, чтобы получить разрешение вывезти митрополита в Вену, для совещания, которое он придумал, чтобы немцам дать повод собрать епископов в одно место. Немцы попались на эту удочку, ибо надеялись, что получают сочувственное для них заявление. При этом папа едва не погиб»⁹⁷.

Предполагая скорый отъезд, Г.П. Граббе 30 августа написал митрополиту Анастасию докладную записку, в которой предлагал прекратить функционирование Епископского совета со дня эвакуации, управление русскими общинами возложить на старшего протоиерея на правах благочинного, вывезти важнейшую часть архива Совета, а остальную передать на хранение благочинному. Рассмотрев эту записку, Синод 2 сентября принял постановление: 1. В случае прекращения сношения с Архиерейским Синодом возглавление Епископского совета и управление общинами возлагается на старшего из оставшихся протоиереев на правах благочинного; 2. В случае полного прекращения сношений с управляющим общинами в Сербии, русскому духовенству и пастве надлежит по делам, требующим архиерейской санкции, обращаться к сербской церковной власти; 3. В случае полной эвакуации члены и канцелярия Епископского совета отбывают из Белграда и функции Совета прекращаются»⁹⁸.

Накануне отъезда — 7 сентября митрополит Анастасий написал прощальное письмо председателю сербской общественно-политической организации «Збор» Д.В. Лютичу: «Обстоятельства вынуждают нас покинуть оказавшую нам в течение стольких лет гостеприимство братскую Сербию. О том, что мне надо выезжать сегодня, мне сообщили настолько поздно, что я не имел возможности лично проститься с Вами. Но я не хочу уезжать, не высказав Вам, насколько горько мне покидать Белград, особенно в то время, когда он находится под угрозой возможных будущих бедствий от врагов Божиих. Мы навсегда сохраним в памяти все то добро, которое в годы эмиграции видели со стороны сербского народа. Нарочито благодарность я хочу выразить Вам, ибо в Вас мы

⁹⁶Устное свидетельство автору дочери епископа Григория (Граббе) А.Г. Шатиловой в Нью-Джерси 21 апреля 2004 г.

⁹⁷Stanford University Special Collections Librarian. Grabbe (Grigorii) Papers. Box 1. Folder 7.

⁹⁸СА. Д. 47/44.

встретили не только достойного представителя родственного по крови народа, но и человека, которому Святая Русь столь дорога, как и нам, человека, с которым нас связывает подлинное единство веры и мировоззрения. В настоящий момент зло как будто готово поглотить весь мир, но мы не теряем веры в победу добра, которому Вы так самоотверженно служите. Пусть же Господь сохранит Вашу драгоценную жизнь и дарует успех Вам и Вашим сотрудникам в Вашей борьбе с мировым злом. Мы же всегда будем молиться о спасении и возрождении братской Сербии и ее дорогому нашему сердцу народа»⁹⁹.

В день отъезда митрополит Анастасий также заехал проститься к Заместителю Сербского Патриарха митрополиту Иосифу. Согласно воспоминаниям дочери епископа Григория (Граббе) Анастасии Шатиловой, владыка Анастасий до последнего не хотел уезжать из Белграда, не желая покинуть русскую паству и оставить ее без Курско-Коренной иконы Божией Матери. В результате Г.П. Граббе «буквально втолкнул» митрополита в автомобиль, отъезжавший на вокзал¹⁰⁰.

По свидетельству настоятеля белградского храма Пресвятой Троицы протоиерея Иоанна Сокаля примерно за три недели до прихода советских войск (на самом деле за месяц с лишним — 7 сентября) митрополит Анастасий собрал русское духовенство и убеждал священников уехать вместе с ним в Германию, но большинство священнослужителей осталось в Югославии. Всего же из страны тогда уехали на Запад более пяти тысяч русских эмигрантов (не считая военнослужащих Русского корпуса и 15-го кавалерийского казачьего корпуса), в том числе — протоиереи Владимир Востоков, Даниил Думский, Василий Бошановский, священники Сергей Селивановский, Симеон Судоргин, Георгий Горский, Павел Проскурников, Сергей Липский, Николай Чистяков и некоторые другие¹⁰¹.

Протоиерей Владимир Востоков в своей неопубликованной рукописи «Из Югославии в Австрию» вспоминал, что 7 сентября 1944 г. местный сербский епископ сказал ему: «Сейчас же уезжайте из Вршаца... Большевики приближаются и Вас убьют немедленно, не красное войско, а местные бандиты. Сербь церковные Вас любят, а бандиты ненавидят». К тому времени дочь о. Владимира была вынуждена покинуть службу в канцелярии сербского Министерства

⁹⁹ Там же. Д. 48/44.

¹⁰⁰ Устное свидетельство автору дочери епископа Григория (Граббе) А.Г. Шатиловой в Нью-Джерси 21 апреля 2004 г.

¹⁰¹ Там же. Д. 60/45; *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? С. 109.

народного просвещения из-за начавшихся кровавых столкновений в Белграде, и в ночь на 8 сентября протоиерей с последним военным поездом уехал в Австрию¹⁰².

Другие уезжавшие из Югославии русские эмигранты претерпели гораздо большие мучения. Один из участников этого исхода позднее писал: «У врат Белграда стоит красный зверь. Медлить нельзя, надо уходить. Бросая имущество, потянулись по дорогам в неизвестность русские беженцы. Иногда удавалось попасть в переполненный поезд... Поезд стоит среди поля. Ожидается налет... Людей выгоняют из вагонов. У русских одна мысль: отслужить молебен Царице Небесной. Как бы в ответ на их пламенное желание из толпы выходит старичок священник и говорит дрогнувшим голосом: «Отслужим молебен». Какой-то молодой человек вышел из толпы и, окинув ее взглядом, нерешительно дал тон, и в тот же момент импровизированный хор стройно ответил на возглас священника. Картина была потрясающая. Рыдающая толпа на коленях слушает молитву, которую читает священник, а по пустынной равнине под грохот разрывающихся бомб несется могучая божественная песнь... И так в продолжении всего страдного пути. На дорогах, в поездах, в бараках, всюду звучала божественная песнь, то усиливаясь, то замирая»¹⁰³.

В информационной записке немецкого МИДа от 19 сентября 1944 г. говорится, что митрополит Анастасий в сопровождении 14 персон прибыл в Германию, и его нельзя размещать совместно с епископами, эвакуированными из восточных областей. Согласно заметке Колрепа от 22 сентября пригороды Берлина в качестве места размещения отвергались из-за близости к резиденции митрополита Серафима. Старая политика изоляции Архиерейского Синода давала себя знать и за семь месяцев до крушения III рейха¹⁰⁴. В указанную группу из 14 персон входили: архиепископ Тихон (Лященко), епископ Василий (Павловский), архиепископ Херсонский и Николаевский Антоний с келейником иподиаконом Г. Цариком, архимандрит Серафим (Смыков), игумен Аверкий (Таушев) со своей матерью, архидиакон Георгий Рутчук с сестрой, келейник митрополита Анастасия Г.К. Мордвинов, Г.П. Граббе со своей женой, чиновник А.П. Рудык и синодальный казначей¹⁰⁵.

¹⁰²The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (New York). BAR. Vladimir Vostokov. Box 1.

¹⁰³Православная Русь. 1964. № 21. С. 5.

¹⁰⁴AA. Inland I-D, 4799; BA. R5101/22183, Bl. 144.

¹⁰⁵СА. Д. 48/44.

26 сентября на своем первом заседании в Вене Синод постановил выдать денежное содержание за октябрь его членам, служащим канцелярии и другим эвакуированным духовным лицам в размере 3200 марок. В это время в Синодальной кассе было 18650 марок, в том числе от реализации ценностей, унаследованных от архиепископа Феофана (Гаврилова), — 17 тыс., от обмена привезенных динар — 1125 марок и в качестве дохода от молебствий в Вене перед Курско-Коренной иконой — 495 марок¹⁰⁶.

Хорошо понимая, кому он обязан эвакуацией, митрополит Анастасий 8 октября 1944 г. отправил письмо давнему доброжелателю РПЦЗ чиновнику Министерства церковных дел Вернеру Гауггу, в котором отмечал, что предполагал написать ему, когда Архиерейский Синод прибудет на место, предназначенное в качестве резиденции, «но, видимо, отыскание и подготовка ее требует времени», поэтому члены Синода пока живут в венской гостинице. Первоиерарх просил помочь вернуться к обязанностям священнослужителя призванному на военную службу православному священнику (немцу по национальности) Павлу Хеке и подчеркивал: «Памятуя Ваше всегда сочувственное отношение к Архиерейскому Синоду, я надеюсь, что Вы не откажете в Вашей доброй поддержке для него и теперь, когда он находится под непосредственным покровительством Германского правительства»¹⁰⁷.

В это же время митрополит Серафим (Ляде) возбудил перед немецкими властями ходатайство о назначении эвакуированным из Сербии иерархам правительственного пособия по примеру получаемого в Германии архиереями-беженцами из разных областей России, Украины и Белоруссии. Правда, первое такое пособие в 4000 марок было получено Синодом 11 января 1945 г. (за декабрь и январь). Между тем Венское городское управление с 15 октября перестало оплачивать проживание эвакуированных священнослужителей в гостинице Пратерштерн, где они остановились¹⁰⁸.

4 декабря 1944 г. начальник объединения Русских воинских союзов генерал-майор А.А. фон Лампе письменно запросил митрополита Анастасия о судьбе находившихся в белградской Свято-Троицкой церкви русских знамен и могилы генерала П.Н. Врангеля. В ответном письме от 26 декабря владыка сообщил, что знамена должны были быть доставлены для эвакуации в штаб Русского охранного корпуса, а церковь и могила Врангеля оставлены на попечение

¹⁰⁶ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

¹⁰⁷ Там же. Д. 52/44.

¹⁰⁸ Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

настоятеля протоиерея Иоанна Сокала и были приняты под покровительство Сербской Патриархии¹⁰⁹.

В Вене Архиерейский Синод пробыл около трех месяцев. Владыка Анастасий совершал богослужения в двух русских церквах: старой посольской свт. Николая Чудотворца и новой домовой Покрова Пресвятой Богородицы, куда временно поместили и вывезенную из Белграда Курско-Коренную икону Божией Матери «Знамение». Вот как описывали очевидцы одну из Божественных литургий, совершенных в Вене под градом бомб: «К началу литургии, которую служил митрополит Анастасий, церковь наполнилась молящимися... У обоих клиросов стоят толпы исповедывающихся... «Белые» беженцы перемешались с «остами», находившимися на работах в Вене... Внезапно завывли сирены, и вскоре началась страшная бомбардировка. Далекий гул взрывов... не прерывал литургии. Спокойно подавали возгласы первосвященник и священники. Торжественно пел хор. Даже самые пугливые и слабые духом не покидали церковь... Разрывы бомб приближались. Сотрясалась церковь, дребезжали стекла. У всех молящихся были торжественно спокойные лица. Люди принимали св. Причастие, подходили приложиться к чудотворной иконе и под благословение кроткого старца-владыки митрополита. Служба окончилась, и одновременно был дан отбой»¹¹⁰.

31 октября Синод одобрил брошюру профессора Гротова «Большевизм и Православие» как полезную для распространения среди верующих¹¹¹. Большая часть русских переселенцев из Югославии, Болгарии и Греции — около пяти тысяч человек была размещена в округе г. Линца, где три месяца — до 1 января 1945 г. работало Бюро по регистрации русских беженцев с Балкан. С благословения митрополита Серафима (Ляде) с ноября 1944 г. их стал окормлять приехавший из Сербии о. Павел Проскурников¹¹². Протоиерей Владимир Востоков был назначен настоятелем временной барачной церкви лагеря русских беженцев в Вене, где он служил с 21 сентября 1944 по 2 апреля 1945 г. При этом Синодальная канцелярия на всякий случай выдала справку о его антикоммунистических взглядах: «О. Востоков за речь на Всероссийском Церковном Соборе

¹⁰⁹ Там же. Д. 48/44.

¹¹⁰ Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. С. 19–20.

¹¹¹ Са. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

¹¹² Архив Германской епархии РПЦЗ. Д. Разная переписка. Военные годы.

22 января 1918 г. и за непрерывную проповедь в церквах и в печати против безбожного коммунизма заочно осужден на смертную казнь»¹¹³.

Духовное окормление требовалось и другим беженцам. 29 декабря 1944 г. митрополит Анастасий писал владыке Серафиму (Ляде) о просьбе директора организованных в Силезии приюта и школы для детей военнослужащих Русского корпуса прислать к ним священника. Первоиерарх РПЦЗ предлагал назначить бывшего законоучителя Донского Маринского института протоиерея Василия Бошановского, который в то время находился при штабе Донского атамана¹¹⁴. 4 декабря М.А. Неклюдова — директор другого приюта эвакуированных из Сербии и Хорватии в область Дуная русских детей (62 девочки и 28 мальчиков) просила первоиерарха РПЦЗ направить к ним законоучителя и священника. В конце декабря просили прислать священника на Рождество и эвакуированные из Белграда русские гимназистки, находившиеся в лагере на о. Рюген, вблизи г. Лоббе (среди которых была дочь Г.П. Граббе Анастасия). Не хватало священнослужителей также в эвакуированном в судетский г. Егер (ныне г. Хеб) Русском кадетском корпусе и т.д.¹¹⁵

10 ноября 1944 г. служащие и члены Архиерейского Синода из Вены переехали в Карлсбад (Карловы Вары), где 11 февраля 1945 г. скончался председатель Ученого комитета при Синоде бывший архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко). В Германии митрополит Анастасий несколько раз встречался с генералом А.А. Власовым и благословил создание Русской освободительной армии (РОА). 18 ноября 1944 г. митрополит присутствовал в Берлине на торжественном собрании, посвященном провозглашению Комитета освобожденных народов России (КОНР) и 19 ноября выступил в берлинском соборе со словом, посвященным учреждению комитета.

Правда, особой политической активности архиереи РПЦЗ в последний период войны не проявляли, чем некоторые антисоветски настроенные русские церковные эмигранты были не довольны. Так, В.А. Маевский 5 января 1945 г. писал из Линца Е.И. Махароблидзе в Вену: «Вы правы, что м. Анастасий совсем «излаяно», хотя и раньше он не отличался способностями крупного иерарха. Да, вокруг него мертво, но оно наблюдается и у нашего правящего владыки [митро-

¹¹³The Bakhmeteff Archive. BAR. Vladimir Vostokov. Box 1.

¹¹⁴СА. Д. 41/43.

¹¹⁵Там же. Д. 48/44.

полита Серафима (Ляде)]; и у него в центре мертво, и весьма слабо развивается церковно-общественная жизнь...»¹¹⁶.

После избрания в конце января 1945 г. патриархом Московским и всея Руси Ленинградского митрополита Алексия (Симанского) владыка Анастасий до конца войны так публично и не выразил своего отношения к этому акту. Правда, 19 марта он написал чиновнику РКМ В. Гауггу, что его давно волнует вопрос, связанный с поступившими сведениями об избрании патриарха в России. Митрополит считал, что данный акт «нуждается в соответствующей оценке со стороны свободного русского духовенства», которое «не может признать выборы законными», но для вынесения решения требуется необходимый материал. Поэтому владыка Анастасий просил Гаугга прислать требуемый материал и сообщить свое личное мнение по этому вопросу¹¹⁷. Однако ответ на это письмо, по всей видимости, получен не был.

В заявлении канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 26 июля 1947 г. утверждалось, что «в последний, наиболее критический момент военных действий» у РКМ возникла мысль о созыве Собора всех зарубежных русских епископов различных юрисдикций, «якобы для выражения общего их протеста против угнетения Церкви со стороны Советской власти». Далее в заявлении говорится: «За этим формально выстроенным поводом к созыву Собора у правительства, несомненно, скрывались и другие, ему одному известные виды и надежды на Собор русских епископов. В предвидении этого Архиерейский Синод не пошел навстречу желаниям правительства в осуществлении такой задачи. Собор так и не был созван»¹¹⁸. Хотя архивные документы на этот счет в просмотренных немецких фондах отсутствуют, другие свидетельства (воспоминания Сербского Патриарха Гавриила и т.д.) показывают, что такая попытка со стороны германских ведомств, проявлявших интерес к Русской Церкви вплоть до мая 1945 г., вероятно, была.

Интересно отметить, в период пребывания Синода в Карлсбаде в одном здании с ним проживала группа бывших катакомбных священнослужителей выехавших с оккупированной территории СССР (из Смоленска): архимандрит, игуменья и архидиакон Анастасий, которые, по свидетельству Елены Николаевны Лопушанской¹¹⁹, были специально посланными советскими агентами.

¹¹⁶ Архив Германской епархии РПЦЗ. Д. Разная переписка. Военные годы.

¹¹⁷ СА. Д. 36/43.

¹¹⁸ От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей. С. 3.

¹¹⁹ Духовная писательница, автор книги воспоминаний о епископе Дамаскине (Цедрике).

Е.Н. Лопушанская (Е. Лопе) лично видела этих людей в Карлсбаде и позднее, в письме протоиерею Димитрию Константинову от 14 декабря 1966 г. сообщила: «Много позже, уже в Америке, я встретила с игуменией Эмилией... Мы с ней часто беседовали, и она рассказала мне конец истории с тройкой катакомбной церкви. Когда фронт начал быстро продвигаться к Карлсбаду, Граббе отправился искать новое местопребывание, а митр. Анастасий остался в Карлсбаде. Напомню Вам, что в Мариенбаде... находился штаб ген. Власова. В один прекрасный день архидиакон Анастасий явился к митр. Анастасию в форме НКВД и сказал ему, что ничего дурного ему не сделают. Еще бы! Под покровом Синода года три в Югославии и около года в Германии в самое горячее с военной точки зрения работала шпионская группа, не вызывая никаких подозрений! Митр. Анастасий был очень огорчен и сказал, чтобы ему никогда не говорили об этой группе и не напоминали. Это понятно. Игуменья оказалась просто женой архимандрита, а архимандрит таковым вовсе не был... Я описала этот случай арх. Афанасию, которого знаю по Гамбургу. Он был тогда на сессии Синода,... и он спросил об этом Граббе. Тот ответил: «Если они сумели провести гестапо... Они жили в одной гостинице с нами»¹²⁰.

Теоретически существование такой советской разведгруппы под видом представителей духовенства в Карлсбаде было вполне возможно, так как подобные группы действовали на оккупированной территории СССР (например, в г. Калинин при епископе Василии (Ратмирове) осенью 1941 г.). Утверждение же Е.Н. Лопушанской, что данная группа функционировала в Югославии при Архиерейском Синоде чуть ли не с 1942 г. и была эвакуирована с ним в Германию, архивными документами не подтверждается. В частности, в списке 14 персон, переехавших вместе с митрополитом Анастасием из Белграда в Вену, этих трех лиц не было¹²¹. К тому же германские власти, за редчайшими исключениями, не разрешали приезжать священнослужителям с оккупированной территории СССР в Югославию, и, напротив, осенью 1944 г. в Судеты прибыла большая группа эвакуированных с Востока православных священнослужителей: украинских, белорусских и русских.

В связи с новым приближением советских войск митрополит Анастасий и служащие Архиерейского Синода при содействии генерала А.А. Власова в середине апреля выехали из Карлсбада в Баварию, где их застал конец войны.

¹²⁰ Архив Американской Православной Церкви (OCA Archives). Ф. протоиерея Димитрия Константинова. Вох 20.

¹²¹ СА. Д. 48/44.

При этом владыка Анастасий с келейником и чудотворной Курско-Коренной иконой переехал 15 апреля на штабном автобусе Власова в г. Фюссен, а основная группа духовенства и служащих Синода: митрополит Серафим (Ляде), епископ Василий (Павловский), архимандриты Аверкий (Таушев), Иов (Леонтьев), Г.П. Граббе и другие с синодальным архивом и несколькими ящиками богослужебных книг выехали 17 апреля из Карлсбада поездом в товарном вагоне, но из-за бомбардировок смогли добраться только до маленькой австрийской станции Кухель в Северном Тироле. Здесь они дождались прихода американских войск, а затем переехали к митрополиту Анастасию в Фюссен¹²². Последнее заседание Архиерейского Синода в Карлсбаде состоялось 9 апреля, а следующее — уже в Баварии только 14 июля 1945 г.¹²³

Таким образом, пережив в годы Второй мировой войны тяжелейшие испытания и оказавшись на грани исчезновения, Русская Православная Церковь Заграницей все-таки сумела выстоять. Ее руководящий орган — Архиерейский Синод, переехав в Германию, возобновил свою деятельность уже вскоре после окончания войны, а паства РПЦЗ существенно пополнилась за счет оставшихся в западных зонах оккупации Германии бывших восточных рабочих, советских военнопленных и беженцев с оккупированных немцами территорий СССР.

Источники и литература

1. *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951.
2. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. / Под ред. Г.М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.
3. Архипастырские послания, слова и речи высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956.
4. Богомудрый архипастырь. К 20-летию представления блаженнейшего митрополита Анастасия // *Der Bote*. 1985. № 6. С. 12–13.
5. *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. С. 185—189.

¹²²СА. Д. 53/44, личное дело епископа Григория (Граббе).

¹²³Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

6. *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 109–129.
7. *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955.
8. *Всеволод (Филипьев), инок.* Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль; М., 2005.
9. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–329.
10. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
11. Гласник. Београд. 1943. № 2, 9.
12. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005.
13. *Граббе Г., протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970.
14. *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996.
15. *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008.
16. Журнал Московской Патриархии. Москва. 1978. № 9.
17. Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995.
18. *Константинов В.Д.* Записки военного священника. СПб., 1994.
19. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
20. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 1999.
21. *Кускова Е.* Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1951. 25 мая.
22. *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.

23. *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.
24. *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970.
25. *Николай (Трайковский), игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012.
26. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
27. Парижский наблюдатель. Париж. 1943. 16 января.
28. Православная Русь. Джорданвилл. 1947. № 5, 12, 1964. № 21, 1993. № 10–11.
29. *Протопопов М., прот.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999.
30. *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949.
31. Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968.
32. Русский корпус. Нью-Йорк, 1963.
33. Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963.
34. Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948.
35. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.
36. *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
37. *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 45–52.
38. *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960.

39. Трушинович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 140–148.
40. Церковная жизнь. Белград. 1939. № 1–2, 9–10, 1941. № 3–12, 1942. № 1, 4, 5, 7–8, 10, 11, 12, 1943. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 1944. № 1, 5–6.
41. Церковное обозрение. Белград. 1941. № 4–6, 10–12, 1942. № 4–6, 7–8, 9–10, 11–12, 1943. № 1, 7, 8, 9.
42. Черкасов-Георгиевский В. Русский храм на чужбине. М., 2003.
43. Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.
44. Buchenau K. Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwertler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011.
45. Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada. 1991.
46. Mayeur J.-M. [Hrsg.]. Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg Demokratien und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg–Basel–Wien, 1992.
47. Pavlović G.. Pod zvezdom šestokrakom. Judcuzam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.
48. Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.
49. Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969.

Священник Константин Костромин

РЕЦИДИВ СИНОДАЛЬНОГО ОБЛИЧЕНИЯ РАСКОЛА

Рецензия на: *Соколов А., прот.* Православная церковь и старообрядчество. Н. Новгород: Кварц, 2012. 432 с.

Синодальные миссионеры, работавшие со старообрядцами, исходили из твердого убеждения, что старообрядчество — это вредный раскол упершихся любителей старины, который давно себя изжил и права на существование не имеет. К этому добавлялась также почти фанатическая убежденность в правоте церковной власти вообще и патриарха Никона в частности, а потому, не углубляясь в историю реформы и раскола, не вдаваясь в аргументацию старообрядческой стороны и не давая себе труда осмыслить это явление в целом, миссионеры а priori были убеждены в ущербности всего того, что может иметь отношение к старообрядчеству, и в истинности всего того, что происходило в Церкви, особенно в середине XVII века и в дальнейшие эпохи.

Наиболее ярко эта апологетическая мысль проявила себя в произведениях известного богослова и популяризатора протопресвитера Александра Шмемана. Однако нужно признать, что знание старообрядчества — это не «конек» отца Александра. Не говоря уже о том, что его суждения о старообрядчестве непрофессиональны (а он, не очень зная предмет, все-таки посчитал своим долгом высказаться по этому вопросу, причем тоном знатока, поучающего А.И. Солженицына правильной трактовке этого сложного вопроса), они еще и основаны на том самом априорном убеждении в неправоте и неправомочности старообрядчества как явления (см. их переписку в журнале «Вестник РХД» в начале 1970-х гг.). В своей книге «Исторический путь Православия» он чуть смягчил форму, однако суть осталась прежней.

Позиция прот. Александра Шмемана непоследовательна. Ведь несколькими страницами позднее он не будет оправдывать петровское преобразование церковного управления, хотя и сама церковная иерархия не высказалась против реформы (а некоторые ее даже и воспевали), и жизнь показала, что создание Синода как постоянно действующего коллегиального управленческого органа

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель, секретарь Ученого Совета и заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

оказалось очень удачным и отвечало духу времени, по каковой причине Синод, пусть и в видоизмененной форме, продолжает действовать и сейчас. Иными словами, пересмотр оценок исторического прошлого, начавшийся в середине-конце XIX века, еще не закончен. Противоречивость актуальных оценок требует дальнейшей работы церковных и светских историков, и далеко не очевидно, что консенсус будет найден с легкостью.

Старообрядчество — это одна из тех проблем, которые не могут иметь однозначной оценки. Однако изучение его истории во второй половине XIX – XX веках, прежде всего, благодаря усилиям таких историков, как А.П. Шапов, Н.Ф. Каптерев, С.А. Зеньковский и др., привело к некоторой «реабилитации» старообрядчества. «Мы глубоко сожалеем о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам старого обряда; о тех преследованиях со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Российской Церкви только за любовь старообрядцев к преданию, принятому от благочестивых предков, за ревностное хранение его... — говорится в послании Собора Русской Православной Церкви Заграницей 2000 г. — И несмотря на это, хотя наша иерархия и наши верующие никогда не участвовали в преследованиях и насилиях, причиненных старообрядцам, мы хотим воспользоваться и ныне данным случаем, дабы испросить у них прощения за тех, кто презрительно относился к их благочестивым отцам.

Этим мы хотели бы последовать примеру святого императора Феодосия Младшего, перенесшего святые мощи святителя Иоанна Златоуста в Царственный град из дальней ссылки, куда родители его немилостиво отправили святителя. Применяя его слова, мы взываем к преследованным: “Простите, братья и сестры наши, прегрешения, причиненные вам ненавистью. Не считайте нас сообщниками в грехах наших предшественников, не возлагайте горечь на нас за невоздержные деяния их. Хотя мы — потомки гонителей ваших, но неповинны в причиненных вам бедствиях. Простите обиды, чтобы и мы были свободны от упрека, тяготеющего над ними. Мы кланяемся вам в ноги и препоручаем себя вашим молитвам. Простите оскорбивших вас безрассудным насилием, ибо нашими устами они раскаялись в содеянном вам и испрашивают прощения”.

В XX веке на Православную Русскую Церковь обрушились новые преследования, теперь уже от рук богоборного коммунистического режима. Перед нашими глазами ярким образом представилось преследование при малодушном или даже бессовестном соучастии и пособничестве гражданским безбожным властям со стороны лиц, именующих себя церковными. Мы со скорбью при-

знаем, что великое гонение нашей Церкви в прошедшие десятилетия отчасти может быть и Божиим наказанием за преследование чад старого обряда нашими предшественниками. Итак, мы сознаем горькие последствия событий, разделивших нас и тем самым ослабивших духовную мощь Русской Церкви»¹.

Столь длинная преамбула потребовалась потому, что анализ и оценка значения сочинений на эту тему могут показаться неоднозначными. Рецензируемая книга понятна именно в контексте этой преамбулы. Автор книги — митрофорный протоиерей Александр Соколов (очевидно, помещение на обложке упоминания митрофорного статуса автора должно придать вес книге в глазах широкой читательской массы) — начинает с цели своей работы. Она вырисовывается как апологетическая: «Поводом к ее написанию послужило прочтение одной книги, которую мы назовем позднее: все ее содержание сводится к тому, что в Православной Церкви все неправильно и там служат недостойные люди, которым надо каяться за то, что они оставили старые обряды... Авторы, особенно старообрядцы, виновником раскола считают патриарха Никона. Его обвиняют во всех человеческих слабостях, начиная с властолюбия. Мы хотим сказать, что Никон, как человек глубоко воцерковленный, ясно видел и чувствовал серьезное разделение внутри русского общества, грозившее расколом... Задача, которую сознательно он себе ставил, состояла в том, чтобы удержать все русское общество в целом в послушании Православной Церкви в такой обстановке, когда значительная часть общества (снизу доверху) стала заметно от нее отходить» (с. 3–4).

Приведенные слова позволяют легко распознать в авторе апологета патриарха Никона, продолжателя идей М.В. Зызыкина, прот. Льва Лебедева и др. Спор между различными школами едва ли уместен и возможен, однако задача нашей рецензии не сводится к бесполезной попытке их примирить или просто лишний раз столкнуть. Различные идеи о природе власти заставляют исследователей делать различные выводы и из событий прошлого.

Прот. А. Соколов исходит из идеи божественного происхождения и оправдания власти, по каковой причине он видит совершенно естественным стремление патриарха Никона к абсолютной власти в Церкви, считая соборное движение порождением гордыни (с. 5–6). Сторонники соборности и соборного начала в Церкви склонны видеть в характере отношений протопопов и Никона трагизм положения и возлагать ответственность не только на их участников,

¹ Послание Собора Русской Православной Церкви Заграницей к приверженцам старых обрядов. Октябрь 2000 г.

но и на «злобу дня», в которой вины непосредственных участников событий, казалось бы, нет. Однако отметим, что XVII век стал веком становления русского монархического абсолютизма, и в этом движении воля непосредственных участников событий играла ключевую роль. Никон, как сторонник абсолютизма, выступает и на стороне государства (как апологет самой формы абсолютной власти), и против него (поскольку его власть — не государственная). Он не мог не понимать, в этой связи, своего двусмысленного положения. Патриархи его эпохи, за совершенно понятным исключением патриарха Филарета, не имели столь масштабной власти. Поведение Никона, выбивающееся из общего ряда, несомненно подтолкнуло Петра Великого нивелировать влияние Церкви, опасаясь повторения феномена Никона впредь, и утвердить то самое «демократическое» начало, с которым Никон боролся. Таким образом, выбившись «из колеи», Никон еще и подтолкнул ситуацию в противоположном направлении. Гордыня человека,двигающегося против течения как «светской», так и церковной конъюнктуры, очевидна. Следовательно, изначальная апологетическая посылка автора представляется неверной.

Нет смысла разбирать первые три главы книги, так как их содержание не имеет отношения к теме, заявленной в заглавии книги. Не вполне понятно, зачем в подобного рода произведении излагать предшествующую историю Руси и Русской Церкви, носящую общий характер. В книге С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» (использованной автором только как цитатник для собственных выводов; но мысль, заложенная в книге, прот. А. Соколовым использована не была) преамбула вполне оправдана, поскольку она тематически сужена и представлена в объеме, подобающем для преамбулы. Экскурс в историю общественной мысли тщательно продуман и не вызывает никаких возражений. К сожалению, этого нельзя сказать о рецензируемой книге.

Старообрядцы впервые выступают на страницах сочинения прот. А. Соколова в контексте событий 1650 г., т.е. еще до патриаршества Никона (с. 83–84 и сл.). Это вызывает недоумение. В качестве примера приведем фразу: «Старообрядцы, имевшие большое влияние на церковную жизнь при патриархе Иосифе, стремились как можно больше ввести в устав того, что, по их мнению, было необходимо». В частности, ниже речь идет о «дерзкой» попытке ввести практику единогласия (поясним: внятного произнесения богослужебных текстов), которая была чужда русской богослужебной традиции и была негативно воспринята народом (с. 89). Все рассуждения покоятся на дилетантских рассуждениях

о форме сложения перстов при крестном знамении и благословении (с. 94–119). В них явно не была использована упоминаемая в списке использованной литературы книга Б.А. Успенского «Крестное знамение и сакральное пространство», а самого автора прот. А. Соколов называет «сторонником старообрядчества» (!) (с. 97). При этом, критикуя выводы современных называемых и неназываемых ученых, прот. А. Соколов ссылается на обличительные сочинения митр. Григория (Постникова) и известный труд митр. Макария (Булгакова), фактически упрекая авторов «Православной энциклопедии» в непрофессионализме (с. 108–109 и сл.). Т.е. устами прот. А. Соколова дореволюционная наука полемизирует с наукой современной. Из сказанного выше автор делает совсем уж удивительный вывод: «Называемые старообрядцами “старые” обряды были для русских людей конца XVI – начала XVII века новыми, которые старообрядцы ввели в церковную практику». Вывод противоречит не только научным данным, не только даже внутренней логике (старообрядчество — это реакция на действия патриарха Никона и не могло появиться до его патриаршества), но и самому себе. В самом деле, автор называет «старообрядцами» тех, кто придумывал, по его словам, **новые** обряды. Далее, когда он уйдет от обрядовой тематики, он будет называть их раскольниками, однако логичнее, в рамках предложенной концепции (которая, повторимся, сама по себе абсурдна), называть их так с самого начала. На таких контрастах построена вся книга.

В седьмой главе автор рисует перед читателем биографический портрет патриарха Никона. Перед нами предстает образ, лишенный даже намека на какие бы то ни было недостатки. Никон, по описанию прот. А. Соколова, отличался любознательностью (с. 145), красотой (с. 149), величием, красноречием, благочестием (с. 152), проницательностью (с. 154), скромностью (с. 155), ревностью о чистоте веры (с. 160–161), кротостью (с. 218), милосердием (с. 185). Патриарх Никон был незлопамятным человеком (с. 151), выдающимся организатором (с. 159), молитвенником (с. 185–186), книжником (с. 186) и постником (с. 187, 189). По мнению автора, этого замечательного человека с патриаршего престола скинули завистливые бояре (с. 176–179). Только на бояр и на расколуучителей легла основная вина за то, что дело патриарха Никона не получило хода. Обвинения в его адрес были «сплошной клеветой» (с. 228). Иными словами, авторская концепция сложилась задолго до знакомства с историческим материалом, который призван был только иллюстрировать оторванную от действительности, искусственно сконструированную мысль автора.

Оценивая взгляды и деятельность «расколоучителей», прот. А. Соколов принципиально тенденциозен. Он почему-то посчитал, что «вожди раскола, люди, непокорные учению Церкви, основывались на ересь ариан, несториан, еutihан» (с. 119). Произведения Аввакума, оказывается, «носили все признаки анархической агитации» (с. 275), противоположной общей тенденции построения абсолютистского государства, которая, впрочем, автору также не понравилась (петровское государство он назвал «тоталитарным», с. 347). Утверждая это, автор продемонстрировал совершенное незнание произведений самих старообрядцев, выдержки из которых приводил исключительно по полемической антистарообрядческой литературе конца XVIII–XIX веков. Ссылку старообрядческих лидеров в Пустозерск прот. А. Соколов почему-то назвал «случайной» (с. 267). Очевидно, такой эпитет ему потребовался для того, чтобы заявить, что «ссылных в Пустозерске не беспокоили... Они жили вольно и агитировали всю», что является вопиющим незнанием или сознательным игнорированием исторических фактов. Ложью или подтасовкой является и утверждение, что монахи Соловецкого монастыря, после бунта и взятия обители царскими войсками «принесли покаяние Церкви и государству, а их было большинство, были прощены и остались жить в монастыре» (с. 336). Впрочем, догадываясь, что данный исторический сюжет не вписывается в его концепцию, автор не стал на нем задерживаться, посвятив ему всего полторы страницы (с. 334–336). Вызывает искреннее удивление и то, что историю старообрядческих согласий маститый протоиерей изложил только по советской атеистической пропагандистской популярной брошюре Миловидова (с. 293–311).

Чрезвычайно странным, совершенно противоречащим выводам современной научной литературы и здравому смыслу представляется вывод прот. А. Соколова. «В заключение мы можем утверждать: сколько бы ни говорили о церковной реформе XVII века, приписываемой Никону, реформы не было». По его мнению, весь смысл деятельности Никона сводился к попыткам удержать русское общество от раскола и простому исправлению испорченных безграмотными переписчиками-расколоучителями книг. Абсурдность этого заключения очевидна.

Наш обзор не является детальным. В книге есть много нелогичных заключений, откровенного незнания фактов, подтасовок и умолчаний. Едва ли нужно разбирать их все. Ненаучность издания подчеркивается списком использованной литературы. Из 61 наименования (с. 423–427) лишь не более 18 можно от-

нести к литературе, непосредственно касающейся темы исследования и не являющейся при этом публицистической или популярной. Остальные книги носят справочный, общеисторический или вспомогательный характер. Неоднократно на страницах книги можно найти глухие отсылки и даже цитаты из работ известных историков: В. Пальмера, Н. Гиббенета (называемого почему-то «Гюббенетом»), С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.Е. Голубинского (которого автор путает с известным философом прот. Ф.А. Голубинским), Н.Д. Успенского, митр. Иоанна (Снычева), архиеп. Серафима (Соболева) (известного историка прот. Льва Лебедева автор почему-то называет Л.С. Лебедевым) и многих других. Их произведения не вошли в список использованной литературы. Более того, прот. А. Соколову остались неизвестны практически все работы профессиональных историков по истории старообрядчества и XVII века в целом, причем не только современные, но и дореволюционные.

После книги С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» трудно соизмерить книгу, которая мгновенно не затерялась бы в библиографических списках. Единственным известным общим трудом, написанным после этой замечательной монографии, который оказался принят читающей аудиторией, стала книга А.В. Крамера «Раскол Русской Церкви в середине XVII века». Книга прот. А. Соколова как библиографическая единица не обладает равным счетом никакой ценностью. Более того, в ней предложена реконструкция не только осмысления, но и исторического сюжета, которого просто не было в действительности.

В конечном итоге важно не то, прав автор в своих исторических штудиях или нет. Время все расставляет на свои места. Важнее другое — своим апологетическим, а на самом деле агрессивным произведением он слегка (не следует преувеличивать значение данного опуса) и добровольно подтолкнул проблему к тому, чтобы она решалась более болезненно. Священноначалие Русской Православной Церкви довольно однозначно высказалось по поводу данной проблемы. Поместный собор 1971 г. постановил «утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 г. об упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православных христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие. Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру». Автор

рецензируемой книги с этими постановлениями, видимо, не согласен. Однако соборный разум нашей Церкви стремится к тому, чтобы добрые отношения между людьми доброй воли способствовали воле Господа, Который «да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа, Который умер за всех нас, дабы мы примирились с Богом и, примирившись, спаслись (Рим 5:8,10)»².

²Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их. Троице-Сергиева Лавра, 2 июня 1971 г. от Рождества Христова.

ANNOTATIONS

P.I. Gaidenko. Education of the Old Russian Bishops (the Close of the 10th century – the 1st third part of the 13th Century)

Upbringing and education of the Russian episcopate has never appeared to be an independent scientific problem. In the meantime the knowledge of the intellectual preparation level of bishops could bring the researchers of the Russian Orthodox Church to a better understanding of the religious processes as well as the principles of organization and activities of the Church institutions. In the article presented there is an attempt to describe and analyze the overall level of literacy of the first Old Russian bishops.

Pavel Ivanovich Gaidenko is a Doctor of Historical Sciences, Professor of the Humanities Faculty of the Kazan National Research Technical University, Associate Professor of the History and Culturology faculty of the Kazan State University of Architecture and Engineering.

Archimandrite Avgustin (Nikitin). Fort Ross — «Russian Fortress» in California

The article tells about one of the most interesting chapters in the history of the Russian Orthodox missionaries' work in California as well as about the history of relations with the Roman Catholic missions in the same region during the Spanish and lately Mexican reign. Special section is dedicated to the history of Fort Ross from the year 1848, when California was integrated into the United States of North America. Much attention is given to the current state of Fort Ross.

Archimandrite Avgustin (Nikitin) is a Candidate of Theology, Associate Professor of the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy.

Hieromonk Agafangel (Suslov). Monks' Disturbance at the Valaam Monastery in the Middle of the 19th Century

In the present article the author analyzes monasterial disciplinary interrelations on Valaam. He observes the reasons and characteristics of monks' disturbance in this convent in 40s of the 19th century, consistently uncovers the stages of disturbance and the result of hierocracy's investigation. Canonical, dogmatic and moral causes of a displacement of Valaam Monastery's guardian hegumen Veniamin are determined. The article is based on materials from the funds of Saint-Petersburg and Valaam Monastery in Finland.

Hieromonk Agafangel (Suslov) is a Doctoral Program Student at the Orthodox Saint Tikhon's Humanitarian University.

N.D. Golubyatnikova. From the History of Fraternal Library Formation in Alexander Nevsky Lavra

There was about 20 libraries before the revolution in the grounds of Lavra: the oldest one was monasterial fraternal library, besides that there were book collections of diaconicum and choir aisles, cenobium and atheneum; Metropolitan library; fundamental, student, church libraries of the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy, Alexander Nevsky Antoniev religious school and Isidorov diocesan women's religious school, one-grade Church school of seminary and Isidorov school, two-grade Alexander Nevsky cantatory Church school of Metropolitan Choir and also a street library in «cupboards and frames». In this article the author attempts to reconstruct the various stages of the development of fraternal monasterial library.

Neonilla Dmitrievna Golubyatnikova is a Book Keeper of the Alexander Nevsky Lavra.

N.T. Karamyshev. Vasilii Ivanovich Dolotskiy — the First Professor of Liturgical Studies of the Saint Petersburg Theological Academy

The purpose of this article is to fill the gap in relation to V.I. Dolotskiy as a liturgy teacher, giving a brief outline of his life and work. In the process of teaching V.I. Dolotskiy used historical approach in the liturgy, which, however, is fragmented. It was V.I. Dolotskiy who laid a foundation of scientific liturgy in the Saint Petersburg Theological Academy at a turning point before the reform of year 1869 and in the early reform years. V.I. Dolotskiy can be considered to be the first Orthodox liturgical scholar in the strict sense of the word.

Nikolay Tikhonovich Karamyshev is a Doctoral Program Student at the Orthodox Saint Tikhon's Humanitarian University.

Priest Ioann Tarasov. Life Journey of the Professor of the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy Ivan Alekseevich Karabinov (1878–1937)

This article describes the life of Ivan Alexeyevich Karabinov who was the outstanding liturgist of the early 20th century, professor of the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy of the Liturgy department and a Magister of Divinity. The article discusses his childhood, his studies at religious schools and archaeological institutes, research and teaching activities as well as his fate after the revolution. The

article also includes biographical information on the students who have studied at the Theological Academy and wrote their candidate's works under the direction of I.A. Karabinov.

Priest Ioann Tarasov is a Master of Divinity, Doctoral Program Student at the Saint Petersburg Orthodox Theological Academy.

D.A. Karpuk. On the Establishment in the Imperial St. Petersburg Theological Academy the Department of “Church Living Word and Reading”

The article presents the history of attempts to establish a new academic department “Church Living Word and Reading” in the Imperial St. Petersburg Theological Academy at the beginning of the XX century for money of an individual. The benefactor was a nobleman A.A. Efremov, who believed that the Church's preaching of many priests were in very poor condition in the early of 20th Century. Academic Corporation, which fully agreed with this opinion, did everything possible to open the new department. However, the First World War and subsequent events prevented this unique project from implementation in the history of pre-revolutionary higher theological education.

Dmitriy Andreevich Karpuk is a Candidate of Theology, Teacher and Secretary of the Department of Church History and Head of the Archives of Saint-Petersburg Orthodox Theological Academy.

K.A. Soloviyov. Biblical Allusions in the Imperial Proclamation of the 26th of July, 1914

The article analyzes the text of the Proclamation of July 26, 1914, announcing the accession of the Russian Empire in the First World War. Comparison of the final part of the proclamation with biblical texts shows that the symbolism of the proclamation of the 26th of July is based on the semantics of Psalter images, books of Judith, Esther and Isaiah, that is, those Old Testament texts, which tell of the triumph of justice in the fight against the enemies.

Konstantin Anatolyevich Soloviyov is a Doctor of Historical Sciences, Professor of Political History Department of the State Management Faculty of the Moscow State University.

M.V. Shkarovsky. The Russian Orthodox Church Abroad and Its Communities in Yugoslavia During the Second World War

The article is devoted to the affairs of the administrative entities of the Russian Orthodox Church Abroad (ROCA, ROCOR) and the history of Russian ecclesiastic communities in Yugoslavia during the Second World War. In April 1941, Yugoslavia was occupied by Nazi Germany and its allies and the communities of ROCA were seriously limited in their affairs. The Russian emigrant community was split: one part of the faithful of ROCA joined various anti-Communist groups — among them the Russian Corps, — while others expressed their dislike of the Nazis. The ROCA hierarchy as a whole attempted to stay neutral while trying to participate actively in the religious revival taking place on occupied territory of the USSR. However, German authorities did not allow Russian emigrant clergy to return to their homeland. In the fall of 1944, in light of the approach of the Soviet Army, the Synod of Bishops was evacuated to Germany where it remained until the end of the war.

Mikhail V. Shkarovsky is a Doctor of Historical Sciences, Professor at St. Petersburg Orthodox Theological Academy, Senior Researcher at the St. Petersburg State Archive.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал публикует научно-исследовательские статьи, материалы научных сессий, конференций, информационные материалы, рецензии и обзоры литературы. Статья должна представлять собой самостоятельное исследование на узкую тему и отвечать критериям актуальности и новизны. Не допускается представление в качестве статьи авторефератов дипломных и кандидатских диссертаций или отдельных глав диссертаций.

Порядок подачи статьи в журнал

Для оформления заявки на публикацию статьи необходимо зарегистрироваться в личном кабинете на официальном сайте журнала по адресу: <http://www.spbpda.info>. После регистрации у автора будет возможность осуществлять через личный кабинет все действия, связанные с процессом публикации: подавать статью в редакцию путем заполнения соответствующих форм он-лайн и загрузки электронного файла; получать информацию о результатах рецензирования статьи и замечаниях рецензента; следить за состоянием статьи, проходящей этапы рецензирования, корректуры, редактуры и верстки. Также через личный кабинет осуществляется постоянная связь с редакцией.

Перед подачей статьи необходимо ознакомиться с требованиями к рукописям, представляемым в журнал, которые можно загрузить с адреса: <http://spbpda.ru/extra/demands.pdf>.

Статья должна иметь следующую структуру:

- *имя автора* — [сан] имя [отчество] (полностью) фамилия;
- *сведения об авторе* — все ученые степени, основные занимаемые в данный момент должности;
- *название статьи*;
- *аннотация* — 3–4 предложения объемом примерно 500 знаков, где изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
- *ключевые слова* — 10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
- *текст статьи*;
- *библиография* — оформленный в соответствии с библиографическими требованиями список использованной автором литературы;
- *[список иллюстраций]* — приводимый, в случае необходимости, список присылаемых отдельно от текста статьи иллюстраций.

Статьи, не имеющие указанной структуры, автоматически отправляются обратно авторам на доработку.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

№ 4, 2014

Научно-богословский журнал

ISSN 1814-5574

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ ФС77-39711 от 7 мая 2010 года

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
договор № 476-08/2013 от 07.08.2013 г.

Издание одобрено к распространению в церковных магазинах
Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.
Свидетельство № 46 от 20 января 2011 года

Издается с 1821 года
Выходит один раз в два месяца

Адрес редакции и издательства:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17. Издательство СПбПДА
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339
Эл. почта: editor@pro-spbda.ru

Секретарь: диакон Петр Филонов

Редакторы-корректоры: О.В. Пржигодзкая, свящ. Алексей Красавин, Дарья Васильева,
Антоний Ковалевич, Антоний Афанасьев

Верстка: диакон Петр Филонов, диакон Филипп Порубаев
Верстка осуществлена в издательской системе Х₂L_AT_EX

Дизайн обложки: Максим Домасев

Подписано в печать: 13 августа 2014 г. Дата выхода в свет: 28 августа 2014 г.

Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Nimbus Roman №9 и Linux Libertine.

Объем журнала: 12.3 а.л.

Свободная цена.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.

Заказ № 616. Тираж 250 экз.